ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2308-8117

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

3 (34) 2021

Выходит 4 раза в год

Учредитель: АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург)

Адрес редакции: 620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, д. 19
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Адрес издателя: 620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, д. 19

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре). Свидетельство ПИ № ФС77-80598 от 07 апреля 2021 г.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Распространяется бесплатно

Редакционная коллегия

Главный редактор
Закс Л. А., д-р филос. наук, профессор

Заместители главного редактора
Мицек С. А., д-р экон. наук, доцент *(направление «Экономические науки»)*
Мясникова Л. А., д-р филос. наук, профессор *(направление «Философские науки»)*
Семитко А. П., д-р юрид. наук, профессор *(направление «Юридические науки»)*

Члены редколлегии
Архипов С. И., д-р юрид. наук, профессор
Балакшин В. С., д-р юрид. наук, профессор
Брандт Г. А., д-р филос. наук, доцент
Глушкова С. И., д-р полит. наук, доцент
Зайцев П. Л., д-р филос. наук, профессор
Ионайтис О. Б., д-р филос. наук, профессор
Карасев А. Т., д-р юрид. наук, профессор
Козлова О. А., д-р экон. наук, профессор
Круглова Т. А., д-р филос. наук, доцент
Курченко В. Н., д-р юрид. наук, профессор
Майфат А. В., д-р юрид. наук, профессор
Мицек Е. Б., д-р экон. наук, доцент
Незнамова З. А., д-р юрид. наук, профессор
Перцев А. В., д-р филос. наук, профессор
Светлов Н. М., д-р экон. наук, профессор
Семякин М. Н., д-р юрид. наук, профессор
Тарасьев А. М., д-р физ.-мат. наук, профессор
Хмелькова Н. В., д-р экон. наук, доцент

Редакционный совет
Болдыгин Г. В., канд. филос. наук, основатель Гуманитарного университета, почетный профессор ГУ (г. Екатеринбург)
Исаков В. Б., д-р юрид. наук, профессор (г. Москва)
Красовский А. А., д-р наук (Вена-Лаксенбург, Австрия)
Палокангас Т., д-р наук, профессор (Хельсинки, Финляндия)
Родригез-Бланко В., профессор (Гилфорд, Великобритания)
Руденко В. Н., д-р юрид. наук, профессор, академик РАН (г. Екатеринбург)
Руткевич А. М., д-р филос. наук, профессор (г. Москва)
Чжу Б., д-р наук, профессор (Пекин, Китай)

THE REVIEW OF THE LIBERAL ARTS UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

3 (34) 2021

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Frequency: 4 times a year

Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Editorial address: 620049, Yekaterinburg,
19, Studencheskaya St.
E-mail: ektbriogu@mail.ru
Publisher's address 620049, Yekaterinburg,
19, Studencheskaya St.

The journal is included in the Russian bibliographical database of scientific publications, Russian Science Citation Index (RSCI)

Distributed free of charge

Editor-in-Chief
Zaks L. A., Dr. Sci. (Philosophy), Prof.

Deputy Editors-in-Chief
Mitsek S. A., Dr. Sci. (Economics), Assoc. Prof. (Section "Economic Sciences")
Myasnikova L. A., Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Section "Philosophical sciences")
Semitko A. P., Dr. Sci. (Law), Prof. (Section "Legal sciences")

The editorial board
Arkhipov S. I., Dr. Sci. (Law), Prof.
Balakshin V. S., Dr. Sci. (Law), Prof.
Brandt G. A., Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof.
Glushkova S. I., Dr. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof.
Ionaitis O. B., Dr. Sci. (Philosophy), Prof.
Karasev A.T., Dr. Sci. (Law), Prof.
Khmelkova N. V., Dr. Sci. (Economics), Assoc. Prof.
Kozlova O. A., Dr. Sci. (Economics), Prof.
Kruglova T. A., Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof.
Kurchenko V. N., Dr. Sci. (Law), Prof.
Mayfat A. V., Dr. Sci. (Law), Prof.
Mitsek E. B., Dr. Sci. (Economics), Assoc. Prof.
Neznamova Z. A., Dr. Sci. (Law), Prof.
Pertsev A. V., Dr. Sci. (Philosophy), Prof.
Semyakin M. N., Dr. Sci. (Law), Prof.
Svetlov N. M., Dr. Sci. (Economics), Prof.
Taras'ev A. M., Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof.
Zaitsev P. L., Dr. Sci. (Philosophy), Prof.

The editorial council
Boldygin G. V., Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof, founder of Liberal Arts University – University for Humanities, Professor Emeritus
Isakov V. B., Dr. Sci. (Law), Prof. (Moscow)
Krasovskii A. A., PhD (Doctorate) (Vienna-Laxenburg, Austria)
Palokangas T., PhD (Doctorate), Prof. (Helsinki, Finland)
Rodriguez-Blanco V., Professor (Guildford, Great Britain)
Rudenko V. N., Dr. Sci. (Law), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
Rutkevich A. M., Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Moscow)
Zhu B., PhD (Doctorate), Prof. (Beijing, China)

Содержание

Экономика …..……5
Мицек С. А., Мицек Е. Б.
Теория социализма М. И. Туган-Барановского и реалии «развитого социализма» …….6
Мангилева Д. Л.
Оценка инвестиционной привлекательности облигаций
компаний строительного сектора ……23

Юриспруденция ……...29
Тисье М.
Право для народа: популяризация права в России на пороге XX века ……30
Семякин М. Н.
Методологические проблемы понимания вещного права, его значение
в контексте современного реформирования гражданского законодательства РФ …….45
Незнамова З. А.
Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом
наркотических средств и психотропных веществ …….....57
Комментарии к документам ……62
Руденко В. В.
К вопросу об ограничении прав человека актами субъектов Российской Федерации
в период распространения новой коронавирусной инфекции: комментарий
к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации
от 25 декабря 2020 г. № 49-П ……..62

Философия ……69
Игнатова Н. Ю.
Спекулятивная философия глазами аналитических философов……...70
Лесевицкий А. В.
Анализ проблемы «иметь или быть» в творчестве Ф. М. Достоевского
и социальной философии Э. Фромма ……..80
Батюта Е. А., Белоусова Е. В.
Современный обыватель: три мира обычного человека ……90
Мясникова Л. А., Полякова А. С.
О соотношении понятий «танцевальная культура» и «хореографическая культура» …..101
Крутеева О. В.
Современная галерея: практика, институция, институт ……..111

Научные события ……..115
Огоновская И. С., Глушкова С. И.
Историческая память поколений: роль педагогического сообщества
в сохранении и приумножении исторических и культурных традиций
российского общества (обзор материалов межрегиональной конференции) ……116

Рецензии ……..125
Токарев В. А.
Современный подход к сравнению юридических культур (рецензия на монографию
Goltzberg S. Le droit comparé. Paris: Presses Universitaires de France, 2018. 128 p.) ...……126
Глушкова С. И.
Рецензия на монографию О. Ф. Русаковой и В. М. Русакова
«Травелог: Теоретико-методологический анализ» (Екатеринбург, 2021) …….145

Требования к оформлению и порядку представления статей
в журнал «Вестник Гуманитарного университета» ……...149

Contents

Economics …..……...5
Mitsek S. A., Mitsek E. B.
Tugan-Baranovsky's Theory of Socialism and Reality of "Developed Socialism" ……..6
Mangileva D. L.
Assessing Investment Attractiveness of Construction Companies Bonds ……..23

Law …….....29
Tissier M.
The Law for the People: The Popularization of Law in Russia
at the Turn of the XXth Century ……..30
Semyakin M. N.
Methodological Problems of Understanding Property Law, its Importance
in the Context of the Modern Reform of Civil Law of the Russian Federation ……..45
Neznamova Z. A.
Problems in Defining Offences Related to Illicit Trafficking
in Drugs and Psychotropic Substances ……57
Commentaries to the documents ……62
Rudenko V. V.
On the Issue of Human Rights Restrictions by Acts of the Constituent Entities
of the Russian Federation during the Spread of a New Coronavirus Infection:
Comment to the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation
of 25 December 2020 No. 49-P ……..62

Philosophy ……..69
Ignatova N. Yu.
Speculative Philosophy through the Eyes of Analytical Philosophers ……....70
Lesevitsky A. V.
The Analysis of the Problem of "To have or to Be" in the Works of F. M. Dostoevsky
and E. Fromm's Social Philosophy ……..80
Batyuta E. A., Belousova E. V.
A Present Day Philistine: Three Worlds of Ordinary Man ……90
Myasnikova L. A., Polyakova A. S.
On the Relationship between the Concepts of Dance Culture and Choreographic Culture …..101
Kruteyeva O. V.
Present-Day Galley: Practice, Institution, Institute ……...111

Scientific Events ……...115
Ogonovskaya I. S., Glushkova S. I.
Historical Memory of Generations: the Role of Educators' Community
in Preserving and Enhancing Historic and Cultural Traditions of Russian Society
(A Review of Materials of Interregional Conference) ……..116

Book Reviews ……...125
Tokarev V. A.
A Modern Approach to Comparing Legal Cultures (A Book Review of Stefan Goltzberg's
"Le Droit Comparé". Paris: Presses Universitaires de France, 2018. 128 p.) ……...126
Glushkova S. I.
A Review on the O.F. Rusakova and V.M. Rusakov's Monograph "Travelogue:
Theoretical and Methodological Analysis" (Yekaterinburg, 2021) ……..145

Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors ……...149

ЭКОНОМИКА

УДК 330.83
JEL: B14, B31

С. А. Мицек, Е. Б. Мицек*

Теория социализма М. И. Туган-Барановского и реалии «развитого социализма»

Аннотация. В статье рассматривается теория социализма М. И. Туган-Барановского и предшествующих теоретиков социалистической мысли. Авторы статьи показывают, что практика реального социализма в СССР и других странах была основана в большей степени на идеях социалистических мыслителей *немарксистского* толка.

Анализ идей Туган-Барановского и других авторов показал, как теоретические ошибки отразились на экономической политике СССР и других стран и привели в итоге к краху реального социализма. Основные выводы состоят в том, что реальный социализм, в отличие от того, что предполагала теория, *не смог* дать роста производительности по сравнению с капитализмом, альтернативной рынку координации экономических процессов, не обеспечил стимулов к труду и творческому развитию личности.

Статья предназначена тем, кто интересуется историей экономической мысли и практикой построения социализма.

Ключевые слова: капитализм; социализм; коммунизм; плановая экономика; рыночная экономика

Введение

Данная статья написана на основе изучения труда М. И. Туган-Барановского «Социализм как положительное учение», последнее издание которого при жизни автора состоялось в 1917 году[1]. Актуальность этого труда для момента издания – очевидна, так как сам М. И. Туган-Барановский в предисловии пишет, что книга явилась плодом его многолетних размышлений. Анализ изложенных в ней взглядов представляет интерес потому, что М. И. Туган-Барановский – крупнейший для своего времени специалист в области теории политической экономии и социализма, которому, в отличие от номенклатурных «писателей» времен «развитого социализма», присуще искреннее стремление к научной истине, свобода в отстаивании своих взглядов. Поэтому его ошибки – это ошибки честного и свободного человека, обладающего обширными знаниями по анализируемому предмету. Отсюда следует, что анализ этих просчетов важен тем, что он может прояснить то, как ошибки в теории вылились затем в неверную экономическую практику и в крах системы «развитого социализма» в целом.

Просчеты такого крупного экономиста, как М. И. Туган-Барановский, предвосхитили дебаты, которые велись в нашем обществе на излете жизни Советского Союза. Дебаты эти не прекратились и до сих пор. И если для специалистов в области экономических наук суть тех изменений, которые произошли в нашей

* **Сергей Александрович Мицек,** декан факультета бизнеса и управления, заведующий кафедрой финансов и бухгалтерского учета АНО ВО «Гуманитарный университет», д-р экон. наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Екатеринбург).

E-mail: sergey.mitsek@gmail.com

Author ID РИНЦ 554121, ORCID 0000-0001-9503-9132, SCOPUSID 57191707257, SPIN 2497-9549

Елена Борисовна Мицек, профессор кафедры менеджмента и маркетинга АНО ВО «Гуманитарный университет», д-р экон. наук (г. Екатеринбург).

E-mail: emitsek@mail.ru

Author ID РИНЦ 554122, ORCID 0000-0001-9407-581X

[1] Все дальнейшее ее цитирование будет по изданию [1].

© С. А. Мицек, Е. Б. Мицек, 2021

стране в 1990-х годах, в основном понятна, то у широкой публики по-прежнему много вопросов, как показывают многочисленные беседы авторов данной статьи с гражданами нашей страны. Для разъяснения этих вопросов обращение к теоретическим истокам социализма неизбежно.

В тех дебатах 1970–80-х годов оппоненты авторов статьи нередко пытались утверждать, что сравнивать теории социализма с реальной практикой Советского Союза некорректно. Что общество, которое в нем было построено, кардинально отличалось от замыслов отцов-основателей «научного» социализма и коммунизма. Но с чем, с какой практикой тогда следует сравнивать эти теоретические конструкции? Отметим, что оценивать построение социализма на основе, например, шведской модели, с ее (широко распространенной) частной собственностью, рыночными ценами, наличием очень богатых людей, мало кто решался. А сравнивать теорию с неким *идеальным* обществом, которого никогда не было в действительности, авторы статьи считают бесполезным, хотя адепты социализма этим занимались.

Коммунисты, захватившие власть в России в 1917 году и удерживавшие ее более 70 лет, провозглашали, что строят социализм, опираясь на теорию К. Маркса и Ф. Энгельса (марксизм) и ее адаптацию к условиям России, осуществленную В. И. Лениным (ленинизм). Но еще в работе «Теоретические основы марксизма», впервые вышедшей в 1905 году [2], М. И. Туган-Барановский показал, что марксизм не дал развернутой теории социализма. Адепты марксизма и не пытались предложить подробного описания того, как будет функционировать будущее социалистическое общество, считая такой подход «утопией». Они ограничились лишь общими словами о том, что частная собственность будет экспроприирована и возникнет экономика, основанная на общественной собственности, управление которой будет подчинено единому плану. Опираясь лишь на эти поверхностные суждения, считать К. Маркса и его последователей создателями теории «научного» социализма и коммунизма, по нашему мнению, нельзя.

Из этого вывода авторы данной статьи сделали в свое время заключение, что большевикам, пришедшим к власти в 1917 году, пришлось импровизировать. Это мнение авторов оказалось ошибочным: вследствие того, что К. Маркс не дал подробного описания будущего социалистического общества, большевики, возможно, сами того не подозревая, черпали идеи конкретных решений у *немарксистских* социалистов, которых сами марксисты презрительно называли «утопистами», и вышеуказанная работа М. И. Туган-Барановского блестяще это подтверждает. Как заметил еще Дж. М. Кейнс, миром правят идеи: «Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писаки, сочинявшего несколько лет назад» [3, с. 518].

Методологический подход, применяемый К. Марксом и его последователями (и который авторы данной статьи называют «метод Маркса») состоит в том, чтобы формулировать свои положения столь двусмысленно и неясно, что их можно трактовать как угодно. Даже в описании экономической системы капитализма, а именно той части марксизма, рациональное зерно которой нельзя отрицать, большинство тезисов сформулировано столь невнятно, что всякий хорошо подкованный марксист отобьет любую критику, доказав, что его неправильно поняли.

Эта неоднозначность формулировок в теоретических истоках марксизма помогла в свое время китайским реформаторам обосновать нужные реформы по переходу к рыночной экономике, не порывая при этом с идейными корнями и опираясь на труды другого крупного марксиста – русского экономиста Н. И. Бухарина (подробнее об этом в: [4]).

В отличие от Маркса М. И. Туган-Барановский формулирует свои идеи предельно ясно, поэтому их можно обсуждать и критиковать. Как говорил К. Поппер, «теория, которую нельзя опровергнуть каким бы то ни было постижимым событием, ненаучна. Неопровержимость – не доказательство теории (как часто думают), а порок»[2]. Так будем же обсуждать именно научные теории.

Истоки

Половина всей книги М. И. Туган-Барановского «Социализм как положительное учение» – это обзор предшествующих теорий социализма. Характерно, что для марксизма в этом обзоре почти не нашлось места вследствие указанных выше причин. Напротив, обзор этот полон имен, прочно забытых в настоящее время.

Предваряя этот обзор, М. И. Туган-Барановский признает, что «социалистический строй есть искусственная, придуманная форма человеческого общежития, в противоположность естественным, стихийно развившимся формам общества, существующим ныне» [1, с. 7]. Но Туган-Барановского эта «придуманность» не смущает, хотя, на взгляд авторов статьи, должна была бы смущать, так как он тут же утверждает, что «социализм, подобно всем другим формам общества, есть естественный и необходимый результат исторического развития человечества» [Там же]. Откуда следует такой вывод – непонятно.

Обзор предшествующих теорий социализма Туган-Барановский начинает с государства Платона. Этим государством управляют особо одаренные люди, пользующиеся доверием всего общества. Все остальные – простые исполнители, благодаря труду и покорности которых общество достигает своих целей. Личность в государстве Платона сама по себе не имеет никакой ценности, ценность имеет лишь общество в целом.

Отметим, что верховными управленцами в государстве, «философами», как называет их Платон, являются люди высших достоинств, у них нет ничего своего: ни частной собственности, ни семьи, даже жены у них общие. Все это напоминает «Орден меченосцев», каким И. В. Сталин видел роль правящей коммунистической партии. Лишь тезис относительно жен все же был скорректирован применительно к реальности.

На словах апеллируя к К. Марксу, практика построения реального социализма воплотила именно эту модель Платона. Был сконструирован тоталитарный режим, в котором личность совершенно бесправна, а абсолютной и неограниченной властью обладает лишь правящая партия. Именно по этой причине М. И. Туган-Барановский отвергает априори платоновский социализм. А истинный социализм он связывает лишь со всесторонним развитием личности, обладающей самыми широкими правами.

Учение о правах и свободах личности М. И. Туган-Барановский относит к идеям И. Канта. При этом он критикует Канта за то, что тот связывал эти права и свободы с частной собственностью на средства производства, то есть с капитализмом, но, как утверждает Туган-Барановский, при капитализме такие права есть фикция, потому что при этой системе имеет место эксплуатация человека человеком. Лишенный частной собственности и подвергающийся эксплуатации рабочий фактически не имеет никаких прав, и потому его личность не может развиваться.

Почему наём работника на частное предприятие есть нарушение прав личности, если работник делает это совершенно свободно, без принуждения? Ведь наемный работник – не крепостной и не раб! Почему он не может открыть свой бизнес, если не хочет быть наемным работником? Где здесь нарушение прав и

[2] URL: https://citaty.info/man/karl-popper (дата обращения: 08.09.2021).

свобод? На эти вопросы Туган-Барановский, равно как и другие социалисты, не дает ответа.

Корень этих заблуждений заключается в учении К. Маркса о так называемом «первоначальном накоплении». Это явление Маркс и его последователи связывали исключительно с грабежом (имущества церкви или побежденных стран и т. п.), с торговлей рабами и с иными преступными занятиями. Отсюда делался вывод о том, что предпринимателем может стать лишь тот, кто создал первоначальное накопление подобным образом.

Заметим, что такие явления имели место в истории человечества. В России в годы приватизации бывало, что первоначальный капитал создавался путем, мягко говоря, не совсем законного присвоения бывшей государственной собственности.

Но далеко не всегда источники первоначального капитала имели столь сомнительный характер. Например, Билл Гейтс, Сергей Брин, Стив Джобс – разве можно назвать их грабителями? А если вспомнить старых русских предпринимателей? Савва Васильевич Морозов (не путать с его потомком – Саввой Тимофеевичем), Михаил Яковлевич Рябушинский и другие создавали свои капиталы трудолюбием и смекалкой. Так что «грабительская теория» первоначального накопления капитала не может рассматриваться как всеобъемлющее учение. Соответственно, предпринимателем может стать просто трудолюбивый и талантливый человек.

Далее М. И. Туган-Барановский рассматривает теорию государственного социализма К. Сен-Симона и его последователей. В их системе все экономические процессы (производство, распределение, обмен и потребление) подчинены государству. Туган-Барановский критикует модель Сен-Симона: «Крайняя централизация общественного устройства, спроектированная сенсимонистами, потребовала бы такой железной дисциплины, которой ни в каком случае не согласился бы подчиниться свободный рабочий нашего времени» [1, с. 25].

Увы, практика «реального социализма» показала, что он еще как подчинился! Но поразительно и другое. Казалось бы, критикуя (и вполне справедливо) централизаторские идеи сенсимонистов, сам Туган-Барановский в итоге приходит к близкой к этому схеме, лишь разбавляя ее рассуждениями о правах человека и допущением некоторых (второстепенных, по его мнению) форм организации производства.

Рассматривая идеи одного из последователей Сен-Симона, Константина Пекера, Туган-Барановский с похвалой отмечает, что тот допускает свободу творческого труда. Но как возможна такая свобода, если все средства производства, включая газеты и типографии, принадлежат исключительно государству? Можно ли разрешать отдельным лицам печатать в государственных типографиях труды, в которых это самое государство критикуется?

К. Пекер находит здесь великолепный, по мнению Туган-Барановского, выход: такой критически настроенный автор может печатать в государственной типографии свои произведения, но только за свой счет. Иными словами, поддерживаешь государство – печатайся бесплатно, не поддерживаешь – за свои деньги. Поразительно, но М. И. Туган-Барановский, член ЦК партии кадетов, регулярно критиковавшей царское самодержавие, не увидел в таком «социализме» никакого ущемления прав!

Реальность, как мы знаем, была еще хуже: при «развитом социализме» нельзя было публиковать критические материалы даже за свой счет.

Интересен и комментарий Туган-Барановского к предложению К. Пекера по решению проблемы равновесия на рынке труда при социализме. При капитализме ее решает система цен. Человек волен выбирать занятия по своему усмотрению, но если данный род деятельности хочет выполнять большое количество претен-

дентов, то, как показывает экономическая теория, кривая предложения труда сдвигается вправо и равновесная зарплата снижается. Иными словами, если хочешь выполнять работу, которая интересна и приятна не только тебе, соглашайся на низкую зарплату.

Если, напротив, работа тяжелая и неприятная, то кривая предложения сдвигается влево, и равновесная зарплата повышается. За такие виды труда в рыночной экономике платят больше.

У социалистов (Пекера и Туган-Барановского) все не так. При социализме рыночные механизмы отключены, все решает государство. Для решения указанной проблемы создаются специальные комиссии, которые определяют, кто наиболее пригоден для выполнения той или иной работы. Не понравился ты членам комиссии – изволь идти выполнять тяжелую и неприятную работу, плата за которую не выше, чем за работу приятную и более легкую.

Этот механизм очень напоминает практику «развитого социализма», особенно в том, что касается принудительной отправки граждан на сельскохозяйственные и строительные работы. Похожий механизм действовал и в отношении предоставления жилья. Никаких ипотечных кредитов (вызывающих сегодня столь много нареканий за их дороговизну) не было, жилье распределяла жилищная комиссия, от активности самого человека мало что зависело. И он вполне мог и не получить жилья, если чем-то не понравился членам этой комиссии или стоящему над ней начальству данной организации.

Аналогичную похвалу вызывает у Туган-Барановского предложение К. Пекера о равной зарплате за разные виды труда. Он отмечает, что у многих подобная «уравниловка» вызывает настороженность по отношению к социализму. Сложный труд (ученого, инженера) должен, по мнению этих критиков, вознаграждаться выше. Но, возражает Туган-Барановский, не является ли сам творческий труд наслаждением? Является, утверждает он. Вот и соглашайтесь, ученый и инженер, на зарплату, равную зарплате рабочих!

Данные идеи были творчески воплощены в жизнь, когда в последние годы Советского Союза рабочий получал зарплату нередко более высокую, чем профессор. Не говоря уже о том, что на заводе он получал пайки и прочие преимущества перед интеллигенцией.

Рассматривая далее взгляды К. Родбертуса, Туган-Барановский обращает внимание, что потребление в его системе будет осуществляться без обычных денег, а с помощью специальных «рабочих денег», которые представляют собой особую книжку, где будет записываться отработанное человеком время. В сталинские годы эта творческая новация получила воплощение в «трудоднях», которыми «оплачивался» труд в колхозах. Колхозники назвали эти записи «палочками», так как за трудодни реальных денег часто не платили[3].

Рассматривая теорию Э. Беллами, Туган-Барановский отмечает, что в его системе все здоровое население в принудительном порядке мобилизуется в трудовые армии. Это и было реализовано в России в 1920-х годах, когда рыночная экономика была запрещена, а система «военного коммунизма» довела страну до голода.

Интересно, как решает Э. Беллами проблему разной привлекательности труда. Как и многие другие социалисты, он предлагает не платить разную зарплату за труд разной привлекательности, а сокращать часы труда на труд менее привлекательный и удлинять за труд более привлекательный. Причем если в капиталистической экономике подобное равновесие определяется разной зарплатой, стихийно определяемой рынком, то при социализме принимать это решение о часах труда

[3] Подробности интересующийся читатель найдет, например, в: [5].

должно общество. Как оно определит разрыв спроса и предложения – Э. Беллами пояснений не дает.

Правда, полный коммунизм вызывает неприятие Туган-Барановского, для чего он подробно рассматривает труд «Путешествие в Икарию» Э. Кабе. Коммунизм Кабе требует полного равенства потребления. Если, по каким-либо причинам, какого-то продукта не хватает, чтобы поровну разделить на всех, такой продукт просто не производят. Все граждане ходят в одинаковой одежде. В качестве особой милости – потакая слабостям человеческим – Э. Кабе допускает, что блондинкам можно носить одежду голубого цвета, а брюнеткам – красного.

Этот творческий порыв также не остался без воплощения. Если посмотреть на фото граждан России периода Сталина, то однотипность одежды сразу бросается в глаза. В современный период этим отличаются граждане Северной Кореи.

Поскольку в коммунистическом обществе при изготовлении одежды надо также учесть разницу в телосложении людей, Э. Кабе предлагает изготовлять одежду из специальных эластичных тканей. Так она будет, по его мнению, автоматически подгоняться и к росту, и к телосложению.

Но в своих проектах одежды будущего Кабе идет еще дальше. Он предлагает, чтобы на своей одежде каждый гражданин носил специальные знаки, по которым любой мог бы сразу определить его возраст, состояние в браке, профессию и так далее. Эту идею воплотили нацисты, заставляя евреев носить желтые звезды.

Рассматривает Кабе и духовную жизнь Икарии. Все старые книги объявлены вредными и сожжены. Разрешены только новые книги, в которых дается воспитание человека нового общества. Так и встают перед глазами всемирно известные кадры, как нацисты сжигают книги, признанные ими неугодными. В Икарии издается только одна государственная газета, так как множество газет и их конкуренция, по мнению Кабе, порождают лживость и испорченность.

Туган-Барановский, конечно, возмущается подобными взглядами и говорит о том, что они льют воду на мельницу врагов социализма, называющих социализм «грядущим рабством». Но именно это и было воплощено в странах, которые пытались строить коммунизм.

Рассматривает Туган-Барановский и вариант социализма, который он называет «синдикальным» и который проповедовали французский социалист Л. Блан и немецкий социал-демократ (один из создателей социал-демократической партии Германии) Ф. Лассаль. В их системе средства производства принадлежат не государству, а трудовым коллективам, которые продают свою продукцию на рынке. Этот наиболее либеральный вариант социализма всегда воспринимался «в штыки» марксистами, которые видели в нем (вполне справедливо) шаг к восстановлению капитализма. Именно этот путь и предлагался реформаторами в СССР и в странах Восточной Европы для того, чтобы повысить эффективность экономики и добиться равновесия на рынке (отсутствия дефицита и перепроизводства). Но лишь в коммунистической Югославии такая система была реализована, и то в усеченном варианте.

Сам Туган-Барановский, так же как и другие марксисты, резко восстает против подобной системы. Во-первых, она порождала бы неравенство между рабочими: одни заработают больше, а другие – меньше. Это Туган-Барановский считает «эксплуатацией». Во-вторых, Л. Блан предлагал, чтобы предприятия в собственности работников, которые несут убытки, получали помощь от государства. Это, как справедливо замечает Туган-Барановский, избавляет трудовые коллективы от всякой ответственности за результаты своей деятельности.

Известный венгерский экономист Я. Корнаи подобный механизм назвал впоследствии «мягким бюджетным ограничением» [6]. Он убедительно показал, что именно мягкое бюджетное ограничение делает дефицит неизбежной чертой соци-

ализма. Не говоря уже о падении эффективности, отмечаемой, в том числе, Туган-Барановским.

Туган-Барановский допускает возможность «синдикального» социализма на какой-то ограниченный период по мере перехода общества к «подлинному» социализму, основанному на общенародной собственности. Это интересно тем, что в будущем такая форма допускалась в качестве промежуточной при движении в противоположном направлении: от «развитого социализма» к полноценному капитализму.

Рассматривает Туган-Барановский и так называемые «коммунальный» социализм и «коммунальный» коммунизм, где имеют место все те же черты этих систем, но собственность на средства производства принадлежит не всему обществу, а его отдельным коммунам. Авторами таких идей были Р. Оуэн и Ш. Фурье. Хозяйственная единица в их системе называлась «фаланга». Нечто подобное можно увидеть в проекте совнархозов, которые пытались реализовать в СССР в 1960-х гг. Результат – известен. Отдельные элементы идей коммунального социализма были воплощены затем в израильских кибуцах.

Почему-то идеологи «фаланги» считали, что с ее помощью будут преодолены два недостатка капитализма, а именно:

1) отсутствие стимула к техническому прогрессу вследствие дешевизны труда (маленькой зарплаты, которую капиталист заинтересован платить рабочему);

2) вынужденное безделье крестьянина в зимнее время.

Жизнь показала, что все происходит как раз с точностью до наоборот. Именно капиталисты кровно заинтересованы в техническом прогрессе, чтобы снизить издержки и не разориться. В то же время в «развитом социализме» предприятие избегает инноваций, так как не заинтересовано в прибылях и ему не грозит банкротство[4].

Проблема же простоя крестьян в зимние месяцы решается отхожими промыслами и/или созданием промышленных предприятий в сельской местности в рамках того же капитализма[5].

В фаланге все жители получают квартиру бесплатно, но платят за ее съём. Интересно, что Фурье предполагал наличие в своем «социализме» и капиталистов, но работающих, как он полагал, не в погоне за прибылью, а ради «наслаждения». Это напоминает «инстинкт мастерства» по Т. Веблену [8], который, как оказалось, может быть реализован и при капитализме. С другой стороны, рабочие в системе Фурье также становятся капиталистами, поскольку будут вкладывать свои сбережения в деловые предприятия и получать от этого доход. Такое «перевоплощение» также оказалось возможным в рамках современного капитализма, где многие рабочие владеют акциями.

Интересно, что Фурье определяет даже параметры макроэкономического распределения дохода между классами в фаланге: по его предложению 5/12 дохода в ней должно идти труду, 4/12 – капиталу, 3/12 – на вознаграждение таланта! Поразительно, что, если присоединить талант к труду, а не к капиталу, то именно таким является распределение в современных развитых капиталистических обществах! Нельзя не восхититься и щедростью Фурье в отношении капиталистов при социализме!

Поэтому система Фурье, наряду с теорией Ф. Лассаля, выглядит гораздо привлекательнее централизаторских теорий других социалистов. Здесь нет ни классовой войны, ни «экспроприации экспроприаторов», ни прочего насилия. Имеет место классовое сотрудничество. Современный капитализм, как мы видим, реализо-

[4] В рамках художественного произведения это показано Владимиром Дудинцевым в [7].

[5] Успех китайцев в этом вопросе несомненен.

вал некоторые идеи Ш. Фурье, в частности «демократизацию капитала», когда капитал распределяется среди широкого круга лиц.

Слабое место его замечательных построений в том, что они исходят из допущения о многократном росте производительности труда в фаланге по сравнению с капитализмом. Доходы рабочих увеличатся в 6–8 раз, доходы капиталистов – в 3–4 раза. При таком росте благосостояния исчезнет преступность, а капиталисты легко согласятся с предлагаемыми изменениями. Но никаких обоснований такому громадному росту производительности Фурье не приводит, для него такой рост – аксиома.

Той же аксиомой руководствовались и русские коммунисты в 1920-х годах, уповая на то, что отсутствие «эксплуатации» и «экспроприация экспроприаторов» сама по себе даст гигантский рост производительности. Но эта мечта так и осталась мечтою.

Теория

Вторую половину своей книги М. И. Туган-Барановский посвящает собственной теории социализма. Его концепция делает общественную собственность господствующей, хотя в ней допускаются и кооперативная, и индивидуальная предпринимательская деятельность. Вся теория социализма Туган-Барановского базируется на одной, но ключевой предпосылке, а именно: при государственной (общенародной) собственности достижима гораздо более высокая производительность труда, чем при капитализме. Это роднит ее с теориями других социалистов.

Эта предпосылка базируется, в свою очередь, на двух других. Первая состоит в том, что только при государственной собственности возможна организация производства в крупном масштабе, что ведет к росту производительности. Туган-Барановский допускает, что крупный масштаб возможен и при капитализме, но указывает, что там налицо множество мелких и средних предприятий, что ведет к снижению средней производительности.

Вторая предпосылка говорит о том, что государственное планирование производства возможно лишь для крупных предприятий. Эту предпосылку можно признать в значительной степени верной. Действительно, государственное планирование деятельности множества мелких предприятий крайне затруднено. В практике «развитого социализма» это приводило к тому, что плановые органы пытались всюду насаждать «гигантов», в результате чего продукцию приходилось везти на большие расстояния и, как следствие, росли транспортные издержки и снижалось качество. Это вело к монополизму, который достался в наследство уже пореформенной России.

Но первая предпосылка – о гигантском росте производительности труда при государственном социализме – оказалась неверной. Разберем ее подробнее. Во-первых, тот факт, что при современном капитализме мы видим множество мелких и средних компаний, которые успешно конкурируют с компаниями крупными, есть не слабость, а сила рыночной экономики. Далеко не всегда рост масштабов ведет к росту «совокупной факторной производительности» (отдачи от всех факторов производства, а не только труда), как ее называют экономисты. Иными словами, рост производства далеко не всегда ведет к снижению себестоимости единицы продукции.

Говоря языком современной микроэкономики, отдача от масштаба далеко не всегда является растущей. Она может быть и падающей, и постоянной, и переменной[6]. У мелких и средних компаний есть и иные преимущества: они легче занимают рыночные ниши, гибче и быстрее перестраивают производство для осу-

[6] Подробнее об этом: [9, гл. 1].

ществления инноваций, в них меньше бюрократии. Слабости крупных предприятий и при капитализме – это избыточная бюрократия, вызванная усложнением производства и управления и необходимостью делегировать полномочия, неповоротливость, потеря управляемости и многие другие.

В варианте государственного социализма, который предлагает М. И. Туган-Барановский и который был реализован на практике в СССР, странах Восточной Европы и некоторых других, предприятия страдают и от других недостатков. Главные среди них – незаинтересованность в прибыли и «мягкое бюджетное ограничение», что делает невозможным реализацию того преимущества в производительности, которое предполагал Туган-Барановский. Компания, которой не достаются результаты ее более высокой производительности, большей востребованности ее продукции, с одной стороны; которую не подгоняет страх банкротства – с другой, не будет стремиться ни к повышению эффективности, ни к росту качества продукции, ни к тому, чтобы производить и поставлять востребованные продукты туда, где они нужны более всего.

Туган-Барановский признает, что централизм может вести к бюрократизму. Но он надеется, что этот минус будет преодолен тем, что при социализме работник будет в гораздо большей степени заинтересован в росте производительности, чем при капитализме. При капитализме он отчужден от средств производства, и потому его стимулы слабы. Напротив, при социализме и общенародной собственности он будет кровно заинтересован в росте производительности, ведь в общенародной собственности он имеет и свою долю.

Жизнь показала ошибочность этих гипотез. В вопросах стимулирования труда капитализм достиг бо́льших результатов, чем «развитой социализм». Капиталиста подталкивает стремление заработать прибыль и, что еще важнее, страх банкротства. Надежда на то, что убеждением и воспитанием при всенародном характере собственности и отсутствии эксплуатации человека человеком можно побудить наемного работника работать лучше, оказалась призрачной. Добросовестные люди в странах «развитого социализма» на горьком опыте убеждались, что плоды их дополнительных усилий и талантов чаще всего достаются другим.

Кроме того, опыт «развитого социализма» показал, что при определенных условиях эксплуатация человека обществом/государством может оказаться куда более жестокой, чем эксплуатация человеком. Капиталиста можно хотя бы разжалобить. А вот директор государственного предприятия в ответ на просьбу работника повысить ему зарплату просто сошлется на тарифную сетку, которую ему «спустили сверху» и которую он не имеет права изменить.

И все же Туган-Барановский, как первоклассный экономист, испытывал смутные предчувствия в отношении бюрократизации производства при централизованном социализме, и он искал альтернативы. Он признавал, что при социализме «синдикальном», как он называл рыночную экономику, основанную на предприятиях в собственности работников, стимулов к росту производительности может быть больше. Поэтому он допускал – в известных пределах, конечно – возможность создания рабочих производственных кооперативов при государственном социализме.

Он признавал также, что в отличие от предприятий государственного социализма, создаваемых принудительно, кооперативы создаются совершенно свободно. Какая доля в социалистическом обществе будет принадлежать государственным предприятиям, а какая кооперативам, в каких сферах будут доминировать те и другие, – из теории Туган-Барановского не ясно.

Смутное беспокойство М. И. Туган-Барановского перед централизацией выливается и в то, что, как он полагал, если государственные предприятия окажутся неэффективными, их можно передавать в аренду трудовым коллективам, работа-

ющим на принципах кооперативов. Он полагал, что в кооперативы будут объединяться более производительные рабочие, а на государственных и муниципальных предприятиях – менее производительные.

В этом предложении есть зерно истины, так как для второй группы работников нередко более важным бывает не хороший заработок и не творческий характер труда, а стабильность занятости и заработка. Подвергаться капиталистической эксплуатации они не хотят. И в этом смысле «развитой социализм» отражал в какой-то степени интересы этих групп людей. Беда лишь в том, что подобная система ведет к застою и отставанию социалистической страны от капиталистических стран.

В сельском хозяйстве социализма Туган-Барановский предлагает то, что было затем реализовано в Китае при реформах Дэн Сяопина. А именно, создание сельских производственных кооперативов (общин), которые будут поставлять государству строго определенное количество продукции, сверх которого оно может быть свободно реализовано на рынке. В Китае эта система имела огромный успех, и за семь лет с ее запуска (с 1978-го по 1985 г.) помогла двукратно увеличить производство. Аналогично допускал Туган-Барановский и функционирование муниципальных предприятий при социализме, работающих отдельно от центрального плана, что также имело большой успех в пореформенном Китае[7].

Допускает Туган-Барановский и индивидуального предпринимателя при социализме, но лишь с оговоркой, чтобы при этом «не происходило непроизводительной растраты общественных средств производства» [1, с. 93]. Как этого добиться и что это означает в принципе – совершенно непонятно.

Как будет организован обмен и распределение при социализме? Коммунизм с его принудительным потреблением Туган-Барановский в целом отвергает, так как он убивает стимулы и творческий характер самого труда. В то же время он допускает какие-то элементы коммунистического распределения. Например, поскольку потребление продуктов питания ограничено человеческим желудком, то в будущем возможно, что общество даст неограниченный доступ каждому человеку к продуктам питания, реализуя тем самым принцип «каждому по потребностям», понимая, что в данном пункте потребности ограничены. Далее, Туган-Барановский полагает, что в социалистическом обществе человек сможет сам ограничивать какие-то свои потребности, уважая тем самым интересы других людей. Наконец, общество будет поощрять такие неограниченные потребности, как потребность в знаниях и культуре, безгранично расширяя для их удовлетворения число мест в библиотеках и театрах, площади музеев.

Наивность этих прожектов не заслуживает подробных комментариев. Неограниченность потребления продуктов питания по сравнению с ограниченностью желудков Туган-Барановский выводит опять-таки из предполагаемого им громадного роста производительности труда при социализме, несостоятельность которой была отмечена выше. Тяга к знаниям и к культуре, действительно, поощряется современным обществом, хотя дефицит книг, мест в библиотеках и музейных площадей иногда дает о себе знать. Гипотезу о реалистичности добровольного ограничения человеком своих потребностей в пользу других людей авторы данной статьи предлагают продумать читателю самостоятельно.

Но обмен и потребление большинства товаров и при социализме Туган-Барановский все же предполагает осуществлять на основе денег и равновесных цен. Определение пропорций обмена на основе трудовых затрат он отвергает априори, так как это будет вести к неравновесию – перепроизводству одних товаров и дефициту других. Этот опыт наша страна также проходила. Сначала, в

[7] Подробности, например, в: [10].

1920-х годах, пытались устанавливать цены на основе трудовых затрат, «тредов», как их тогда называли. От этой практики быстро отказались. Затем перешли к централизованному установлению цен на основе затрат и плановой рентабельности, но и здесь избежать неравновесия не удалось.

В социалистическом обществе Туган-Барановского цены должны быть равновесными, уравнивающими спрос и предложение, предельную полезность и предельные издержки. Но если при капитализме это равновесие автоматически устанавливает рыночный механизм, то при социализме Туган-Барановского его устанавливает государство. Иными словами, он предвосхитил Госкомцен, с тем только различием, что последний в своей практике не руководствовался теорией предельной полезности.

Несмотря на всю свою утопичность, модель социалистического ценообразования, которую предложил Туган-Барановский, оказалась очень полезной для разработки моделей линейного программирования в 1960–70-х годах. Но для практики ценообразования она оказалась бесполезной: определить точку равенства спроса и предложения для всех товаров на каждый день ни одна система централизованного счета не способна.

На последних страницах своей книги М. И. Туган-Барановский рассматривает вопрос, который его также тревожил, а именно: что будет со страной, которая попытается строить социализм, не будучи к этому готовой. Он, конечно, имел в виду Россию 1917 года, где наибольшей популярностью пользовались именно социалистические партии. И тут интуиция ученого его не подвела: такие попытки в неготовой стране приведут только к нищете и рабству, утверждает Туган-Барановский.

Социализм, по его мнению, не только даст человеку больше, чем капитализм, но и потребует от него гораздо большего. В частности, для централизованного планирования должна иметься отлично организованная статистика. «Всякая неточность статистического учета в социалистическом государстве будет давать себя знать весьма существенным расстройством общественного хозяйства, ибо все это хозяйство будет покоиться на основе статистического учета» [1, с. 124]. Такой статистики нет и сейчас, тем более не было ее 100 лет назад.

Туган-Барановский прекрасно понимал, что если государство при социализме окажется неспособным заменить рыночный механизм капитализма, то «переход к социалистической организации производства знаменовал бы собой разрушение общественного хозяйства и решительный хозяйственный регресс сравнительно с капитализмом» [1, с. 125].

М. И. Туган-Барановский также смутно понимал, что при социализме, который он предлагает, стимулы к труду каждого отдельного работника будут ослаблены. Во-первых, при социализме ему не грозят голод и безработица. Во-вторых, в гигантских предприятиях социализма контроль над отдельным работником будет гораздо слабее, чем контроль хозяина на частном предприятии.

Что же Туган-Барановский предлагает взамен? «Чем же будет заменен при социализме эгоизм в качестве стимула хозяйственного труда? Стимулами совершенно иного рода. Во-первых, чувством солидарности каждого с остальными людьми. Во-вторых, развитым чувством долга. В-третьих, непосредственной привлекательностью труда. Все эти стимулы могут с успехом заменить грубые стимулы капиталистического общества» [1, с. 125].

По мнению авторов данной статьи, неосуществимость подобных мечтаний очевидна.

Вообще, проблема готовности общества к необходимым изменениям представляет необычайный интерес, но она плохо разработана в общественных науках. Что означает «общество не готово», что оно должно делать, чтобы стать

готовым, и какую позицию должен занять ответственный гражданин в таком обществе – все это не ясно.

В отношении социализма мнение, на которое стоит обратить внимание, высказал А. Грамши, лидер Итальянской коммунистической партии в 1930-х годах. Представьте себе десятилетнюю девочку, говорил он. Через какое-то время она может стать замечательной женщиной, прекрасной матерью. Но делать ее женщиной сейчас – преступление. Так и общество должно сначала подготовиться к социализму. Но как конкретно – вот в чем вопрос.

И если социализм – вещь непонятная, то возьмем систему более понятную и, главное, практически опробованную – демократию. Казалось бы, на протяжении нескольких веков она показала свои преимущества перед диктатурой. Но насколько сложно внедрить ее в неготовое общество – показали современные неудачи и в Ираке, и в Афганистане[8].

Последнюю главу (с. 127–133) М. И. Туган-Барановский посвящает духовной культуре при социализме. В социалистическом государстве, полагает он, не будет ни полководцев, ни государственных деятелей, жаждущих славы, перед которыми преклоняются народные массы. Ведь в нем не будет ни классов, ни политической борьбы. «Государственные люди будут не народными вождями и кумирами толпы, а скромными общественными работниками. Занятие выдающейся государственной должности не будет доставлять особого почета и, следовательно, не будет представлять ничего заманчивого для честолюбия. Вообще, исчезнет грубая, физическая власть человека над человеком, а следовательно, исчезнет и всё то обаяние, которое теперь связано с этой властью. Исчезнет физическая борьба людей друг с другом – мирная ассоциация будущего сделает эту борьбу невозможной по отсутствию всяких поводов к ней» [1, с. 128].

По мнению авторов, утопичность подобных идей очевидна.

При социализме, пишет Туган-Барановский, «произойдет полная переоценка всех ценностей… Мыслители и художники, великие человеколюбцы станут героями и вождями будущего человечества. Интерес к познанию и эстетической деятельности, моральному и религиозному возвышению человечества возрастут в чрезвычайных размерах и заполнят собой всю жизнь людей, возвышающихся над уровнем посредственности» [1, с. 129].

Судьбы М. Булгакова, М. Цветаевой, О. Мандельштама, Б. Пастернака и сотен других – в каком противоречии они находятся с такой характеристикой социализма!

Оценка

Дадим оценку теории социализма М. И. Туган-Барановского. Начнем с *осуществимости* перехода к социализму. Нигде в своей книге он не говорит о тех конкретных шагах, которые общество должно сделать для такого перехода. Будет ли этот переход осуществлен голосованием в демократически избранном парламенте или силовым путем, путем насильственной революции?

Надо полагать, что Туган-Барановский, русский интеллигент, демократ, член Центрального комитета Партии народной свободы, не мог представить себе варианта иного, кроме как демократическое голосование. Тогда, наверное, произошло бы следующее. При первых же неудачах построения социализма общество с развитой демократией быстро бы отыграло назад и вернулось бы к привычному капитализму.

[8] Интересную теорию, которая показывает сложности внедрения технических инноваций (и соответствующие стадии) разработала Карлота Перес в: [11]. Если даже технические новации внедряются столь долго и сложно, так как затрагивают интересы многих людей, и не всегда положительно, то что же говорить о новациях социальных?

Можно не сомневаться, что если бы в 1922 году в России удалось восстановить демократию, то большевики немедленно потеряли бы власть, а общество вернулось к капитализму после всех дикостей «военного коммунизма».

В послевоенный период в странах развитой демократии (Англия, Франция, США) отдельные элементы социализма (национализация предприятий, контроль цен и рынков и другие) вводились более мягкими методами и потому не имели таких катастрофических последствий. Но и там общество, убедившись в их неэффективности, начало их демонтаж, что привело к «консервативной революции» 1980-х годов. А в США многие из социалистических экспериментов «Нового курса» были отменены Верховным Судом еще в 1930-х годах. Даже в Швеции, среди демократических стран наиболее далеко зашедшей в своих социалистических экспериментах, в 1990-х годах начался откат к механизмам, в большей степени опирающимся на рынок[9].

Фундаментальная предпосылка теории М. И. Туган-Барановского – о более высокой производительности труда при социализме по сравнению с капитализмом. Выше мы уже говорили о том, что крупный размер предприятия – еще не гарантия высокой производительности. Но есть еще один связанный с этим вопрос: попытки ввести планирование в экономику вовсе не привели к повышению эффективности. Более того, они создали еще больший хаос, чем рынок. И произошло это по многим причинам.

Во-первых, план банально нельзя посчитать. Ни один всеведущий плановый орган, ни один сверхмощный компьютер не может обозреть рынки всех производимых в экономике товаров: их миллионы. Для этого надо знать их кривые спроса и предложения, которые могут меняться каждый день, да еще быть разными на разных рынках даже в одной стране. Уже одно это неизбежно ведет к тому, что следствием централизованного планирования является неравновесие – затоваривание или дефицит.

Данная проблема стала понятна ученым еще в 1930-х годах и описана в труде коллектива авторов под редакцией Ф. А. фон Хайека [14].

Далее, плановый орган вовсе не является всемогущим и беспристрастным демиургом, как представляли его социалисты. Помимо проблемы неполной информации, он сталкивается с конфликтом интересов различных ведомств и предприятий. И в этом смысле никак не может быть просто холодной машиной, подсчитывающей планы в интересах всего общества. Это показал еще в 1956 году на опыте плановых органов Венгрии уже упомянутый нами выше Я. Корнаи[10].

В-третьих, Туган-Барановский не смог решить ключевой вопрос о стимулах. При капитализме предприниматель стремится поставить свой продукт на рынок, так как хочет заработать прибыль. Чем больший дефицит товара на рынке, тем выше его цена, тем больше будет прибыль капиталиста, поставившего данный товар. Если, напротив, рынок переполнен товаром, то цена его упадет, его поставки станут невыгодными, и капиталисты уменьшат предложение данного товара. Конкуренция также вынуждает капиталиста поставлять товар должного качества: в противном случае его купят у конкурента.

Как плановая экономика может заменить такие естественные, никем не управляемые механизмы рыночной экономики? Допустим, план идеально посчитан, плановый орган определил, что общество нуждается в первую очередь в таких-то товарах. Что побудит производителя производить именно их? В должном количестве и качестве? Ни Туган-Барановский, ни другие социалисты так и не дали убедительного ответа на все эти вопросы. Сам Туган-Барановский полагал, что при

[9] Об экономических и нравственных перекосах «Нового курса» в США написано в: [12], о пагубных последствиях шведского социализма – в: [13].

[10] Мы основываемся здесь на его книге [15].

социализме к этому будет вести «радость труда как творческого процесса». Практика «реального социализма» быстро разбила эти иллюзии, и коммунисты, не желая восстанавливать капитализм, перешли к единственной реальной альтернативе – внеэкономическому принуждению. Как только его отменили в процессе «перестройки», система немедленно распалась.

Фундаментальная ошибка и Туган-Барановского, и других социалистов заключалась также в том, что он (они) считали свободу при капитализме фикцией. Сам Туган-Барановский признает высокую степень *юридической* свободы при капитализме. Но тут же оговаривается, что для капиталиста эта свобода на практике оборачивается несвободой, так как то, что он должен производить, ему диктует рынок. А для рабочего свобода становится несвободой, так как он подвергается эксплуатации капиталистом.

Рассмотрим оба этих тезиса. Что и говорить, в рыночной экономике ты не можешь производить лишь то, что тебе вздумается, что тебе приятно делать, и обеспечить тем самым себе хороший доход. Придется производить то, что нужно людям, за что они заплатят реальные деньги. Является ли это «несвободой»? В каком-то смысле – да. Но вопрос о том, можно ли жить в обществе и быть совершенно от него свободным, мы оставим философам. Наверное, такая свобода – удел одного лишь Робинзона Крузо.

Является ли несвободным работник, нанимающийся к частному предпринимателю, – вопрос также спорный. Он может пойти к другому предпринимателю, который заплатит ему больше или предлагает лучшие условия труда. Или наняться в государственное учреждение. Или создать кооператив работников. Или сам стать предпринимателем – современное общество все это позволяет. В чем здесь несвобода? И в чем была «свобода» «реального социализма», делающая невозможными многие из этих альтернатив?

Заключение

За сто с лишним лет после публикации книги «Социализм как положительное учение» человечество не смогло построить эффективного социализма. Эксперимент, который попытались осуществить в России, в странах Восточной Европы и в некоторых других, оказался неудачным. Напротив, капитализм учел многое из критики со стороны социалистов, осуществил ряд важных реформ и стал в этом смысле еще сильнее и, главное, человечнее, а потому и жизнеспособнее. Весь опыт экспериментов двадцатого века заставляет сделать несколько важных выводов.

1. Общество должно строго придерживаться принципов демократии. Ничего нельзя навязывать силой, надо иметь механизмы коррекции ошибок. Нельзя ставить эксперименты над собственным народом.

2. Все реформы должны быть медленными и осторожными. К реформам, фундаментально меняющим жизнь общества, это относится в еще большей степени. Афоризм великого реформатора Дэн Сяопина «переходя реку вброд, нащупывай дно» актуален здесь как никогда[11].

3. Для координации работы экономики общество не нашло иных механизмов кроме цен, прибыли и банкротства. Все прочие показали свою несостоятельность и должны быть отброшены.

4. Из предыдущего пункта следует, что экономика должна быть рыночной. Но должна ли она основываться на частной собственности (капитализм) или на

[11] Здесь уместно привести пример, что в Румынии правительство реформаторов во главе с Петре Романом, осуществлявшее реформы по переходу от плановой экономики к рынку, привлекло к этой работе 1200 отечественных специалистов и 400 зарубежных. См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Роман,_Петре (дата обращения: 08.09.2021).

кооперативной собственности (рыночный социализм) или на государственной собственности (государственный капитализм) – вопрос открытый[12]. Лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц пытается показать, что государственные предприятия также могут быть эффективными [16]. Отдельные примеры тому имеются. Но смогут ли частные стимулы – стремление к прибыли и страх банкротства – быть заменены в длительной перспективе чем-то другим, вопрос весьма спорный.

Смогут ли кооперативы работников, работающих в условиях рыночной экономики, превзойти частные предприятия по совокупной факторной производительности, также не очевидно. Многочисленные исследования на эту тему не дали однозначного ответа. Тому есть много причин, некоторые из них определил еще сам М. И. Туган-Барановский в своей работе «Социальные основы кооперации» [17, гл. 5]. Первая из них – нежелание работников, собственников предприятия, делать долгосрочные инвестиции (они предпочитают зарплату). Вторая – стремление учредителей таких предприятий постепенно перестать быть работниками и стать просто собственниками[13].

Важная альтернатива создания компаний в собственности работников – это выкуп ими обанкротившихся компаний или тех, которые частный владелец хочет закрыть. Выкуп, чтобы не остаться без работы. Но возможна ли рыночная экономика, в которой доминируют рабочие кооперативы, покажет будущее. Это будет лишь тогда, когда они докажут свою более высокую производительность причем без каких-либо (предоставленных государством) привилегий по сравнению с другими формами бизнеса.

Следует признать, что пока единственной реальной альтернативой капитализму является внеэкономическое принуждение, на котором основана командно-административная экономика. В этой системе предприятия выполняют обязательный план, и потому в ней нет места материальным стимулам, а следовательно, творчеству и высокой производительности. В такой системе работник не имеет возможности сменить работу. При первых попытках ослабления насилия система разлагается и гибнет.

Вместо всестороннего развития свободной личности, к чему призывал Туган-Барановский и другие социалисты, «реальный социализм» создал общество, где человек не имел права свободно высказывать свои мысли, если они противоречили партийным решениям, читать книги и смотреть фильмы по своему усмотрению, ездить за границу, а иногда даже передвигаться по своей собственной стране.

На выборах в Учредительное собрание России в 1918 году 83 % голосов было подано за социалистов (подсчет на основе [19], с. 366), если считать, что половина кадетов также были социалистами, каким был Туган-Барановский. Данный факт свидетельствует о том, что когда Туган-Барановский писал свою книгу (1917 год), русское общество было чревато социализмом. Наверное, страна должна была пережить это заблуждение, чтобы осознать его нереальность.

В связи с этим разбор книги М. И. Туган-Барановского представляется полезным. Во-первых, для того, чтобы на основе ошибок этого великого человека, прекрасного экономиста и гуманиста, проиллюстрировать невозможность реального воплощения искусственных социальных конструкций. Во-вторых, чтобы с помо-

[12] Одним из первых на различие между рыночной экономикой и капитализмом указал Н. И. Бухарин, это обсуждается в: [4].

[13] Более подробный и современный анализ проблем предприятий в собственности работников см. в: [18]. Важная деталь – они лишены такого способа привлечения средств, как продажа обыкновенных акций на открытом рынке, так как в этом случае подрывается их кооперативная природа: появляются собственники, не являющиеся работниками.

щью такого анализа никогда больше не повторять те ошибки, которые были сделаны нашей страной в прошлом веке.

Литература

1. Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 136 с.
2. Туган-Барановский М. И. Теоретические основы марксизма. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 224 с.
3. Кейнс Дж. М. Избранные произведения. – М. : Экономика, 1993. – 543 с.
4. Панцов А. В. Дэн Сяопин. – М. : Молодая гвардия, 2013. – 558 с.
5. Абрамов. Пряслины. – Л. : Лениздат, 1978. – 472 с.
6. Kornai J. Resource-Constrained versus Demand-Constrained // Econometrica. – 1979. – Vol. 47, No. 4 (Jul.). – P. 801–819.
7. Дудинцев В. Д. Не хлебом единым. – М. : Современник, 1979. – 426 с.
8. Veblen T. The Instinct of Workmanship and the State of the Industrial Arts. – Routledge, 1990. – 408 p.
9. Мицек С. А. Основы микроэкономики. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2007. – 364 с.
10. Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Китайское чудо. – М. : ИДВ РАН, 2001. – 368 с.
11. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. – М. : Дело, 2011. – 232 с.
12. Фолсом Б. Новый курс или кривая дорожка? – М. : Мысль, 2012. – 352 с.
13. Lindbeck A. The Swedish Experiment // Journal of Economic Literature. – 1997. – Vol. 35, No. 3 (Sep.). – P. 1273–1319.
14. Collectivist economic planning / ed. by F. A. Hayek. L. – Routledge & Kegan Paul, Ltd., 1st published 1935; 6th impression 1963. – 300 p.
15. Корнаи Я. Силой мысли. – М. : Логос, 2008. – 480 с.
16. Стиглиц Дж. Ю. Экономика государственного сектора. – М. : ИНФРА-М, 1997. – 720 с.
17. Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. – М. : Экономика, 1989. – 496 с.
18. The political economy of cooperation and participation / ed. by A. Clayre. – Oxford, 1980. – 212 p.
19. Протасов Л. Г. Всероссийское учредительное собрание. История рождения и гибели. – М. : РОССПЭН, 1997. – 367 с.

Sergey Alexandrovich Mitsek,
Dr. Sci. (Economics), Assoc. Prof., Dean of Business and Management Faculty,
Head of Finance and Accounting Chair, Liberal Arts University – University
for Humanities (Yekaterinburg), Honorary Worker of Higher Education
of the Russian Federation
Elena Borisovna Mitsek,
Dr. Sci. (Economics), Prof. at Management and Marketing Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Tugan-Baranovsky's Theory of Socialism and Reality of "Developed Socialism"

Abstract. The article deals with the theory of socialism of M. I. Tugan-Baranovsky and the previous theorists of socialist thought. The authors show that the practice of real socialism in the USSR and other countries was based, to a greater extent, on the ideas of non-Marxist socialist thinkers.

The analysis of the ideas of Tugan-Baranovsky and other authors showed how theoretical errors affected the economic policy of the USSR and other countries and led to the collapse of real socialism. The main conclusions are that real socialism, contrary to the theory, could not give productivity growth and an alternative to the market for coordinating economic processes com-

pared to capitalism. It also did not provide incentives for the work and creative development of the individual.
The article is intended for those interested in the history of economic thought and the practice of building socialism.
Keywords: capitalism; socialism; communism; planned economy; market economy

УДК 336.763:728

Д. Л. Мангилева*

Оценка инвестиционной привлекательности облигаций компаний строительного сектора

Аннотация. Статья посвящена инвестированию в облигации компаний строительного сектора. До недавнего времени облигации девелоперов считались довольно рискованным объектом для инвестиций. Однако, в связи с утверждением Правительством Российской Федерации новой схемы финансирования жилищного строительства, ситуация изменилась. В данной статье предпринимается попытка оценить инвестиционную привлекательность облигаций строительного сектора путем анализа двух параметров: риска и доходности.

Ключевые слова: облигации; рынок ценных бумаг; корпоративные облигации; инвестиции; риск; доходность

Введение

Инвестиции в облигации представляют собой особую категорию вложения средств, которая позволяет Инвестору получить более высокую доходность при сопоставимых рисках. В то же время такие инвестиции имеют свои особенности, о которых необходимо знать Инвестору.

В данной статье предпринимается попытка оценить инвестиционную привлекательность облигаций предприятий строительного сектора путем анализа двух параметров: риска и доходности.

До недавнего времени облигации девелоперов считались рискованным объектом для инвестиций. Причин тому было несколько: 1) длинный цикл строительства (многоквартирный дом строится в среднем 2 года); 2) отсутствие надежного залога, который обеспечил бы выплату по облигациям; 3) непрозрачная финансовая отчетность застройщиков.

Однако, в связи с утверждением Правительством Российской Федерации новой схемы финансирования жилищного строительства [5], ситуация изменилась. Ключевым фактором стало введение с 01 июля 2019 года эскроу-счетов. На сегодняшний день строительные предприятия не вправе осуществлять строительство новых объектов без их использования.

Как следствие, застройщики, которые перешли на использование эскроу-счетов, финансируют строительные проекты из собственных средств и (или) привлекают заемное финансирование в кредитных организациях или через выпуск облигаций.

Договор эскроу представляет собой трехстороннее соглашение, в силу которого Покупатель обязуется передать на депонирование Банку денежные средства в целях исполнения обязательства Покупателя по их передаче Продавцу (Застройщику), в пользу которого осуществляется депонирование, а эскроу-агент (Банк) обязуется обеспечить сохранность денежных средств и передать их Продавцу (Застройщику) при возникновении указанных в договоре оснований, т. е. после предоставления Застройщиком Банку документов, подтверждающих ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости или сведений о размещении в единой информационной системе жилищного строительства указанной информации [5].

* **Дарья Леонидовна Мангилева**, магистрант 2-го года обучения, факультет бизнеса и управления АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© Д. Л. Мангилева, 2021

Благодаря введению и использованию счетов эскроу для Инвесторов сократились риски вложений в облигации строительных компаний сразу по ряду причин: 1) строительные проекты гарантированно обеспечены средствами, 2) кредитные организации контролируют ход строительства, 3) застройщики были вынуждены привести финансовую отчетность и другие документы в соответствие с требованиями банков. Это значит, что в настоящее время инвесторы могут получить хороший инвестиционный доход при невысоких рисках.

Преимуществами корпоративных облигации, в т. ч. предприятий строительного сектора, являются: 1) высокая ликвидность (торгуются на вторичном рынке), 2) высокая доходность в сравнении с банковским депозитом, 3) надежность, которая подтверждается высоким кредитным рейтингом эмитента.

По данным Московской Биржи, в 2020 г. наблюдался рекордный приток на биржу инвесторов-физических лиц (ритейл-инвесторов). За год их число выросло на 5 млн, до 8,8 млн человек. Это больше, чем за все предыдущие годы. В совокупном обороте торгов на рынке облигаций на частных инвесторов пришлось около 13 % [7].

На январь 2021 года процентная ставка по депозитам физических лиц на срок свыше одного года составляла 4,24 % годовых [9] при темпе инфляции в Свердловской области на январь 2021 года 5,01 % годовых [10], в то время как среднее значение ставки купона по корпоративным облигациям строительных компаний составляет 9,38 % в год [8].

С 1 января 2021 года доходы по вкладам (остаткам на счетах) облагаются налогом на доходы физических лиц в части, превышающей сумму необлагаемого дохода 1 млн рублей [3]. Данные изменения в законодательстве стимулируют инвесторов искать альтернативные источники доходности. Одним из таких источников является фондовый рынок.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что по состоянию на январь 2021 года доходность ставки по депозитам ниже уровня инфляции. Инвестиции в облигации, в т. ч. предприятий строительного сектора, являются хорошей альтернативой в сравнении с банковским вкладом.

Суммарный объем корпоративных биржевых облигаций строительного сектора на рынке составляет более 700 млрд рублей [6].

Для сравнения, объем корпоративных биржевых облигаций по другим отраслям составляет: 1) информационные технологии – 23 млрд [6]; 2) машиностроение – 128 млрд [6]; 3) нефтегазовая промышленность – более 3 трлн [6]; 4) сельское хозяйство – 45 млрд [6]; 5) энергетика – 536 млрд [6].

Среднее значение ставки купона по корпоративным облигациям строительных компаний составляет 9,38 % в год [8]. Для сравнения: среднее значение ставки купона по корпоративным облигациям в других отраслях составляет (% в год): 1) информационные технологии – 7,81 [8]; 2) машиностроение – 8,97 [8]; 3) нефтегазовая промышленность – 8,33 [8]; 4) сельское хозяйство – 10,39 [8]; 5) энергетика – 7,23 [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что облигации предприятий строительного сектора обладают высоким инвестиционным спросом и по объему выпуска уступают только предприятиям нефтегазовой промышленности. Ставка купона является конкурентоспособной и в сравнении с рассматриваемыми в настоящей статье отраслями уступает только корпоративным облигациям сельскохозяйственного сектора.

Любой инвестиционный инструмент подразумевает наличие рисков. Облигации не являются исключением, поскольку даже наиболее надежные ценные бумаги подвержены внешнему влиянию. Крупный эмитент не прогнозирует вероятности банкротства перед выпуском долгового обязательства.

Развивающиеся рынки, в том числе и рынок Российской Федерации, характеризуются более высоким уровнем рисков, чем более развитые рынки, включая значимые правовые, экономические и политические риски.

По мнению автора, основными рисками являются:

1. Финансовые риски, такие как: 1) рост темпов инфляции, которые могут привести к росту расходов Эмитента на реализацию проектов; 2) рост процентных ставок по кредитам, способный увеличить затраты по обслуживанию заемных средств, а также ограничить возможности по привлечению заемных ресурсов; 3) изменение процентных ставок по облигациям, могущее повлиять на доходность на рынке корпоративных облигаций; 4) повышение процентных ставок по ипотеке, чреватое снижением спроса на приобретение недвижимости; 5) повышение стоимости строительства – при реализации объектов строительства.

2. Правовые риски: 1) изменение законодательства, 2) участие Эмитента в судебных процессах; 3) изменение процедур согласования и получения прав на земельные участки (в том числе права аренды).

3. Риски, связанные с деятельностью Эмитента: потеря деловой репутации Эмитента (уменьшение числа стейкхолдеров, снижение количества и (или) качества строительных проектов).

Все вышеперечисленные риски могут повлечь рост стоимости и увеличение сроков строительства реализуемых проектов.

Однако фактор недоверия Инвестора Эмитенту снимается кредитной организацией, в которой на счете эскроу хранятся денежные средства Покупателей объектов недвижимости.

Схема движения денежных средств, согласно нормам Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ (далее по тексту 214-ФЗ) [4], после заключения договора долевого участия Покупателя с Застройщиком представлена на рис. 1. Данная схема предполагает, что для строительства объектов Застройщик использует кредитные и (или) собственные денежные средства. После раскрытия счета эскроу денежные средства перечисляются на банковский счет Застройщика, который самостоятельно производит все расчеты с кредиторами.

Рис. 1. Движение денежных средств в соответствии с 214-ФЗ (схема составлена автором)

Если же Застройщик использует для строительства заемные денежные средства в виде облигационного займа, то схема выглядит иначе (рис. 2). В качестве кредиторов выступают инвесторы облигаций. После раскрытия счета эскроу де-

нежные средства перечисляются на банковский счет Застройщика, который самостоятельно осуществляет все выплаты Инвесторам облигаций.

Рис. 2. Движение денежных средств при финансировании Застройщика через выпуск облигаций (схема предложена автором)

Для минимизации рисков Инвесторов автор предлагает использовать коммерческий банк, который будет выполнять функцию гаранта исполнения обязательств Застройщика (Эмитента облигаций) перед Инвесторами (рис. 3).

Рис. 3. Движение денежных средств, при котором коммерческий банк выполняет функцию гаранта исполнения обязательств по погашению облигаций (схема предложена автором)

Как показано на схеме (рис. 3), денежные средства, предназначенные для погашения облигаций Инвесторов, после раскрытия счета эскроу не будут перечисляться на банковский счет Застройщика. Банк самостоятельно, по поручению Застройщика, осуществит выплаты, направленные на погашение облигаций

Для использования коммерческого банка в качестве гаранта для Инвесторов облигационного займа, необходимо решить ряд вопросов как организационно-финансового, так и правового характера.

К организационно-финансовым задачам можно отнести проблемы, возникающие при несовпадении суммы на счете-эскроу с суммой, требуемой для погашения облигаций. Аналогичные проблемы возникают и при несовпадении сроков раскрытия счета эскроу с датой погашения облигационного займа.

Правовые ограничения, по мнению автора, не являются принципиальными. Например, ст. 15.5. 214-ФЗ [4] прямо позволяет эскроу-агенту (коммерческому банку) по поручению Застройщика направлять денежные средства после раскрытия счета эскроу на оплату обязательств Застройщика – в нашем случае обязательств Застройщика-Эмитента перед владельцами облигаций по их погашению. Юридически данная обязанность коммерческого банка оформляется соответствующим соглашением и может быть даже закреплена в условиях выпуска облигаций.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что гарантированно застраховаться от рисков невозможно. Однако действующее законодательство предоставляет возможность минимизировать риски Инвесторов, включив в схему движения денежных средств агента (коммерческий банк), который будет выступать гарантом перед Инвесторами облигаций.

Дополнительным преимуществом для Инвестора может быть использование специализированного индивидуального инвестиционного счета (ИИС), а не обычного брокерского, поскольку по ИИС предусмотрены налоговые льготы. Инвестор может получить дополнительную доходность в размере 13 % от внесенных на счет средств в календарном году, но не более четырехсот тысяч рублей в виде налогового вычета по уплаченному налогу на доходы физических лиц (НДФЛ) [3].

Вывод

Инвестиции в ценные бумаги, в т. ч. предприятий строительного комплекса, сопряжены с определенной степенью риска для Инвесторов. При грамотном выборе Эмитента и анализе его кредитного рейтинга сопутствующие риски можно свести к минимуму, но абсолютно исключить их невозможно, так как данный вид инвестиций подвержен факторам, не зависящим от Эмитента и его деятельности. Таковыми могут быть изменение темпа инфляции, процентных ставок по кредитам и депозитам, изменение законодательства. Корпоративные облигации являются гибким и многофункциональным, доходным и эффективным инструментом. Облигации предприятий строительного сектора, в свою очередь, имеют высокий инвестиционный спрос, выпускаются в значительном объеме и обладают конкурентоспособной ставкой купона в сравнении с другими отраслями.

Литература

1. БКС Мир инвестиций : официальный сайт. – URL: https://broker.ru/quotes/ru000a102y58/ (дата обращения: 26.07.2021).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/d5ddddc549f21e5c4a826cda7cb4efd57a1cff46// (дата обращения: 26.07.2021).

3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/d5ddddc549f21e5c4a826cda7cb4efd57a1cff46/ (дата обращения: 26.07.2021).

4. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344933/ (дата обращения: 26.07.2021).

5. О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон и отдельные законодательные акты Российской Федерации от 01.07.2018 № 175-ФЗ // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/ (дата обращения: 26.07.2021).

6. Рус Бонус : официальный сайт. – URL: https://www.rusbonds.ru/ (дата обращения: 26.07.2021).

7. Рынок облигаций 2020: в погоне за доходностью // Московская Биржа : официальный сайт. – URL: https://www.moex.com// (дата обращения: 05.07.2021).

8. Смарт-Лаб : официальный сайт. – URL: https://smart-lab.ru/ (дата обращения: 26.07.2021).

9. Средневзвешенные процентные ставки кредитных организаций по кредитным и депозитным операциям в рублях без учета ПАО Сбербанк (% годовых) // Банк России : официальный сайт. – URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat// (дата обращения: 26.07.2021).

10. Средневзвешенные процентные ставки кредитных организаций по кредитным и депозитным операциям в рублях без учета ПАО Сбербанк (% годовых) // Банк России : официальный сайт. – URL: http://www.cbr.ru/press/reginfl// (дата обращения: 26.07.2021).

Darya Leonidovna Mangileva,
second-year Master's student, Business and Management Department,
Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Assessing Investment Attractiveness of Construction Companies Bonds

Abstract. The article deals with investing in bonds issued by enterprises in the construction sector. Until recently, investors have considered developers' bonds a risky instrument. However, due to the adoption by the RF government of a new scheme of housing construction financing, the situation has dramatically changed. The author attempts to assess the investment attractiveness of construction bonds by analyzing two parameters: risk and investment return.
Keywords: bonds; security market; corporate bonds; risk; return on investment

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 34.01(47)"19"

М. Тисье*

Право для народа: популяризация права в России на пороге XX века[1]

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы популяризации права, происходившей в России на рубеже XIX–XX вв. Автор устанавливает причины интереса, проявленного тогда представителями образованных слоев общества к вопросу о распространении юридических знаний среди широких народных масс. Особое внимание обращается на то, как вокруг нескольких выдающихся популяризаторов и издателей формируется ранее неизвестный сектор издательской деятельности. При этом подчеркиваются как внутренние противоречия, так и внешние ограничения просветительской деятельности в Российской империи. По мнению автора, отсутствие у многих авторов юридического образования, с одной стороны, и давление правительственной цензуры в разнообразных формах – с другой, обусловили преобладание на книжном рынке брошюр, содержащих разъяснение положений действующего законодательства и судебной практики без критического анализа. Более того, такой подход оставлял за скобками вопросы о понятии права и правах человека. Как следствие, он подвергся критике со стороны ведущих юристов, преимущественно либерального направления, которые разработали концепцию права и определили его место в российском обществе. Вместе с тем они объединили политические и правовые вопросы в дискурсе личных прав и свобод.

Ключевые слова: популяризация; интеллигенция; издательство; брошюра; правосознание; права; свободы; политическая партия; революция

После нескольких десятилетий подавления движений, оппозиционных самодержавию, русская революция 1905 года стала периодом необычайного освобождения политического слова. Освобождение не только предполагало возможность различных оппозиционных течений – либералов, наследников народничества или марксистов – предъявлять требования к царской власти. Оно также предоставило им уникальный шанс обратиться непосредственно к тем широким массам, составлявшим подавляющее большинство населения империи, которых образованные слои называли «народом».

Действительно, часть российской культурной элиты, известная как «интеллигенция», приверженная делу преобразования общества, видела свое предназначение в просвещении масс[2]. Разумеется, такие «педагогические» амбиции имели

* **Мишель Тисье** – специалист по современной истории, доцент Университета Ренн 2 (Франция).

[1] Tissier M. Le droit pour le peuple: vulgariser le droit en Russie au tournant du XXe siècle // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. 2004. No. 18. P. 83–103. Статья переработана автором для настоящего перевода. В опубликованный ранее на французском языке текст добавлены комментарии к использованной литературе, а также новые ссылки на источники. Автор благодарит редакцию журнала «Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin» (Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна) за разрешение на осуществление перевода и публикации статьи, а также Университет Ренн 2 и исследовательскую группу TEMPORA за финансовую поддержку перевода.

Перевод с французского языка канд. юрид. наук, докторанта Университета Бордо В. А. Токарева (e-mail: basiletok@gmail.com).

[2] Противопоставление указанных категорий объясняется и конкретизируется Эбботом Глисоном, Уильямом Дж. Вагнером и Чарльзом Э. Тимберлейком в: Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia / ed. by Ed. W. Clowes, S. D. Kassow, J. L. West. – Princeton : Princeton University Press, 1991. О специфике взаимоотношений данной части элиты с крестьянами и ее оценке в историографии императорского периода см. подробнее: Burbank J., Ingerflom Cl. Paysans et intellectuels en Russie // Études rurales. – 1999. – No. 149-150. – P. 173–180 (интервью), а также Burbank J. Litiges civils et société dans la Russie rurale des années 1905–1917 // Genèses. – 2003. – No. 50. – P. 24–25.

© M. Tissier, 2021
© В. А. Токарев, перевод на русский язык, 2021

предысторию. В начале XX столетия различные противники самодержавия, несмотря на расхождения во взглядах, как правило, черпали представления о необходимости воспитания народа из народнической традиции второй половины XIX века. Но либеральные уступки, на которые пошел режим, прежде всего проведя первые в империи всенародные выборы, сформировали новый контекст для педагогических амбиций интеллигенции, связанных с «народом». В 1905–1906 гг. распространялись брошюры, адресованные самой широкой аудитории, на такие разнообразные темы, как форма политического режима, аграрный вопрос, рабочее движение или национальные проблемы. Эти брошюры издавались немыслимыми до того времени тиражами. Они распространялись по всей империи, особенно в центральных регионах, книгоиздателями, зачастую связанными с новыми политическими движениями[3].

При такой издательской мобилизации, обусловленной революционным контекстом, тема личных прав и свобод особенно наглядно обнаруживает «педагогическую» ориентацию российских авторов и издательств на массы[4]. Данный процесс соответствовал тому значению, которое эта тема приобрела в политическом дискурсе. Так, требования личных прав и свобод занимают важное место, очень часто первое, в программах новых политических партий во время кампании по выборам в первую Государственную думу 1906 г. Для брошюр о правах человека характерно использование специального, иногда технического языка, даже если они адресованы наименее образованной аудитории. Тем самым терминология, используемая образованными слоями российского общества, выдвигавшими требования признания личных свобод («неприкосновенность личности», «свобода слова», «свобода совести» и т. д.), получала широкое распространение. В 1905–1907 гг. был составлен корпус текстов, более или менее доступных массовому читателю, где смешивались политическая пропаганда и популяризация юридических терминов, прежде всего связанных с личными свободами. Можно ли утверждать, что перед нами новое явление, характерное для революционного контекста? Принимая во внимание его масштабы, ответ очевиден. Однако, как показывает анализ предыстории такой литературы, она продолжает традиции жанра, который появился задолго до революционных событий 1905 г., когда тема личных прав и свобод, а также общая концепция права были публично представлены противниками самодержавия в качестве основного политического вопроса[5]. Действительно, уже в конце XIX столетия авторы и издательства занимались «популяризацией» права и юридической терминологии, но не осмеливались поставить вопрос об их политическом значении.

---

[3] Издание в революционный период политических трудов в широком смысле – объект количественного исследования Н. А. Рубакина (см.: Рубакин Н. А. Книжный прилив и книжный отлив // Современный мир. – 1909. – № 12. – С. 3–4). Он подчеркивает преобладание брошюр над более объемными изданиями и отмечает, что в 1905–1907 гг. ежегодный тираж политико-экономической литературы составлял примерно 70 миллионов экземпляров, то есть практически равнялся общему тиражу всех наименований за 1901 г. Ср.: Люблинский С. Б. Книжное дело в годы первой русской революции (1905–1907 годов). – М. : Книга, 1974. – С. 9. Издательский бум рассматриваемой эпохи анализируется также в: Ferenczi C. Freedom of the Press under the Old Regime, 1905–1914 // Civil Rights in Imperial Russia / ed. by O. Crisp , L. Edmondson. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – P. 195, 205.

[4] Tissier M. Malaise dans la culture juridique libérale en Russie après 1905: « pédagogie des libertés » et éducation au droit // Cahiers du Monde russe. – 2007. – Vol. 48, No 2-3. – P. 185–208. Русский перевод: Тисье М. Кризис либеральной правовой культуры России после 1905 года: «педагогика свобод» и юридическое просвещение // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 1 (28). – С. 40–60.

[5] См. также: Тисье М. Какое юридическое просвещение нужно в России? Переход от популяризации права к популяризации гражданских прав около 1905 года // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 6 (44). – С. 57–63.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, с одной стороны, описать механизмы расцвета популяризации права, с другой – показать, как связанные с ним духовные и политические проблемы все чаще обсуждались в период, предшествовавший Первой русской революции. Сначала мы рассмотрим причины интереса, проявленного на рубеже XIX–XX веков представителями интеллигенции к вопросу о праве и распространению юридических знаний среди масс. Затем мы покажем, как вокруг нескольких главных действующих лиц сформировался ранее неизвестный сектор издательской деятельности – «популяризация права», – заключающий в себе противоречия, позволяющие составить представление о его ограниченности. Наконец, мы увидим, как профессиональные юристы стали критиковать эту литературу, предвосхищая обстоятельную дискуссию периода революции 1905 года по поводу той роли, которая должна отводиться праву в российском обществе.

1890-е годы: аспекты вопроса о праве в меняющейся России

Россия 1890-х гг. переживала интенсивную индустриализацию, повысившую уровень мобильности населения, способствовавшую созданию национального рынка и разрушившую социальную структуру традиционного общества «старого порядка». При этом экономические и социальные преобразования, связанные с развитием капитализма и ростом численности так называемого рабочего класса, сопровождаются культурными изменениями. Историки установили, что в конце XIX – начале XX в. уровень грамотности населения Российской империи существенно повысился благодаря одновременному расширению возможностей для поступления в школу и возрастанию спроса на начальное образование как в городах, так и в сельской местности[6]. Именно на фоне этих глубоких преобразований возникает интерес общественности к праву и его месту в российском обществе.

Происходившие перемены способствовали возобновлению дискуссии по данному вопросу после того, как реформы 1860-х гг. поставили в центр внимания взаимосвязь между законом и обычным правом. Действительно, освобождение крепостных крестьян (1861 г.) и судебная реформа (1864 г.) институционализировали частичное разделение двух судебных систем. С одной стороны, существовало правосудие крестьян, выбиравших судей волостных судов для рассмотрения гражданских споров между крестьянами той же волости и некоторых мелких уголовных дел[7]. С другой стороны, остальное население России зависело от судов, действовавших в соответствии с французской или немецкой моделями. Такое разделение первоначально приветствовалось значительной частью интеллигенции, полагавшей, что легитимность самостоятельного вида судопроизводства, осуществляемого в сельской местности, обусловлена особенностями крестьянского мира. Однако данная структура постепенно стала подвергаться критике. Практика сельских судов широко критиковалась, поскольку избираемые крестьянами судьи зачастую оказывались некомпетентными, малоэффективными или коррумпированными. В конечном счете возобладало мнение о том, что отправление сельского правосудия деформировало «правосознание» крестьян вместо повышения его уровня[8].

---

[6] Анализ результатов охвата населения образованием в сельской местности представлен в работе: Eklof B. Russian Peasant Schools. Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861–1914. – Berkeley : University of California Press, 1986. – P. 394–418.

[7] О функционировании этой судебной системы в губерниях Центральной России начала XX в. см.: Burbank J. Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. – Bloomington (Ind.) : Indiana University Press, 2004.

[8] О происхождении такого порядка и связанной с ним дискуссии см.: Frierson C. A. Rural Justice in Public Opinion: The *Volost'* Court Debate, 1861–1912 // Slavonic and East European Review. 1986. – Vol. 64, No 4. – P. 529–538.

Поэтому в 1889 г. при проведении Александром III контрреформ возобладал принцип административной опеки над крестьянами. Тогда была учреждена должность земского участкового начальника, который наделялся административными и судебными полномочиями для осуществления надзора за крестьянской общиной. Впрочем, новые правила только спровоцировали поток критики со стороны интеллигенции, преимущественно либеральной, осуждавшей все то, что отстраняло «народ» от общего права вместо его интеграции в правовую и социальную жизнь общества. Росту критических настроений по отношению к произволу чиновников в сельской местности способствовало издание «Записок» Александра Новикова (1899 г.)[9], бывшего земского начальника. В этой книге Новиков продвигает идею о том, что крестьянам нужен «не надзор, а развитие через образование»[10]. Отныне задача многих либералов и радикалов состояла в том, чтобы создать необходимые условия для формирования «гражданственности», объединяющей все слои населения. Разумеется, интеллигенция с отвращением относилась к опеке, осуществляемой администрацией над крестьянами, но сохранение отдельных судов для крестьян также рассматривалось некоторыми как препятствие на пути к поставленной цели[11].

В сложившейся ситуации либерально настроенные или сочувствующие народничеству представители элиты искали средства воспитания «народа», в том числе его правового просвещения, за пределами царской администрации. Николай Александрович Рубакин (1862–1946), видный в те годы библиограф и публицист, внимательно наблюдал за российской экономикой книжной торговли и ее проникновением во все социальные слои[12]. Еще в 1903–1904 гг. он отмечал, как преобразился книжный рынок за последнее десятилетие, когда появился новый тип читателя – трудящегося на предприятиях крупных промышленных центров, выходца из деревни, сохраняющего с ней связь. Таким образом, Рубакин констатирует распространение чтения и в сельской местности, за пределами промышленных зон. В целом он рисует картину российского книжного рынка, динамично развивающегося на рубеже XIX–XX вв. благодаря расширению читательской аудитории за счет тех слоев населения, которых уже не удовлетворяет традиционный ассортимент вроде календарей, религиозных книг и «народной»[13] художественной литературы.

Независимо от того, насколько справедливо утверждение Рубакина, представители образованных классов, заинтересованные в просвещении «масс» и повышении уровня их «правосознания», полагали разумным воспользоваться возникшим у тех аппетитом к чтению и знанию, чтобы предложить им адекватную пищу. Работая в этом направлении, некоторые публицисты и писатели создают произведения, специально предназначенные для популяризации «права». Однако до революции 1905 года это стремление осуществить своего рода гражданское воспитание соотечественников, умеющих читать и писать, сдерживалось рамками, установленными для издательской деятельности царским правительством.

---

[9] Новиков А. И. Записки земского начальника. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899.

[10] Цит. по: Frierson C. A. Op. cit. P. 540 («not control, but development through education»). По вопросу о «произволе» земских начальников см.: Gaudin C. Les *zemskie načal'niki* au village: coutumes administratives et culture paysanne en Russie, 1889–1914 // Cahiers du monde russe. – 1995. – Vol. 36, No 3. – P. 252.

[11] Frierson C. A. Op. cit. P. 543–544.

[12] См.: Грин Ц. И. Статья Н. А. Рубакина «Книжный поток» и ее значение для изучения истории книги в России // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века : сб. науч. трудов. – 1992. – Вып. 6. – С. 9–10. Статьи Н. А. Рубакина опубликованы в журнале «Русская мысль» (1903. № 3, 12 ; 1904. № 4).

[13] Исследуется в работе: Brooks J. When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917. – Princeton : Princeton University Press, 1985.

Конечно, основным ограничением была предварительная цензура, которой подвергались все непериодические издания. Но не следует забывать и про «рекомендации» государственных органов, в частности Министерства народного просвещения Российской империи, направленные на фильтрацию печатных изданий, распространяемых среди широкой общественности, особенно в библиотеках и читальнях. Ограниченная этими рамками, популяризация права в 1890-х гг. вызывала у читателей нечто большее, чем просто уважение к официальным правовым концепциям и положениям законодательства.

Формирование нового сектора издательской деятельности

Один из наиболее знаковых сборников рубежа XIX–XX вв., отражающий педагогические амбиции интеллигенции по отношению к «народу», озаглавлен «Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения»[14]. Он составлен коллективом Харьковской частной женской воскресной школы, образцовой «воскресной школы» для взрослых в Российской империи, под руководством Христины Даниловны Алчевской (1841–1920). Три тома сборника, каждый из которых претендовал на всеохватность к моменту выхода в свет, издавались в течение двадцати лет с 1884-го по 1906 г. Они свидетельствуют об эволюции категорий, которые использовала значительная часть русской интеллигенции для классификации интересовавших ее тем, и о поэтапном формировании такого направления издательской деятельности, как популярная юридическая литература. Во втором издании первого тома, датированном 1888 г., последний из семи разделов посвящен книгам о «земском деле и народном хозяйстве». Очевидно, данное наименование указывает на важность институционального контекста, в который «ангажированная» элита 1880-х гг. вписывала свою политическую и общественную деятельность по преобразованию России и «объединению» с массами: речь идет об органах местного самоуправления, созданных реформами 1860-х гг., – земствах. Вместе с тем такой заголовок раздела как элемент оригинальной классификации книг для народного чтения выглядит «сырым» (tâtonnante) по сравнению с заголовками остальных шести разделов сборника: духовно-нравственный, литературный, естествознание, исторический, биографический, географический. Кроме того, на седьмой и последний раздел приходится менее 1 % книг, рекомендованных «народу»[15].

Вышедший в 1906 г. третий том сборника оказался самым объемным. Подготовка этого тома затянулась почти на пять лет, поэтому, когда он появился на свет уже после революционных событий 1905 г., его содержание несколько устарело. Принимая во внимание начавшееся еще раньше расширение книжного рынка, перечень разделов третьего тома выглядит значительно богаче, чем предыдущих томов. Шесть названных выше классических разделов сохранились. К ним добавились пять новых разделов, посвященных популяризации науки и технологий, которые охватывают четверть всех рецензируемых в сборнике книг. Отметим среди них раздел «популярно-юридическая литература» – на него приходится почти 5 % от списка рекомендуемой литературы[16].

---

[14] Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения / сост. Х. Д. Алчевская и др. – Т. I. – СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1884 (2-е изд. 1888); Т. II, 1889 ; Т. III, 1906.

[15] Болезнь и смерть помешали ответственному за данный раздел барону Н. А. Корфу (1834–1883), активному участнику земского движения и автору учебных пособий, довести работу до конца.

[16] Не считая двенадцатого раздела, посвященного изданиям на украинском языке (все направления). Кроме раздела «Популярно-юридическая литература», в третьем томе сборника появились «Отдел физики, химии и астрономии», «Отдел медицины», «Отдел ветеринарии и животновод-

Сравнение первого и последнего томов сборника «Что читать народу?» также указывает на изменение структуры двух наборов представленных в них публикаций. Краткая подборка заголовков, сделанная бароном Николаем Александровичем Корфом в начале 1880-х гг., включала в себя брошюры, посвященные, главным образом, деятельности крестьянских учреждений и обязанностям их местных руководителей (староста, избираемый сельским сходом; старшина, избираемый волостным сходом)[17]. Напротив, сборник, опубликованный в 1906 г., отличается значительно большим разнообразием заглавий: в нем также упоминаются книги о праве собственности, семейном и наследственном праве, налогах, налогообложении и т. д. Очевидно, что некоторые авторы специализировались на популяризации права, имея в своем активе несколько таких публикаций. Однако самую большую долю «рынка» популярной юридической литературы занимает ограниченное число издательств. Отбор книг для соответствующего раздела третьего тома, увидевшего свет в 1906 г., производился двумя разными авторами. Первый, Николай Петрович Дружинин, самый плодовитый популяризатор права, анализировал работы своих конкурентов. Второму, Валериану Николаевичу Ширяеву (1872–1937), профессиональному юристу, составители сборника, обеспокоенные односторонним подходом, поручили критиковать публикации самого Дружинина[18], причем по рекомендации последнего, так как оба они были уроженцами Ярославля[19].

Брошюры Дружинина образуют довольно последовательный ансамбль, разделенный Ширяевым на три категории в зависимости от их доступности читателям. Приводимые Ширяевым библиографические данные лаконичны, но дополнительное исследование позволяет установить, что из десяти книг Дружинина шесть опубликованы в одном издательстве, а именно – редакцией журнала «Детское чтение» и приложения к нему «Педагогический листок», адресованного учителям. Эти два журнала редактировал в то время педагог и теоретик образования, известность которого выходила далеко за пределы сферы учительской деятельности, Дмитрий Иванович Тихомиров (1844–1915). Дружинин сотрудничал с приложением «Педагогический листок», публикуясь и в конкурирующих журналах, таких как «Русская школа» и «Образование». Несколько его статей, написанных в конце 1890-х гг., непосредственно посвящены вопросу популяризации права[20]. В 1902 г. Дружинин опубликовал у выдающегося московского книгоиздателя Ивана Дмитриевича Сытина «Азбуку законоведения». Данная брошюра с цветной обложкой продавалась по цене 10 копеек[21]. На самом деле, речь идет об отдельном издании текста, извлеченного из «Книги взрослых», имевшей большой успех

ства» и «Отдел сельского хозяйства, технологии и ремесел». Последние две из этих новых рубрик наиболее значимы (соответственно 7 и 6 % отобранных названий).

[17] О функционировании этих институтов см.: Иван Столяров. Записки русского крестьянина: récit d'un paysan russe / Préf. par B. Kerblay ; éd. par V. Stoliaroff et A. Berelowitch. – Paris : Institut d'études slaves, 1986.

[18] Дружинин упоминает об этом в автобиографии, датированной 13 февраля 1926 г. и сохранившейся в его архиве. См.: Российская национальная библиотека [РНБ]. Отдел рукописей [ОР]. Ф. 266. Н. П. Дружинин. Д. 1 («Автобиография Дружинина в Государственную Академию Художественных наук (ответ на анкету Академии)»). Л. 17.

[19] Как следует из письма Алчевской Дружинину, датированного 22 марта 1904 г. См.: РНБ. ОР. Ф. 266. Д. 207. Л. 22-22об.

[20] Дружинин Н. П. О преподавании и популяризации права // Русская школа. – 1897. – № 9-10. – С. 252–273 ; *его же*. О гражданском воспитании // Образование. – 1898. – № 9. – С. 51–55 ; *его же*. Учебник права и морали для английских начальных школ // Педагогический листок. – 1899. – № 4. – С. 414-434 ; *его же*. Значение и цели преподавания законоведения // Русская школа. – 1900. № 5-6. – С. 237–254.

[21] Дружинин Н. П. Азбука законоведения. – М. : Тип. Т-ва И Д. Сытина. Издание Харьковской частной женской воскресной школы, 1902. – 48 с.

в области просвещения взрослого населения Российской империи. Это своего рода прогрессивный учебник, состоящий из трех томов, в котором чередуются художественные тексты для чтения и статьи, дающие необходимый минимум базовых знаний из различных наук (ботаника, математика, физика, химия, география, этнография, история...). Он был задуман составителями сборника «Что читать народу?», Х. Д. Алчевской и ее коллективом. В то время «Книга взрослых» считалась «энциклопедией для народа». Дружинин принял участие в подготовке тома, который предназначался наиболее продвинутым ученикам школ для взрослых (третий год обучения). Проделанная им работа получила высокую оценку в брошюре, изданной около 1900 г. на французском языке, чтобы представить иностранным читателям «Книгу взрослых». Там отмечается, что в разделе, посвященном «основным принципам права и законодательства», содержатся «статьи <…> талантливого популяризатора, прославившегося в России серией публикаций на правовую тематику, адресованных широкой аудитории»[22].

Труды, критический обзор которых Дружинин, в свою очередь, делает на страницах того же третьего тома сборника «Что читать народу?», можно разделить на две группы. Речь идет либо о публикациях одного автора у того же самого или нескольких издателей, либо о сборниках работ, написанных разными авторами, но изданных одним и тем же издателем. В первой группе самым серьезным конкурентом Дружинина является юрист, публицист и видный деятель российской интеллектуальной и политической жизни того времени Виктор Александрович Гольцев (1850–1906), поскольку с 1885 г. он фактически возглавлял «Русскую мысль», московский журнал умеренно-либерального направления. Гольцев, как и Дружинин, публиковал в «Педагогическом листке» статьи о популяризации права, впоследствии переизданные в виде брошюр редакциями журналов «Детское чтение» и «Педагогический листок» в серии «Учительская библиотека»[23].

Среди издателей книг, популяризирующих право, в подборке 1906 г. фигурируют два важных имени. Речь идет о К. И. Тихомирове, московский издательский дом которого был основан в начале 1890-х гг. и специализировался на популярной литературе, особенно иллюстрированных брошюрах по агрономии, ботанике, ветеринарии и ремеслам. Что касается включенных в каталог названий изданий, посвященных правовой тематике, то данный издательский дом переиздавал и обновлял серию из десяти брошюр, по шесть копеек каждая, написанных еще в 1880-х гг. Николаем Блиновым, в которых освещались ежедневные приключения сельского старосты и превозносилась деятельность должностных лиц сельского общества. Наконец, вторую группу образует серия «Общедоступная библиотека правоведения», издававшаяся Обществом распространения полезных книг, находившимся под покровительством императора. В 1906 г. она насчитывала только пять наименований брошюр, по пять копеек каждая. Научное руководство серией осуществлял преподаватель Демидовского юридического лицея (Ярославль), где

[22] Abramoff Y. Le livre des adultes et le milieu dans lequel il a été rédigé, traduit du russe par E. Leprêtre. – Paris : C. Delagrave, s.d. – P. 30. Эта брошюра была переведена на английский язык: Abramoff Y. The book for adults and the surroundings which inspire it, translated from the French by Madame Auguste Serraillier. – Paris : Delagrave, 1900. Ее автор – Яков Васильевич Абрамов (1858–1906), публицист, реформатор народничества, сторонник «теории малых дел», выступал за неторопливое, спокойное и деполитизированное просвещение народа.

[23] Например, Гольцев В. А. Правоведение в начальной школе // Педагогический листок. – 1895. – № 2. – С. 47–50. В 1899 г. на страницах всех восьми номеров журнала «Педагогический листок» публиковались его статьи из серии «О популяризации правоведения». Впоследствии они были изданы отдельной брошюрой (см.: Гольцев В. А. Основные понятия о правоведении (элементарный очерк). – М. : Изд. ред. журналов «Детское чтение» и «Педагогический листок», 1900. 70 с.). Следуя той же схеме, в 1900–1901 гг. в том же журнале выходит серия статей «Беседы о правоведении», которые затем выпускаются тем же издательством отдельной брошюрой «Уголовное право и уголовный суд» (1901. 67 с.).

также работало несколько авторов. Во всяком случае, здесь не прослеживается никакой издательской политики, так как серия включает в себя без всякой системы брошюру о «законе» вообще[24], о Государственном совете и еще три об институтах российского гражданского права (условия продажи и покупки имущества, опека и попечительство, наследование). Источники вдохновения для этой серии брошюр явно официальные.

Определить тираж подобных публикаций не всегда легко. Так, Иван Дмитриевич Сытин, который в начале XX столетия доминировал на книжном рынке с популярной художественной литературой и календарями, не вел точного учета тиражей своей продукции, а пользовавшиеся спросом издания просто перепечатывались, когда заканчивались на складе. Однако количество пронумерованных переизданий признается многими сравнительно надежным показателем успеха, по крайней мере для того времени. Чаще всего при переиздании текст сохранялся прежним, но иногда в макет вносились правки и даже менялось название. В связи с этим брошюры Дружинина, Гольцева и Блинова, многие из которых написаны в конце 1880-х – начале 1890-х гг., продолжали переиздаваться спустя десятилетие, иногда другим издателем.

Тем не менее структура нового сектора издательской деятельности заставляет усомниться в подлинно «народном» характере популярных изданий по праву. Интеллектуальная деятельность авторов, особенности сети издательств и условия публикации популяризаторских материалов, скорее, свидетельствуют о том, что особое внимание уделялось «общественности»: учителям и преподавателям, прежде всего тем, кто работал в школах, финансировавшихся земствами. Среди них успели хорошо зарекомендовать себя издания журнала «Педагогический листок». Деловая переписка Дружинина свидетельствует о его активном сотрудничестве с данным издательством, по крайней мере до начала 1906 г. К тому моменту он опубликовал там 16 книг (иногда последовательно две с одним и тем же названием), практически каждую тиражом 3 600 экземпляров[25]. Эти цифры уступали тиражам изданий, предназначенных для «народного» чтения.

Разумеется, некоторые общедоступные брошюры по правовой тематике публиковались издателями, имевшими богатый опыт на рынке «массовой» литературы. Гольцев – автор двух брошюрок, опубликованных в серии «Дешевые издания» товарищества И. Д. Сытина, наиболее авторитетного среди широких слоев населения городов и сельской местности. Так, брошюра «Что такое подати и для чего их собирают?», впервые опубликованная в 1887 г. в издательстве журнала «Русская мысль», выдержала в 1903 г. пятое издание (36 страниц карманного формата), на которое Сытин установил цену три копейки[26]. Впрочем, даже в этом случае продолжала действовать система надзора: на издании стоит гриф Ученого комитета Министерства народного просвещения «Допущено» к обращению в бесплатных народных читальнях и для публичного чтения в «народной» аудитории.

Между тем круг читателей, способных обеспечить популяризаторским брошюрам относительно долгую жизнь на книжном рынке, первоначально, по крайней мере до 1905 г., формировался из посредников и консультантов всех видов, таких как учителя земских школ, руководители библиотек или читальных залов. Упоминания о «народном», «общедоступном» или «для широкой публики» характере популяризаторской литературы были прежде всего коммерческим приемом

[24] Палиенко Н. И. О законе. – М. : Тип. О-ва распростр. полез. кн., 1903.

[25] РНБ. ОР. Ф. 266. Д. 11. Л. 14.

[26] Добавим, что в том же году Сытин издает вторую брошюру Гольцева в той же серии и устанавливает на нее ту же цену (см.: Гольцев В. А. Что такое казна и казенные деньги? – М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1903).

авторов и издателей, рассчитанном на ту наименее привилегированную часть интеллигенции, которая острее чувствовала свою близость к «народу», поскольку зачастую только недавно вышла из него.

Подчеркнем, что Дружинин, Гольцев и другие авторы только вскользь упоминали в теоретических статьях, посвященных популяризации права, о той аудитории, к которой следовало обращаться, и довольствовались общими рассуждениями о «литературе для народа». Если в этих статьях и содержится критика реализации проекта популяризации или поддерживаемой концепции права, то в них редко оспаривается идея о том, что народ является конечным получателем научно-популярной литературы. В 1897 г. Дружинин выражает сомнения относительно целесообразности обращения непосредственно к читателю, только что освоившему грамоту: «Между прочим, популяризация права едва ли должна быть, в особенности ныне, направляема, главным образом, в сторону предоставления соответствующих пособий народу, грамотному люду. И образованные классы не обладают еще у нас в желаемой степени юридическими знаниями и не располагают соответствующими пособиями. Оттого и для них не доступна богатая юридическая литература, отечественная и иностранная; оттого и они сами, соприкасаясь с народом непосредственно, не могут вносить в его среду в желаемой мере юридические понятия и сведения. Желательно поэтому, чтобы популяризация права была направляема также, и пока даже преимущественно, в сторону удовлетворения потребности в ней образованных классов»[27].

Но почти сразу Дружинин противоречит самому себе, рекомендуя использовать разговорный язык и форму диалога для написания популярных книг по правовой тематике с целью сделать их доступными для широкого круга читателей[28]. Одержимость образом «народа» в дискурсе популяризации права того времени практически не вызывает сомнений. Однако если идея предоставления всему населению Российской империи доступа к правовым знаниям повсеместно обсуждается, то и само содержание дискурса о праве становится предметом споров.

Популяризировать право, но какое?

В Российской империи, где запрещалось создание любых политических партий, период, предшествующий революции 1905 г., отмечен объединением различных групп т. н. либеральной оппозиции. Они становились всё менее и менее неформальным «освободительным движением» и вскоре образовали нелегальную организацию «Союз освобождения», призывавшую к мирной замене российского самодержавного режима системой конституционной демократии[29]. Вопросы о праве, его основаниях и функциях в обществе стали важнейшими пунктами программы «освободительного движения». Кроме того, многие его наиболее активные и видные деятели имели юридическое образование и работали адвокатами (присяжными поверенными) или преподавателями университетов. Одним из самых влиятельных органов «освободительного движения» стала еженедельная юридическая газета «Право», издававшаяся с 1898 г. в Санкт-Петербурге. Членами ее редакционного комитета были некоторые наиболее выдающиеся российские

[27] Дружинин Н. П. О преподавании … С. 270.

[28] О языковом регистре, используемом в этих изданиях, и об отношении их авторов к своим читателям см. подробнее: Tissier M. Legal literature “for the people” and the use of language (late nineteenth and early twentieth century) // Public Debate in Russia. Matters of (Dis)order / ed. by N. Vakhtin, B. Firsov. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2016. – P. 85–100. Русский перевод: Тисье М. Литература правовой популяризации и употребление языка (конец XIX – начало XX века) // «Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России / отв. ред. Н. Б. Вахтин, Б. М. Фирсов. М. : Новое литературное обозрение, 2017. С. 92–113.

[29] Об истории этого движения см., в частности: Galai S. The Liberation Movement in Russia 1900–1905. – Cambridge : Cambridge University Press, 1973.

юристы – практики и философы[30]. В данной газете публиковались как теоретические статьи о праве, так и комментарии по поводу деятельности правительства, содержавшие, несмотря на цензуру, весьма смелую критику проявлений царского «произвола».

Представители этих кругов проявляли интерес к составлению сборника работ, популяризирующих «право» среди российской общественности. При этом авторитетные популяризаторы могли поддерживать достаточно тесные связи с «освободительным движением». Тот же Гольцев в конце 1870-х гг. принимал активное участие в земском движении, которое стало своего рода предшественником освободительного движения. Возглавляя московский журнал «Русская мысль», он сохраняет определенную ауру в либеральных кругах начала XX в., тем более что ему в прошлом пришлось терпеть гонения со стороны властей. Другой пример: Николай Платонович Карабчевский, один из основателей газеты «Право», известнейший адвокат того времени, участвовал в создании еженедельного журнала «Юрист», издававшегося в Санкт-Петербурге с 1902 г. и предназначенного для «широкой аудитории», с которым регулярно сотрудничал Дружинин. Авторы журнала, конечно, не претендовали на то, чтобы заинтересовать сельское население, но стремились внести свой вклад в распространение правовых знаний. В первом номере анонимный автор редакционной статьи ссылался на популярные брошюры о праве, пользовавшиеся тогда, по его словам, большим успехом[31]. При этом он призывал соотечественников осознать, что право в их повседневной жизни занимает такое же место, как и проза в жизни персонажа комедии Мольера «Мещанин во дворянстве».

Вместе с тем, несмотря на общую поддержку и принципиальное признание важности популяризации правовых знаний, содержание брошюр не вызывало единодушного одобрения. Их серьезная критика начинается со статьи «Юридическая литература для народа: опыт критического анализа», опубликованной на страницах газеты «Право» ее фактическим редактором Иосифом Владимировичем Гессеном (1865–1943) в конце 1901 г.[32] Гессен не оспаривает здесь ни полезности работы по популяризации права, ни целесообразности распространения брошюр для ее осуществления. Однако практически все брошюры, издававшиеся в то время, оцениваются им крайне низко, включая написанные Дружининым и даже Гольцевым, если называть самые известные имена. От иронического взгляда Гессена не ускользают любые неточности и ошибки разных авторов, но основной упрек, который он делает всей юридической литературе «для народа», – никогда не ставя под сомнение выбор адресата, – касается фундаментальной концепции права. Вместо попыток сжатого или подробного изложения положений российского позитивного права, гражданского или уголовного, в популярных брошюрах следует разъяснять читателю само понятие права, подчеркивая не только его культурное, но и нравственное значение для общества и каждого человека: «И прежде всего нужно, конечно, внедрить в сознание, что в общественной жизни действительно существует право как могучий культурный фактор; нужно выяснить роль этого фактора и открыть глаза на то, что каждый обитатель Российской Империи, которая, за силой 47 ст. зак. осн.[33], должна управляться на строгом ос-

[30] См.: Walicki A. Legal Philosophies of Russian Liberalism. – Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1992. – P. 220–221.

[31] По закону // Юрист. – 1902. – 3 нояб. – С. 2.

[32] Гессен И. В. Юридическая литература для народа (опыт критического анализа) // Право. – 1901. – № 47. – С. 2035–2049 ; № 48. – С. 2089–2101; № 49. – С. 2164–2173. Впоследствии данная статья была издана в Санкт-Петербурге в виде одноименной брошюры (1902 г.).

[33] Имеется в виду ст. 47 Основных Законов (изд. 1892 г.), согласно которой «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от Самодержавной Власти исходящих».

новании законов, есть субъект права, которое он не только в своих, но и в общих интересах обязан оберегать»[34].

Гессен излагает свою идею права и определяет основополагающее понятие субъективных прав, комментируя две недавно изданные брошюры, направленность которых он одобряет. Самое примечательное то, что данные брошюры относятся не к изданиям, популяризирующим право в строгом смысле слова, а к историческими повествованиям. Первая из них посвящена истории крепостного права в России[35], а вторая – истории Англии[36]. Они обе представляются Гессену способствующими «пробуждению и укреплению правосознания» читателей[37]. Он следующим образом объясняет полезность брошюры по истории Англии: «Автор излагает [историю Англии]… с точки зрения внутренней и внешней борьбы, какую пришлось пережить английскому народу, прежде чем он добился современного положения. Он приходит к выводу, что народ достиг всего своими собственными, настойчивыми и непрерывными усилиями, которых не могли сломить ни сила, ни коварство и хитрость. История этой борьбы дает автору возможность попутно касаться весьма важных вопросов права – разделения властей (с. 147), основных начал судоустройства (с. 130), свободы личности (с. 158), свободы совести, которую “во всем свете людям пришлось завоевать силой” (с. 68), взаимных отношений должностных лиц (с. 160) и т. д.»[38].

Итак, политический характер критических замечаний, высказанных Гессеном по поводу того, как популяризация права осуществлялась на тот момент в Российской империи, становится очевидным. По мнению Гессена и значительной части освободительного движения, не может быть и речи о поддержке такой популяризации правовых знаний, которая ограничивается разъяснением положений действующего права и порядка его реализации (например, согласно Основным законам, упоминаемым Гессеном), поскольку она неявно призывает соблюдать законы, порицаемые «освободительным движением» за пренебрежение к личным правам. Критика осуществления популяризации права в России начала XX в., как ни парадоксально, исходила от юристов уровня Гессена – признанных специалистов в различных областях позитивного права[39]. На самом деле, этот кажущийся парадокс объясняется тем, что тогда в российском и международном правовых сообществах шла оживленная дискуссия о происхождении права. Российские либеральные юристы разделились на приверженцев доктрины естественного права и адептов социологических или психологических правовых теорий. Однако доминирующим направлением со временем становится критика немецкой традиции легального позитивизма, господствовавшей в XIX столетии[40]. Поскольку стремление популяризаторов ознакомить широкую аудиторию с российским законодательством и судебной практикой начала XX в. воспринималось сторонниками данного направления как продолжение критикуемой ими немецкой традиции, оно не находило у них поддержки.

---

[34] Гессен И. В. Юридическая литература для народа … С. 2171.

[35] Князьков С. Как сложилось и как пало крепостное право. Исторический очерк / под ред. А. А. Кизеветтера. – СПб. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1900.

[36] Быкова А. Ф. Рассказы из истории Англии XI–XIX века. – СПб. : Типо-лит. А. А. Лейферта, 1899 (Гессен указывает неправильный год издания и неполное название этой книги).

[37] «Хотя эти книги и не входят непосредственно в намеченную нами область, но их нельзя не отметить с чувством живейшей симпатии: в них, именно, светится та мысль, которая может быть путеводной звездочкой к пробуждению и укреплению правосознания» (см.: Гессен И. В. Юридическая литература для народа … С. 2171).

[38] Там же.

[39] Так, Гессен был специалистом по семейному праву.

[40] См.: Walicki A. Op. cit. P. 213–217. См. также недавно опубликованную статью: Токарев В. А. К вопросу о концепциях субъективных публичных прав в российской юридической науке начала XX в. // Труды Института государства и права РАН. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 62–80.

Таким же образом выражал негативное отношение к популяризации правовых знаний, практиковавшейся Дружининым до 1904–1905 гг., юрист Ширяев, специалист по уголовному праву: «Г. Дружинин тщательно изучил действующее законодательство и внимательно следит за его изменениями, отмечая последние в каждом новом издании своих работ, а общим недостатком, или пробелом, – отсутствие критического освещения излагаемого материала и как бы преклонение перед положительным правом». Он добавляет: «Подобная, на наш взгляд ничем не оправдываемая, вера в спасительную силу действующего закона проникает все работы г. Дружинина; в читателе же такое отношение к положительному законодательству, при отсутствии критического освещения и материала для сравнения, способно породить не вполне правильное и соответствующее действительности представление о правовом строе России»[41].

Ширяев оценивает здесь только брошюры Дружинина. Но, как и у Гессена, его критика, на самом деле, относится к популяризации права в том виде, как она осуществлялась практически всеми авторами вплоть до 1905 г. Только в революционном контексте 1905–1906 гг. роль популяризации права меняется[42]. Следуя всеобщему желанию преобразовать российское общество, новая литература о праве, адресованная народу, уже не может ограничиться описанием правовой системы империи. Напротив, в ней развивается мысль о согласовании права с политическим проектом для России. Действительно, популяризаторские брошюры нового поколения, знакомя читателей с правом в целом, уже не принимают за основу российское позитивное право. Скорее, оно дискредитируется. Вместе с тем превозносится идея воплощения в праве универсального требования справедливости. Именно этим объясняется выход на первый план вопроса о личных свободах[43]. Соответственно, российский правовой опыт, накопленный к тому времени, становится контрмоделью, а примерами для подражания – только те западные страны, история которых призвана проиллюстрировать «прогресс» права.

Заключение

Еще до 1905 г. возник вопрос об издательской модели популяризации права, осуществлявшейся с 1890-х гг. несколькими специализированными издательствами и, как правило, не имеющими юридического образования авторами. Первоначальная модель популяризации права подверглась критике со стороны общественных деятелей, которые, с одной стороны, гораздо лучше разбирались в правовых вопросах, а с другой – принимали активное участие в политической борьбе, где определение «права» становилось первостепенной задачей. После революции 1905 года новая литература для «народа» распространяется в условиях многократного увеличения спроса и ослабления цензуры. Разумеется, она отражает политические изменения в стране. Так, во многих брошюрах повторяются требования личных свобод и политических прав как эффективного средства развития «правосознания».

Появление этой темы стало победой критиков модели распространения правовых знаний, чрезмерно ориентированной на действующее имперское законодательство. Новые авторы постараются разъяснить не только понятие права, но прежде всего тот факт, что русские обладают правами. Поэтому, популяризируя

[41] Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения / сост. Х. Д. Алчевская и др. – Т. III. – СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1906. – С. 471–472.

[42] См.: Тисье М. Какое юридическое просвещение нужно в России? Переход от популяризации права к популяризации гражданских прав около 1905 года // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 6 (44). – С. 57–63.

[43] См. подробнее: Edmondson L. Was there a Movement for Civil Rights in Russia in 1905? // Civil Rights in Imperial Russia / ed. by O. Crisp, L. Edmondson. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – P. 263–285.

право, они открыто и решительно смешивают юридические вопросы с политическими. Самый плодовитый из первых популяризаторов, Дружинин, попытается адаптироваться к изменившейся обстановке, издавая брошюры о народном представительстве, правах человека и гражданина. Его издатель, выпускающий журнал «Педагогический листок», не экономил на рецензиях и рекламе, привлекая внимание читателей к новым и старым брошюрам. Однако распространение его продукции замедлилось[44]. С одной стороны, в конфликтный период 1905–1917 гг. дискурс, ориентированный на массы, как и общественная дискуссия в целом, концентрируется на связи политических и правовых вопросов. С другой стороны, цель воздействия на массы, по-видимому, остается недостижимой для авторов популяризаторской литературы. Ее распространение возобновляется сразу после Февральской революции 1917 года, но без особых результатов[45].

Литература

1. Abramoff Y. Le livre des adultes et le milieu dans lequel il a été rédigé, traduit du russe par E. Leprêtre. – Paris : C. Delagrave, s.d. – 75 p.
2. Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia / ed. by Ed. W. Clowes, S. D. Kassow, J. L. West. – Princeton : Princeton University Press, 1991. – XVI, 383 p.
3. Brooks J. When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917. – Princeton : Princeton University Press, 1985. – XXI, 450 p.
4. Burbank J. Litiges civils et société dans la Russie rurale des années 1905–1917 // Genèses. – 2003. – No. 50. – P. 24–49.
5. Burbank J. Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. – Bloomington (Ind.) : Indiana University Press, 2004. – XXIV, 374 p.
6. Burbank J., Ingerflom Cl. Paysans et intellectuels en Russie // Études rurales. – 1999. – No. 149-150. – P. 173–180.
7. Edmondson L. Was there a Movement for Civil Rights in Russia in 1905? // Civil Rights in Imperial Russia / ed. by O. Crisp, L. Edmondson. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – P. 263–285.
8. Eklof B. Russian Peasant Schools. Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861–1914. – Berkeley : University of California Press, 1986. – XVI, 652 p.
9. Ferenczi C. Freedom of the Press under the Old Regime, 1905-1914 // Civil Rights in Imperial Russia / ed. by O. Crisp, L. Edmondson. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – P. 191–214.
10. Frierson C. A. Rural Justice in Public Opinion: The *Volost'* Court Debate, 1861–1912 // Slavonic and East European Review. – 1986. – Vol. 64, No. 4. – P. 526–545.
11. Galai S. The Liberation Movement in Russia 1900–1905. – Cambridge : Cambridge University Press, 1973. – X, 325 p.
12. Gaudin C. Les *zemskie načal'niki* au village: coutumes administratives et culture paysanne en Russie, 1889–1914 // Cahiers du monde russe. – 1995. – Vol. 36, No. 3. – P. 249–272.
13. Tissier M. Legal literature “for the people” and the use of language (late nineteenth and early twentieth century) // Public Debate in Russia. Matters of (Dis)order / ed. by N. Vakhtin, B. Firsov. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2016. – P. 85–100.

[44] Как показывает сравнение расчетов между издательством и автором в начале 1906 г. (РНБ. ОР. Ф. 266. Д. 11. Л. 14), феврале 1908 г. (Там же. Д. 536. Л. 2-2об) и ноябре 1913 г. (Там же. Д. 83. Л. 1). Кроме того, Дружинин вступил в Конституционно-демократическую партию, образованную во время революции 1905 года, видными деятелями которой были профессиональные юристы Гессен и Ширяев, критиковавшие его работу по распространению правовых знаний.

[45] См.: Тисье М. Кризис либеральной правовой культуры России после 1905 года: «педагогика свобод» и юридическое просвещение // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 1 (28). – С. 40–60.

14. Tissier M. Malaise dans la culture juridique libérale en Russie après 1905: « pédagogie des libertés » et éducation au droit // Cahiers du Monde russe. – 2007. – Vol. 48, No. 2-3. – P. 185–208.

15. Walicki A. Legal Philosophies of Russian Liberalism. – Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1992. – X, 477 p.

16. Быкова А. Ф. Рассказы из истории Англии XI–XIX века. – СПб. : Типо-лит. А. А. Лейферта, 1899. – 264 с.

17. Гессен И. В. Юридическая литература для народа (опыт критического анализа) // Право. – 1901. – № 47. – С. 2035–2049 ; № 48. – С. 2089–2101 ; № 49. – С. 2164–2173.

18. Гольцев В. А. Основные понятия о правоведении (элементарный очерк). – М. : Изд. ред. журналов «Детское чтение» и «Педагогический листок», 1900. – 70 с.

19. Гольцев В. А. Правоведение в начальной школе // Педагогический листок. – 1895. – № 2. – С. 47–50.

20. Гольцев В. А. Уголовное право и уголовный суд. – М. : Изд. ред. журналов «Детское чтение» и «Педагогический листок», 1901. – 67 с.

21. Гольцев В. А. Что такое казна и казенные деньги? – М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1903. – 35 с.

22. Грин Ц. И. Статья Н. А. Рубакина «Книжный поток» и ее значение для изучения истории книги в России // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века : сб. науч. трудов. – 1992. – Вып. 6. – С. 7–19.

23. Дружинин Н. П. Азбука законоведения. – М. : Тип. Т-ва И Д. Сытина. Издание Харьковской частной женской воскресной школы, 1902. – 48 с.

24. Дружинин Н. П. Значение и цели преподавания законоведения // Русская школа. – 1900. – № 5-6. – С. 237–254.

25. Дружинин Н. П. О гражданском воспитании // Образование. – 1898. – № 9. – С. 51–55.

26. Дружинин Н. П. О преподавании и популяризации права // Русская школа. – 1897. – № 9-10. – С. 252–273.

27. Дружинин Н. П. Учебник права и морали для английских начальных школ // Педагогический листок. – 1899. – № 4. – С. 414–434.

28. Иван Столяров. Записки русского крестьянина: récit d'un paysan russe / Préf. par B. Kerblay, éd. par V. Stoliaroff et A. Berelowitch. – Paris : Institut d'études slaves, 1986. – 202 p.

29. Князьков С. Как сложилось и как пало крепостное право. Исторический очерк / под ред. А. А. Кизеветтера. – СПб. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1900. – 123 с.

30. Люблинский С. Б. Книжное дело в годы первой русской революции (1905–1907 годов). – М. : Книга, 1974. – 31 с.

31. Новиков А. И. Записки земского начальника. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – 25, VIII, 240 с.

32. Палиенко Н. И. О законе. – М. : Тип. О-ва распростр. полез. кн., 1903. – 48 с.

33. По закону // Юрист. – 1902. – 3 нояб. – С. 1–6.

34. Рубакин Н. А. Книжный прилив и книжный отлив // Современный мир. – 1909. – № 12. – С. 1–25.

35. Тисье М. Какое юридическое просвещение нужно в России? Переход от популяризации права к популяризации гражданских прав около 1905 года // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 6 (44). – С. 57–63.

36. Тисье М. Кризис либеральной правовой культуры России после 1905 года: «педагогика свобод» и юридическое просвещение // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 1 (28). – С. 40–60.

37. Тисье М. Литература правовой популяризации и употребление языка (конец XIX – начало XX века) // «Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России / отв. ред. Н. Б. Вахтин, Б. М. Фирсов. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – С. 92–113.

38. Токарев В. А. К вопросу о концепциях субъективных публичных прав в российской юридической науке начала XX в. // Труды Института государства и права РАН. 2020. – Т. 15, № 4. – С. 62–80.

39. Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения / сост. Х. Д. Алчевская и др. – Т. I. – СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1884 (2-е изд. 1888) ; Т. II, 1889 ; Т. III, 1906.

Michel Tissier,
a specialist in Modern History, Associate Prof.
at the University of Rennes 2 (France)

The Law for the People: The Popularization of Law in Russia at the Turn of the XXth Century

Abstract. The article deals with the instruments to popularize the law in Russia at the turn of the XIX-XX centuries. The author reveals the reasons for the interest of the educated segments of society in the dissemination of legal knowledge among the broad masses. The author draws specific attention to how a previously unknown publishing sector appeared around several prominent popularizers and publishers. At the same time, he emphasizes both internal contradictions and external limitations of educational activities in the Russian Empire. According to the author, the lack of legal education of many authors, on the one hand, and the pressure of government censorship in various forms, on the other, led to the predominance in the book market of brochures containing explanations of the provisions of current legislation and judicial practice without critical analysis. In addition, this approach left out questions about the concept of law and human rights. It resulted in criticism expressed by predominantly liberal leading lawyers, who developed the notion of law and determined its place in Russian society. At the same time, they combined political and legal issues in the discourse of personal rights and freedoms.
Keywords: popularization; intelligentsia; publishing house; brochure; legal awareness; rights; freedoms; political party; revolution

УДК 347.2

М. Н. Семякин*

Методологические проблемы понимания вещного права, его значение в контексте современного реформирования гражданского законодательства РФ

Аннотация. В статье анализируются методологические проблемы понимания вещного права – одного из центральных институтов гражданского права. Рассматривается понимание и различия таких гносеологических категорий, как признак и свойство. И на этой основе анализируются признаки вещного права. Анализируются различные дефиниции вещных прав, в том числе определение, предложенное в проекте Федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ». Подвергается критике узкий подход к определению вещного права, когда последнее связывается исключительно с правом собственности. Критикуется догматический подход, ориентированный на выделение только тех признаков вещного права, которые указаны законодателем. Рассматривается модель «расщепленной» собственности. Анализ ряда признаков вещного права проводится с учетом современных возможностей, предоставляемых цифровыми технологиями и виртуальным пространством. Автор обосновывает положение о том, что методологически некорректно выделять в определении вещного права такой признак, как «непосредственное (или «прямое») господство лица над вещью», так как это – особенность, свойственная праву собственности – одному из элементов в системе вещных прав, хотя и важнейшему, но не единственному. Дается авторское определение вещного права.

Ключевые слова: вещное право; вещные права; обязательственные права; собственность; право на чужую вещь; вещно-правовые иски; правоотношение

В понимании сущности категории «вещное право» можно выделить, по меньшей мере, два гносеологических аспекта: 1) когда вещное право характеризуется на общем (абстрактном) уровне и 2) когда автором излагается более содержательное определение данной категории.

Говоря о первом познавательном уровне, можно привести высказывание Н. Н. Аверченко, когда он утверждает: «Именно вещное право оформляет принадлежность вещей – самых распространенных объектов гражданских прав – лицам, устанавливая тем самым необходимые стартовые предпосылки для гражданского оборота»[1].

С широких позиций характеризуют вещное право также М. И. Брагинский и В. В. Витрянский, указывая на то, что «вещным правом является любое титульное владение, стороны договора могут создавать новые вещные права, неизвестные закону»[2].

По поводу вышеприведенных высказываний авторов представляется необходимым обратить внимание на их некоторую смысловую неточность. Так, вряд ли корректно усматривать сущность вещного права в том, что оно «оформляет принадлежность вещей» лицам, сводя, по сути, весь круг вещных прав к праву собственности, хотя и, безусловно, очень важному среди них.

* **Михаил Николаевич Семякин,** д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник управления научных исследований УрГЮУ, профессор и заведующий кафедрой частного права Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

[1] Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. – М. : РГ-Пресс, 2011. – С. 585 (§1 гл. 19 – автор Н. Н. Аверченко).

[2] Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1 : Общие положения. – 2-е изд. – М., 1999. – С. 501.

© М. Н. Семякин, 2021

Что же касается отнесения к вещному праву «любого титульного владения», то такой взгляд, как представляется, не учитывает в должной мере различий «титульного владения» как элемента объекта вещного права и «титульного владения» как элемента объекта обязательственного права. Так, перевозчик по договору перевозки, доставляя вещь от продавца покупателю, осуществляет «титульное владение» ею, однако такое «владение» носит, главным образом, обязательственно-правовой, а не вещный характер.

Та часть вышеприведенного высказывания, которая касается того, что «стороны договора могут создавать новые вещные права, неизвестные закону», вряд ли соответствует позиции законодателя относительно закрытого характера перечня вещных прав, а в научном сообществе такое мнение далеко не бесспорно.

В контексте истории римского права И. А. Покровский отмечал: «Область вещных прав, хотя бы практически, знала тогда некоторые “права на чужие вещи” (jura in re aliena), позволяющие осуществлять не зависящее от согласия собственника использование имущества (главным образом земельных участков) иными законными владельцами»[3]. Иначе говоря, здесь «вещные права», по сути, идентифицируются с «правами на чужие вещи», что характерно только для той их части, которая именуется как «ограниченные вещные права».

Однако в более позднее время – период господства феодализма XII–XIV вв. – представления о вещном праве как «праве на чужую вещь» трансформировались в теоретическую установку так называемой «расщепленной» («разделенной») собственности, когда несколько лиц могли идентифицировать себя в отношении одного и того же объекта (как правило, земельного участка) как собственники с различным правовым «статусом» – верховного и подчиненного, с безусловным приоритетом первого[4].

В западной литературе модель «расщепленной» собственности носит достаточно распространенный характер и имеет немало своих приверженцев[5].

Однако в российской доктрине данная юридическая модель не получила столь широкого признания, поскольку отечественная частноправовая теория собственности исходит из римской правовой традиции о том, что в отношении одной и той же вещи не может быть двух и более самостоятельных собственников, а следовательно, и нескольких отдельных прав собственности. Хотя, справедливости ради, надо заметить, что и в российской доктрине имеется ряд приверженцев теории «расщепленной» собственности[6].

Не вдаваясь здесь в конкретику модели «расщепленной» собственности – это предмет отдельного исследования, – необходимо обратить внимание, по меньшей мере, на три момента.

Во-первых, данная модель представляется перспективной для разработки ее применительно ко многим современным экономическим реалиям, которые в настоящее время становится всё более проблематично объяснять с позиции тра-

---

[3] Покровский И. А. История римского права / пер. с лат. А. Д. Рудокваса. – СПб., 1999. – С. 320.

[4] Более подробно см.: Солидоро Маруотти Л. «Абсолютная собственность» и «относительная собственность» в европейской правовой истории // Древнее право. – 2004. – № 2. – С. 7 и след. ; см. об этом также: Гражданское право : учебник : в 3 т. – Т. 1. – С. 585.

[5] Более подробно об этом см.: Parisi F. Duality in Property // American Journal of Comparative Law. – 2002. – Vol. 50. – P. 595–622 ; Паризи Ф. Энтропия собственности // Ежегодник сравнительного права. 2011 / под ред. Д. В. Дождева. – М. : Статут, 2011. – С. 188–226.

[6] Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. – М.-Л., 1948. – С. 65 ; Толстой Ю. К. К разработке теории юридического лица на современном этапе // Проблемы современного гражданского права : сб. ст. – М., 2000. – С. 87 ; Андреев В. К. О праве частной собственности в России (критический очерк) // СПС «КонсультантПлюс» ; Кулагин М. И. Избранные труды. – М., 1997. – С. 224.

диционного (по сути – древнеримского) сугубо формального подхода – в отношении одной и той же вещи не может быть нескольких самостоятельных собственников, а следовательно, и прав собственности.

Во-вторых, вместе с тем использовать модель «расщепленной» собственности для выражения «субстанции» всей системы вещных прав, наверное, методологически вряд ли оправдано; право собственности (при всей его важности) является всего лишь одним из элементов в современной достаточно широкой системе вещных прав, и поэтому вряд ли правильным будет характеризовать весь состав элементов данной системы через призму только модели «расщепленной» собственности.

В-третьих, широкое понимание модели «расщепленной» собственности нельзя экстраполировать на интерпретацию всего состава элементов системы вещных прав, поскольку это может привести к элиминированию различий вещных и обязательственных прав.

Второй подход к проблеме понимания вещного права – на более конкретизированном уровне, – когда авторы свое вúдение феномена вещного права формулируют как ряд тех или иных определений данной категории. Так, по мысли Е. А. Суханова, «вещным правом является установленное законом абсолютное субъективное гражданское право, предоставляющее своему обладателю возможность *непосредственного господства над индивидуально-определенной вещью* (курсив – авт.) и отстранения от нее всех других лиц, защищаемое специальными гражданско-правовыми исками»[7].

Как полагает Л. В. Щенникова, «вещным признается право, предметом которого является вещь, существующая в форме физического тела (телесная), закрепляющее принадлежность этой вещи лицу и непосредственное над ней господство в определенном объеме правомочий, пользующееся защитой от любого нарушителя[8].

В контексте вышеприведенных определений вещного права возникает необходимость обратить внимание на следующее.

Во-первых, представляется вряд ли этимологически корректным в определении вещного права употреблять выражение «непосредственное господство над вещью». Термин «господство» имеет исключительно государственно-политическое лексическое значение, когда один человек или группа (класс), занимающие господствующее положение в обществе, могут навязывать (диктовать) свою политическую волю и требования другому человеку или группе лиц (части общества), зависящим от первых и вынужденных подчиняться им. Поэтому «господство» над вещью, существующей «в форме физического тела», независимо от того, идет ли речь о «непосредственном» или «опосредованном» «господстве», его «объеме» и т. д., принципиально невозможно. Вещь абсолютно иррелевантна к тому, будет ли в отношении ее осуществляться какое-либо «господство» или нет.

Этот термин современными цивилистами некритически заимствован из трудов некоторых дореволюционных исследователей вещного права, которые, в свою очередь, восприняли его из древнеримского права – характеристики права собственности как непосредственного господства лица над вещью, и экстраполирован затем в отношении определения всего феномена вещного права.

Во-вторых, поскольку «непосредственное господство» над вещью более характерно для осуществления собственником своих правомочий, то использование данного выражения для определения родовой категории «вещное право», охватывающей собой помимо права собственности также ряд иных – «несобственнических» прав, методологически вряд ли является релевантным.

---

[7] Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. – М. : Статут, 2017. – С. 52.

[8] Щенникова Л. В. Вещное право : учеб. пособие. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2001. – С. 72.

В-третьих, не кажется достаточно обоснованным выделение в определении вещного права момента, характеризующего его как закрепляющего «принадлежность этой вещи лицу». Так, если лицо в силу установленного сервитута осуществляет право «прохода» к своему земельному участку по кромке земельного участка соседа, то здесь вряд уместно говорить «о принадлежности» используемого для прохода земельного участка сервитуарию (обладателю сервитута).

В-четвертых, сомнительным также является и указание на такой признак, как то, что вещным признается право, «пользующееся защитой от любого нарушителя». В связи с этим можно заметить, что и обязательственное право тоже пользуется защитой как от контрагента по обязательственному правоотношению, так и от любого третьего лица – нарушителя этого права. Иное дело, что для защиты вещных прав используются специфические правовые инструменты – вещно-правовые иски. Правда, данный момент характеризует вещное право не в его нормальном (позитивном) состоянии и развитии, а когда оно, нарушенное, принимает форму правопритязания.

В-пятых, представляется излишним в определении вещного права указывать «параллельно» два таких его признака, как «предоставляющее своему обладателю возможность непосредственного господства над индивидуально-определенной вещью» и «отстранение от нее всех других лиц», поскольку первый из названных признаков полностью «поглощает» по своему логическому объему второй.

В цивилистической литературе приводятся и другие определения вещного права, в которых также отмечаются некоторые неатрибутивные, не свойственные ему признаки. Так, «*вещным* называют *право на вещь, имущество (ius in rem), которое предоставляет своему обладателю определенный вид и меру возможного поведения, предполагающего непосредственное воздействие на вещь (имущество)»* (курсив – авт.)[9]. Здесь обращает на себя внимание то, что говорится о виде и мере возможного поведения обладателя вещного права, предполагающего (поведения) «непосредственное воздействие на вещь (имущество)».

Думается, что такое выражение своими истоками (корнями) также уходит в древнеримскую лексику и не отвечает современному пониманию сущности вещного права. Обладателю вещного права при осуществлении своего поведения часто отнюдь не требуется оказывать «непосредственное воздействие на вещь». Тем более, в этом может и не быть необходимости в современных условиях при возможностях цифровых технологий и виртуального пространства, когда человек может совершенно свободно и быстро осуществлять свои вещные права в отношении конкретной вещи (имущества), которая в пространстве может находиться очень далеко от места его пребывания, при этом не нуждаясь ни в каком «непосредственном воздействии» на нее.

В литературе встречаются и такие определения вещного права, которые носят крайне лаконичный характер, что затрудняет возможность отличить феномен вещного права от иных правовых явлений частноправовой действительности. Так, З. А. Ахметьянова определяет «**вещное право** (выделено – авт.) *как разновидность субъективного гражданского права, как обеспеченные законом вид и меру возможного поведения субъекта в отношении определенной вещи (имущества)* (курсив – авт.), будь то абсолютное вещное право – право собственности или же какое-либо ограниченное вещное право»[10].

Приведенное определение вещного права вряд ли позволяет сколько-нибудь четко отличить его от понятия обязательственного права, которое тоже представляет собой «вид и меру возможного поведения субъекта» и очень часто также возникает «в отношении определенной вещи (имущества)».

---

[9] Цит. по: Ахметьянова З. А. Вещное право : учебник. – М. : Статут, 2011. – С. 59.

[10] Ахметьянова З. А. Указ. соч. С. 64.

В другом случае определение вещного права сведено к юридически обеспеченной возможности «пользоваться индивидуально-определенной вещью в своем интересе и независимо от других лиц»[11], упуская при этом другие элементы вещных прав.

В литературе имеется и такое определение, в котором вещное право как родовое явление отождествляется с его видом – понятием ограниченного вещного права, когда, например, вещное право интерпретируется как абсолютное субъективное право лица, обладающего возможностью в своих интересах в рамках предоставленных ему законом правомочий непосредственно использовать принадлежащую на праве собственности другому лицу вещь, не прибегая к содействию собственника[12].

В проекте Федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (законопроект № 47538-6/5, далее – законопроект)[13] – 11-й «блок» поправок в Гражданский кодекс РФ, в том числе в его раздел II «Право собственности и другие вещные права» – сформулировано следующее определение: «Вещные права – это права, предоставляющие лицу непосредственное господство над вещью, а также являющиеся основанием осуществления вместе или по отдельности правомочий владения, пользования и распоряжения ею в установленных пределах».

В целом данное определение заслуживает положительной оценки. Вместе с тем представляется необходимым обратить внимание на некоторые его особенности.

Во-первых, обращает на себя внимание то, что в приведенном определении вещные права идентифицированы через призму права собственности («непосредственное господство над вещью»), что методологически вряд ли корректно – определять всю систему вещных прав по модели только одного из элементов данной системы.

Во-вторых, требует уточнения та часть определения, которая касается объекта вещных прав – вещи; очевидно, здесь речь должна идти об индивидуально-определенной вещи (имуществе).

В-третьих, в приведенном определении имеется некоторая тавтология: «Вещные права – это права…» Необходимо уточнить, о каком смысловом значении данного термина здесь идет речь. Термин «вещные права» может пониматься: 1) в объективном смысле – как совокупность соответствующих норм гражданского права (подотрасль гражданского права); 2) как совокупность абсолютных правоотношений, носящих имущественный (вещный) характер; 3) как вид (разновидность) субъективных гражданских прав.

В-четвертых, в рассматриваемом определении подчеркивается, что вещные права являются основанием осуществления правомочий по владению, пользованию и распоряжению вещью «в установленных пределах», что, однако, не проясняет ответ на вопрос о том, могут ли сами стороны на основе взаимного соглашения устанавливать вещные права, не предусмотренные законом.

С учетом вышеотмеченного представляется возможным сформулировать следующее определение: «Вещное право как определенный вид и мера субъективного гражданского права представляет собой *совокупность установленных законом*

[11] Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. – М. : РГ-Пресс, 2011. – С. 602 (автор гл. 19 – Н. Н. Аверченко).

[12] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. В. П. Мозолина, М. Н. Малеиной. – М. : Норма, 2006. – С. 483 (автор комментария – А. И. Масляев). См. об этом также: Ахметьянова З. А. Указ. соч. С. 64.

[13] URL: http://privlaw.ru/povestka-47/ (дата обращения: 06.03.2020).

правомочий, носящих абсолютный характер, складывающихся по поводу владения, пользования, распоряжения (иных действий) индивидуально-определенной вещью (имуществом), которые могут осуществляться как в их совокупности, так и по отдельности в установленных законодательством пределах».

Говоря о методологии исследования феномена вещных прав, прежде всего хотелось бы обратить внимание на то, что следует говорить о таких признаках вещного права, которые характеризуют специфику всего того, что свойственно всем видам вещных прав, охватываемых указанной родовой категорией. Отсюда, в частности, следует, что методологически некорректно выделять в определении вещного права такой признак, как «непосредственное (или «прямое») господство лица над вещью» – особенность, свойственная праву собственности – одному из элементов в системе вещных прав, однако не для всех их видов.

Методологически важно также определиться с пониманием сущности вещного права – это право, регулирующее отношение лица к вещи или отношения между людьми по поводу вещей? Исследователями предложены по этому поводу разные подходы, в том числе и противоположные по своей сущности.

Как представляется, любое правоотношение, в том числе вещно-правовое, всегда носит социальный характер – может складываться только в рамках и посредством общественной формы, то есть между людьми. Никаких социальных отношений между вещью и человеком нет и в принципе быть не может, ибо такие отношения предполагают взаимную социальную коммуникацию, двустороннее взаимодействие, взаимную ответственность и т. д., что возможно только между людьми. Вне социальных связей индивида утрачивает всякий смысл относиться к вещи как к «своей» или, наоборот, как к «чужой».

Конечно, в обществе человек, с одной стороны, может относиться к вещи как к «своей» либо как к «чужой», однако, с обратной стороны, вещь относиться к человеку никак не может. Поэтому можно сказать, что отношение человека к вещи является формой проявления социальных отношений между людьми по поводу вещей, регулируемых (отношений) вещным правом. И здесь не надо конструировать какие-то конкретные правоотношения, якобы в таком случае неминуемо возникающие между обладателем вещного права и каждым отдельным индивидом определенной страны и, более того, «всего человечества». Любой гражданин (третье лицо) в таких случаях просто должен воздерживаться, в силу закона, от нарушения вещного права соответствующего субъекта и не более того, что достаточно условно можно назвать абсолютными правоотношениями, при этом не придавая данной юридической конструкции никакой эфемерной коннотации, как это нередко случается в юридической литературе.

Важное значение для понимания специфики вещных прав имеет установление их гносеологических оснований – обусловленности экономическими факторами, степени влияния последних на юридическое оформление и функционирование вещных прав.

Большинство авторов рассматривает вещные права как разновидность субъективных гражданских прав. В частности, Л. В. Щенникова, отвечая на вопрос о том, можно ли вещное право именовать субъективным гражданским правом, указывает, «что для такой характеристики не должно быть возражений»[14]. Поясняя данную мысль, автор, далее, отмечает: «Как и любое другое субъективное право, вещное право составляет определенную меру возможного поведения и носит волевой характер. Воля обладателя права является определяющим и решающим моментом при его реализации»[15].

[14] Щенникова Л. В. Указ. соч. С. 62.

[15] Там же.

Вместе с тем в литературе по этому поводу высказан и иной – противоположный – взгляд. Так, известный дореволюционный цивилист Ю. С. Гамбаров полагал субъективно-индивидуалистический подход к вещным правам неверным. Вещные права, по мысли данного автора, не имеют самостоятельного значения, а «подчиняются определениям объективного правопорядка, служащего выражением не субъективных, а объективных интересов»[16].

Думается, что две вышеприведенные позиции представляют собой разные гносеологические уровни – абстрактный и конкретный – в осмыслении, в сущности, одного и того же явления частноправовой действительности, и взаимно противопоставлять их можно только до известных пределов (границ).

В самом деле, вещные права как важнейшие элементы в системе гражданских прав, конечно, обусловлены экономическими производственными отношениями, связанными с производством (присвоением), распределением, обменом и потреблением материальных благ. И вещные права представляют собой не что иное, как, в широком смысле, юридическое оформление указанных экономических отношений. Однако такое «оформление» осуществляется не «механически», а представляет собой сложный социальный процесс, отражающий в своем содержании национальные, исторические, экономические, культурные и иные особенности конкретного социального образования – общества, государства, определенной группы стран и т. д. Иначе трудно было бы объяснить, почему однотипные экономические отношения присвоения и использования земельных участков оформляются юридически по-разному в различных правопорядках – вещными правами в европейском континентальном праве и «титулами» – estate и interest – в англо-американском праве[17].

С другой стороны, в понимании особенностей вещных прав можно и нужно усматривать также и субъективный аспект: в самом факте возникновения вещных прав, их осуществлении, сохранении, защите и т. д., безусловно, проявляется индивидуальная воля и интерес конкретного человека. Поэтому в познании особенностей такого феномена, как вещное право, важно не упускать из внимания как объективные, так и субъективные гносеологические основания (начала).

Исследователи выделяют различные признаки вещного права как по их количественному составу, так и по их характеру (сущности). Так, А. В. Латыев полагает, что «для определения вещных прав вполне достаточно двух признаков – материальности их объектов и абсолютности вещных правоотношений»[18]. Л. В. Щенникова рассматривает три признака вещного права – его объект, содержание, особенности защиты[19]; Н. Н. Аверченко выделяет также три признака, однако в основном иных по своей сущности – объект вещного права, его «абсолютность» и пользование вещью исключительно в своем интересе[20]; З. А. Ахметьянова отмечает шесть признаков – юридическую связь с вещью, господство над ней; объект – определенная вещь; возможность субъекта удовлетворять свой интерес без посредства других лиц; обязанность всех иных лиц не препятствовать осуществлению субъектом принадлежащих ему правомочий; абсолютный характер защиты; свойство (право) следования[21]; а Е. А. Суханов обращает внимание на более широкий круг таких признаков, включающий 10 особенностей вещного права: его

[16] Гамбаров Ю. С. Вещное право : лекции. – СПб., 1908–1909. – С. 4 ; см. об этом также: Щенникова Л. В. Указ. соч. С. 62–63.

[17] См. об этом также: Суханов Е. А. Указ. соч. С. 45.

[18] Латыев А. Н. Проблема вещных прав в гражданском праве. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2003. – С. 81.

[19] Щенникова Л. В. Указ. соч. С. 66–70.

[20] Гражданское право : учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. – С. 590–594 (автор гл. 19 – Н. Н. Аверченко).

[21] Ахметьянова З. А. Указ. соч. С. 76–77.

юридическую «прочность», господство над вещью, абсолютный характер, вещные права могут создаваться только законом, закрытый перечень вещных прав, их публичный характер, специфический объект (индивидуально-определенная вещь), принцип специализации, вещно-правовые способы защиты, преимущества вещных прав в применении перед обязательственными правами[22].

Отмеченные различия, очевидно, можно объяснить разными обстоятельствами, в том числе особенностями понимания авторами такой категории, как «признаки вещного права», их природы, гносеологических оснований (критериев). В связи с этим, с методологических позиций возникает общий вопрос: какой же более адекватный подход необходимо избрать при исследовании такого феномена, как признаки вещного права?

Прежде всего, термин «признак», как представляется, следует понимать как особенность объекта, которая (или совокупность таких особенностей) позволяет отличать данный объект от иных аналогичных сущностей. В связи с этим необходимо обратить внимание на один важный момент: объекты, признаки которых подлежат сравнению, должны обладать таким свойством, как «сопоставимость», то есть не выступать в качестве совершенно разнородных сущностей, иначе теряет всякий смысл сравнивать их признаки.

Это методологическое положение нередко нарушается, когда, например, сравнивают свойство (право) «следования», предусмотренное законом применительно к вещному праву, с феноменом, обозначаемым таким же термином (право «следования), однако используемым в совершенно иной частноправовой области – сфере интеллектуальных прав, и пытаются на этой основе сделать вывод о том, что свойство – право «следования» – не присуще вещному праву, поскольку, дескать, такой же признак имеется и у интеллектуальных прав. В то время как такое сравнение методологически является совершенно некорректным, ибо сравниваемые объекты представляют собой «качественно» разнородные сущности, а следовательно, совпадающий по названию между ними признак (признаки) носит исключительно формальный, а не содержательный (сущностный) характер и не содержит в себе никакой научной информации. В философии справедливо обращено внимание на то, что существует различие между такими понятиями, как «тождественные» признаки и признаки «сходные»[23], но не идентичные.

Как отмечает философ В. А. Канке, «каждый объект выступает как совокупность признаков, т. е. свойств и отношений»[24]. Признаки объекта, по мысли названного автора, делятся на два класса: свойства тел – то, что «не зависит от их отношений к другим объектам», и отношения – характеризующие «соотносительность или большего числа объектов»[25]. Для области правоведения, в частности вещного права, адекватной представляется характеристика признаков через термин «свойства».

В частноправовой литературе нередки случаи, когда при определении признаков вещного права авторы используют исключительно формально-догматический подход, полагая, что только такие атрибуты, которые «прямо» закреплены законом, должны приниматься во внимание, и ничего более. Поэтому для понимания и выявления признаком объекта, в особенности такого сложного объекта познания, как «вещное право», методологически важно изначально определиться с тем, носит ли феномен «признак» объективный характер, то есть существует ли он в объективной реальности, и тогда задача исследователя сводится лишь к тому,

[22] Суханов Е. А. Указ. соч. С. 45–51.

[23] Более подробно об этом см.: Канке В. А. Общая философия науки : учебник. – М. : Омега-Л, 2009. – С. 14–15.

[24] Там же. С. 13.

[25] Там же.

чтобы только «сканировать» его и элементарно описать, или же «признак» – это сугубо субъективная категория, находящаяся исключительно в области мыслительных абревераций исследователя, плод его научных размышлений и представлений. В последнем случае количество и характер (существо) сформулированных признаков будет зависеть исключительно от степени субъективного воображения автора.

Однако вышеобозначенные грани – это лишь две крайние стороны указанной проблемы, которая в действительности носит гораздо более сложный характер. В философии при рассмотрении природы элементарных научных форм обращаются к характеристикам не только объектов, но и их ментальных и языковых коррелятов. Речь идет о том, «что соответствует признакам изучаемых объектов в сознании и языке теоретика» – предикаты – высказанные исследователем признаки объекта, которые также могут быть воспроизведены в сознании[26]. Для обозначения признака, представленного в сознании исследователя, необходим соответствующий термин – знак, конкретный образ (в феноменологии – эйдос) – ментальный коррелят объекта. Что же касается ментальных коррелятов признаков объектов, то такие «корреляты» в философии предложено называть «менталями» – относящееся к духовной сфере, представленное в мыслях[27].

Таким образом, «признаки» – это ментальные формы объектов, их мыслительные и «чувственные», эмоциональные корреляты («образы»), что следует понимать как то, что природа «признака» носит объективно-субъективный характер; объект познания (в нашем случае – «вещное право») существует как феномен социально-правовой реальности, а его признаки в идеальной форме осмысливаются исследователем.

В практическом плане это означает то, что исследователь может оперировать не только теми признаками вещного права, которые непосредственно закреплены в законе, но также и выводить соответствующие признаки как результат научного осмысления положений законодательства о вещном праве, соответствующей практики – ментальный коррелят объекта социально-правовой реальности. Так, например, в законодательстве «напрямую» не закреплен такой признак, как исключительный характер вещного права. Значит ли это, что и не имеется основания для выделения такого признака в теории, да и на практике? Думается, что причины для этого в связи с указанными выше обстоятельствами не имеется. Аналогично, опосредованно из законодательства можно вывести и такой признак, как «публичность» вещного права.

Поэтому представляется чрезмерно категоричным утверждение Н. Н. Аверченко о том, что «безусловной “лакмусовой бумажкой”, с помощью которой оценивается пригодность признака, должны быть те права, которые закон прямо (expressis verbis) называет вещными»[28]. Однако затем автор значительно смягчает свою позицию. Говоря о том, что вещные права – это всегда продукт позитивного права, Н. Н. Аверченко отмечает: «Естественно, этот принцип не ограничивает цивилистику в выработке собственных критериев, отличающихся от законодательных или дополняющих их. Более того, набор прямо названных в законе вещных прав выглядит довольно эклектичным и, очевидно, нуждается в теоретическом переосмыслении»[29].

В этом контексте возникает и другая проблема теоретического и практического характера, когда нередко закон не называет некое конкретное право вещным, однако придает ему вещно-правовую защиту, наделяет его свойством «следова-

[26] Канке В. А. Указ. соч. С. 15.
[27] Там же. С. 16.
[28] Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. – С. 589.
[29] Там же.

ния» либо, наоборот, когда законодатель прямо обозначает определенное право как вещное, однако не допускает, например, возможности его «следования», как это имеет место применительно к праву гражданина, проживающего совместно с собственником в принадлежащем последнему жилом помещении (ст. 31 ЖК, ст. 292 ГК РФ).

Как представляется, в первом случае с учетом анализа сущностных признаков данного права, не поименованного прямо как вещного, не исключается в результате анализа отнесение его к категории вещных прав со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями. Что же касается второго случая, то здесь необходимо комплексное исследование ряда моментов, в том числе всех иных сущностных особенностей такого права, его месторасположение среди других норм, соотношение с обязательственным правом, не допущена ли со стороны законодателя здесь ошибка в названии этого права в качестве вещного и т. д. Неоднозначно, однако по форме императивно выраженная позиция законодателя в квалификации данного права как вещного, для его адекватного применения требует соответствующих разъяснений и указаний со стороны высших судебных инстанций с целью формирования определенной правоприменительной практики.

При определении признаков вещного права возникает и такая проблема, когда одни исследователи отвергают те или иные признаки, признаваемые другими авторами как имманентные для вещного права, ссылаясь при этом на разные обстоятельства, в том числе на то, что аналогичные признаки имеются и у других гражданских прав, либо указывают на то, что соответствующий признак не присущ всем видам вещных прав или выступает лишь в качестве результата реализации режима вещного права и т. д.

Так, Н. Н. Аверченко, отвергая «владение» как признак вещного права, обращает внимание на то, что «вывод (о том, что все вещные права снабжены правомочием владения) при всем желании будет явной натяжкой». И далее автор, рассуждая в этом направлении, отмечает, со ссылкой на статью А. О. Рыбалова, что «и свойство следования, и вещно-правовая защита не являются признаками вещного права, а выступают как проявления его режима, т. е. как *последствия*» (курсив – авт.)[30]. Сомнительно, по мысли Н. Н. Аверченко, относить к признакам вещного права и ряд иных моментов, касающихся закрепления исчерпывающего перечня вещных прав в законодательстве, правомочия распоряжения, бессрочности вещных прав, преимущественного удовлетворения их перед обязательственными правами на одну и ту же вещь, «старшинства» вещного права.

В итоге названный автор формулирует следующее определение: «Вещное право в объективном смысле – это система норм права, обеспечивающих возможность пользования индивидуально-определенной вещью в своем интересе и независимо от других лиц»[31].

В связи с этим представляется возможным кратко обратить внимание лишь на отдельные моменты.

Вышеприведенное определение, как представляется, страдает неполнотой отраженных в нем признаков данного юридического феномена, где все правомочия владельца вещного права сведены лишь к «возможности пользования» вещью, игнорируя то, что вещному праву – в широком смысле этой категории – присущи и иные правомочия, в частности правомочие владения, распоряжения. Иное дело, что в праве собственности «присутствуют» все три указанные правомочия, а в других видах вещных прав эти правомочия в той или иной мере представлены (проявляются) в различных моделях их сочетания – порознь (по отдельности) или в соответствующей их взаимосвязи.

[30] Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. – С. 598.
[31] Там же. С. 603.

Небесспорным представляется отрицание свойства «следования» и вещно-правовой защиты как признаков вещного права на том основании, что они «выступают как проявления его режима, т. е. как последствия». Правовой режим – достаточно общая категория, и с этих позиций все вещные правомочия как признаки вещного права выступают так или иначе, в конечном счете, формами проявления его правового режима. Поэтому, рассуждая таким образом, вообще становится невозможным выделять какие-либо правомочия как отдельные признаки вещного права. Вместе с тем свойства «следования» и вещно-правовой защиты – атрибуты, которые выражаются не только в форме результата реализации режима вещного права, но также присущи данному феномену и в его «статике» как потенциальные правовые возможности, обладающие своим специфическим содержанием, назначением и функциями.

Что же касается отрицания некоторых атрибутов как признаков вещного права в связи с тем, что такие же свойства наблюдаются и у некоторых других явлений гражданско-правовой действительности, в частности в обязательственных правах, то здесь необходимо учитывать один важный момент. Как уже выше обращалось внимание, обозначаемые одним и тем же термином (знаком) признаки разных явлений отнюдь не всегда являются тождественными (идентичными). Применительно к вещному праву это означает, что, например, признак (свойство) «следования» в вещном праве и обозначаемая таким же термином (знаком) особенность в обязательственном праве – не есть абсолютно тождественные (идентичные) признаки по своему конкретному содержанию, функциям, целевому назначению.

В порядке краткого резюме по обсуждаемой проблематике можно отметить, что при формировании нового института вещных прав необходимо четко методологически определиться с онтологическими и гносеологическими основаниями вещных прав, соотношением данной категории со «смежными» понятиями, а также учесть современные теоретические и практические достижения в указанной области как в России, так и в высокоразвитых зарубежных правопорядках.

Литература

1. Андреев В. К. О праве частной собственности в России (критический очерк) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система.
2. Ахметьянова З. А. Вещное право : учебник. – М. : Статут, 2011. – 360 с.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1 : Общие положения. – 2-е изд. – М., 1999. – 848 с.
4. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. – М. : Л. : Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948 (Ленинград). – 840 с.
5. Гамбаров Ю. С. Вещное право : лекции. – СПб., 1908–1909.
6. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. – М. : РГ-Пресс, 2011. – Гл. 19.
7. Канке В. А. Общая философия науки : учебник. – М. : Омега-Л, 2009. – 354 с.
8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. В. П. Мозолина, М. Н. Малеиной. – М. : Норма, 2006. – С. 483.
9. Кулагин М. И. Избранные труды. – М., 1997. – 329 с. – (Серия «Классика российской цивилистики»).
10. Латыев А. Н. Проблема вещных прав в гражданском праве. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2003. – 186 с.
11. Паризи Ф. Энтропия собственности // Ежегодник сравнительного права. 2011 / под ред. Д. В. Дождева. – М. : Статут, 2011. – С. 188–226.
12. Повестка заседания Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (6 декабря 2019 г., г. Казань) // Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. – URL: http://privlaw.ru/povestka-47/ (дата обращения: 06.03.2020).

13. Покровский И. А. История римского права / пер. с лат. А. Д. Рудокваса. – СПб. : Летний сад, 1999. – 560 с.
14. Солидоро Маруотти Л. «Абсолютная собственность» и «относительная собственность» в европейской правовой истории // IVS ANTIQVVM. Древнее право. – 2004. – № 2 (14). – С. 7–50.
15. Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. – М. : Статут, 2017. – 559 с.
16. Толстой Ю. К. К разработке теории юридического лица на современном этапе // Проблемы современного гражданского права : сб. ст. / ред. В. Н. Литовкин, В. А. Рахмилович. – М. : Городец, 2000. – С. 81–112.
17. Щенникова Л. В. Вещное право : учеб. пособие. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2001. – 238 с.
18. Parisi F. Duality in Property // American Journal of Comparative Law. – 2002. – Vol. 50. – P. 595–622.

Mikhail Nikolaevich Semyakin,
Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher at the Department
of Scientific Research, Ural State Law University;
Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;
Professor and Head of the Department of Private Law, Liberal Arts University –
University for Humanities (Yekaterinburg)

Methodological Problems of Understanding Property Law, its Importance in the Context of the Modern Reform of Civil Law of the Russian Federation

Abstract. The article analyses the methodological problems of understanding property law - one of the central institutions of civil law. The author considers interpretation and distinctions of such epistemological categories as feature and property. And on this basis, he looks at the features of the law of things. The author also and examines various definitions, including the definition proposed in the draft of the federal law ‘On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation’. The narrow approach to the definition of right in rem comes under fire when the latter is associated exclusively with property law. The author castigates a dogmatic approach for focusing on only those features of the law of things that the legislator indicates. The model of ‘split’ property is under scrutiny. The author analyzes several features of property law, taking into account the modern capabilities provided by digital technologies and virtual space. The author substantiates the stipulation that in the definition of the right in rem, it is methodologically incorrect to distinguish a feature ‘direct’ (or ‘absolute’) domination of a person over a thing. The fact is that feature characteristic of property law is one of the most important but not the only one. The author proposes his definition of property law.
Keywords: property law; right in rem; the law of obligation; property; the right to another's thing; legal actions; legal relationship

УДК 343.57

З. А. Незнамова*

Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ

Аннотация. Уголовное законодательство, регламентирующее ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, в последние несколько лет претерпело существенные изменения. Изменилась и практика его применения, в том числе позиции Верховного Суда РФ. В статье предпринимается попытка анализа данных изменений как законодательства, так и судебной практики. Доказывается, что попытки активизации борьбы с наркопреступностью и наркоманией путем усиления уголовной ответственности за преступления, связанные с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, привели к результатам противоположного характера. Изменение статей Уголовного кодекса РФ реально привело не к ужесточению такой ответственности, а ее неоправданному и непонятному видоизменению, приведшему к ослаблению ответственности за подобные преступления. Делается также вывод, что попытки Верховного суда РФ устранить дефекты уголовного законодательства нельзя признать эффективными и продуктивными, поскольку они в некоторых случаях противоречат основам теории уголовного права.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ; уголовная ответственность; изменения в УК РФ; позиции Верховного Суда РФ; борьба с наркопреступностью

Наркомании и токсикомании являются одной из самых серьезных и тревожных социальных проблем современности. В этой связи наркопреступность является серьезной криминальной проблемой, а борьба с ней – важнейшей задачей государства, общества, права и законодательства. Особую актуальность данная проблема приобрела в связи с появлением новых информационных технологий и переносом наркоторговли в социальные сети, мессенджеры и Интернет. Однако законодатель пришел к выводу, что приоритетным направлением борьбы с наркоторговлей и наркопреступностью является изменение уголовного законодательства. В данной статье предпринимается попытка анализа изменений в уголовном законодательстве с целью оценки эффективности внесенных новаций.

УК РФ в его первоначальной редакции 1996 года, в статье 228, устанавливал ответственность за незаконные изготовление, приобретение, хранение, перевозку, пересылку либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ. Данная статья содержала несколько частей, диспозиции которых приводятся ниже полностью, поскольку без этого дальнейший разговор будет не слишком понятен.

«1. Незаконные приобретение или хранение без цели сбыта наркотических средств или психотропных веществ в крупном размере – …

2. Незаконные приобретение или хранение в целях сбыта, изготовление, переработка, перевозка, пересылка либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ – …

3. Деяния, предусмотренные частью второй настоящей статьи, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) неоднократно;

* **Зинаида Александровна Незнамова,** д-р юрид. наук, профессор, Уральский государственный юридический университет; проректор по учебной работе АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

© З. А. Незнамова, 2021

в) в отношении наркотических средств или психотропных веществ в крупном размере – …

4. Деяния, предусмотренные частями второй или третьей настоящей статьи, совершенные организованной группой либо в отношении наркотических средств или психотропных веществ в особо крупном размере – …

5. Нарушение правил производства, изготовления, переработки, хранения, учета, отпуска, реализации, продажи, распределения, перевозки, пересылки, приобретения, использования, ввоза, вывоза либо уничтожения наркотических средств или психотропных веществ, а также веществ, инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под специальным контролем, если это деяние совершено лицом, в обязанности которого входит соблюдение указанных правил, – …» [1].

Таким образом, данная статья, по существу, содержала несколько самостоятельных составов преступлений.

Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ [2] в ст. 228 и в УК РФ были внесены весьма существенные изменения. Статья 228 УК РФ стала именоваться «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» и устанавливала ответственность за «незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку **без цели сбыта** наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в крупном размере» (выделено мной. – *З. Н.).*

Кроме того, в УК РФ была введена статья 228.1, в которой устанавливалась ответственность за незаконные производство, сбыт или пересылку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Также УК РФ был дополнен ст. 228.2 «Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ», устанавливающей ответственность за нарушение правил производства, изготовления, переработки, хранения, учета, отпуска, реализации, продажи, распределения, перевозки, пересылки, приобретения, использования, ввоза, вывоза либо уничтожения наркотических средств или психотропных веществ либо веществ, инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под специальным контролем, а также культивирования растений, используемых для производства наркотических средств или психотропных веществ, повлекшее их утрату, если это деяние совершено лицом, в обязанности которого входит соблюдение указанных правил.

Выделение в отдельную статью состава преступления, связанного с нарушением правил оборота наркотических средств и психотропных веществ, ранее содержавшегося в ч. 5 ст. 228 УК РФ, можно было только приветствовать, ибо данное преступление существенно отличается от иных преступлений, связанных с оборотом психоактивных веществ, практически по всем признакам состава преступления – по предметам, объективной стороне, субъекту, который является специальным.

В принципе, стремление законодателя дифференцировать ответственность за оборот наркотических средств и психотропных веществ в зависимости от наличия или отсутствия цели сбыта можно было бы тоже только приветствовать. Очевидно, что оборот одурманивающих веществ без цели сбыта совершают лица, употребляющие наркотики и психотропные вещества, что в большинстве случаев свидетельствует об их болезненной зависимости и необходимости, прежде всего, лечения, а не применения мер уголовного наказания. Об этом, в частности, свидетельствует введение в УК РФ ст. 82.1, которая предусматривает возможность применения к таким лицам отсрочки отбывания наказания при условии, если они больны наркоманией и изъявили желание пройти соответствующий курс лечения,

а также медицинскую и социальную реабилитацию. Безусловно, лица, которые сами не потребляют психоактивных веществ, но вовлекают в такое потребление иных лиц, заслуживают более сурового наказания, ибо способствуют распространению наркомании и вовлечению в немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ.

Однако эти очевидные вещи почему-то не были учтены законодателем. И возникла странная, если не сказать парадоксальная в своей нелогичности ситуация. Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенные без цели сбыта, являются преступными, влекут за собой строгое наказание, в том числе в виде лишения свободы. Аналогичные действия с наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами, совершенные с целью последующего сбыта, преступными не являются, ибо ст. 228.1 устанавливает ответственность лишь за незаконные производство, сбыт или пересылку.

А ведь законодателю достаточно было в ч.1 ст. 228.1 УК РФ указать в качестве признаков объективной стороны незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку психотропных веществ или их аналогов, а в качестве признака субъективной стороны указать цель сбыта, чтобы здравый смысл восторжествовал. Однако с тех пор прошло уже 18 лет. Ст. 228, 228.1 РФ изменялись за это время несколько раз. При этом отмеченный нами выше пробел так и остался невосполненным.

Осознавая нелогичность и несправедливость возникшей ситуации, данный пробел вынужденно попытался устранить Верховный Суд РФ. В своем Постановлении Пленума от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» он указал: «Если лицо незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает или перерабатывает наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги в целях последующего сбыта этих средств или веществ, но умысел не доводит до конца по не зависящим от него обстоятельствам, содеянное при наличии к тому оснований подлежит квалификации по части 1 статьи 30 УК РФ и соответствующей части **статьи 228.1 УК РФ как приготовление к незаконному сбыту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов**» (выделено мной. – *З. Н.*) [3].

Таким образом Верховный Суд РФ предложил рассматривать незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление или переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в целях последующего сбыта этих средств или веществ как приготовление к преступлению и тем самым дал возможность следственным органам и судам возбуждать уголовные дела в отношении этих лиц и привлекать их к уголовной ответственности. Безусловно, эта мера, хотя и вынужденная, была воспринята практикой. Однако признать данную меру полностью успешной нельзя.

Согласно ст. 66 УК РФ срок или размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Кодекса за оконченное преступление. То есть данные лица хотя и будут осуждены, но наказание им будет назначено существенно более мягкое, чем они могли бы заслуживать.

Осознавая это, Верховный Суд РФ своим Постановлением от 30.06.2015 № 30 внес в цитируемое выше Постановление Пленума № 14 изменения, согласно которым «если лицо в целях осуществления умысла на незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, со-

держащих наркотические средства или психотропные вещества, незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает, перерабатывает эти средства, вещества, растения, тем самым совершает действия, направленные на их последующую реализацию и составляющие часть объективной стороны сбыта, однако по не зависящим от него обстоятельствам не передает указанные средства, вещества, растения приобретателю, то такое лицо несет уголовную ответственность **за покушение на незаконный сбыт** этих средств, веществ, растений» (выделено мной. – *З. Н.*) [4].

Верховный Суд РФ в своем стремлении усилить ответственность за преступления, связанные с наркоторговлей, при бездействии законодателя, деяние, которое ранее рассматривалось как приготовление к преступлению, предложил квалифицировать как покушение на преступление. Стремление понятное, ибо согласно ст. 66 УК РФ срок или размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Кодекса за оконченное преступление. А три четверти – это существенно больше половины срока наказания.

Однако данная позиция Верховного Суда РФ, на мой взгляд, не может не вызывать критику и сомнения. Во-первых, совершенно непонятно, как при неизменном законодательстве и стабильной практике высшая судебная инстанция достаточно принципиально меняет свою позицию относительно уголовно-правовой оценки деяния. Во-вторых, данное разъяснение противоречит понятию покушения, закрепленного в законодательстве и в теории уголовного права.

Согласно ст. 30 УК РФ «покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, **непосредственно направленные на совершение преступления**, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам» [1] (выделено мной. – *З. Н.*). По общему правилу покушение возможно в материальных составах, которые предусматривают преступные последствия.

Верховный Суд РФ в п. 13.1 цитируемого выше постановления Пленума указал следующее: «Учитывая, что диспозиция части 1 статьи 228.1 УК РФ не предусматривает в качестве обязательного признака объективной стороны данного преступления наступление последствий в виде незаконного распространения наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, их незаконный сбыт следует считать оконченным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю указанных средств, веществ, растений независимо от их фактического получения приобретателем» [4].

Тем самым Верховный суд РФ признал состав ст. 228.1 УК РФ формальным, в котором покушение на преступление, как правило, невозможно. Правда, в теории уголовного права отмечены условия, при которых, в определенных случаях, покушение возможно и в формальном составе, выражаясь в неполном совершении тех действий, которые являются обязательными для конкретного состава преступления (подробнее см.: [5, с. 198]). Обязательным признаком объективной стороны состава ст. 228.1 является сбыт наркотических средств или психотропных веществ. При том понимании сбыта, который описан в п. 13.1 постановления пленума, покушение невозможно, ибо любые действия являются оконченным преступлением, даже независимо от того, получил ли приобретатель сбываемые предметы.

Иными словами, при попытке решить вопрос об усилении ответственности за наркоторговлю Верховный Суд РФ вынужден изобретать формулировки, факти-

чески противоречащих теории уголовного права, и давать неоднозначную уголовно-правовую оценку деяний, которые законодатель де-факто признал непреступными. Вряд ли такое поведение высшей судебной инстанции добавляет авторитета судебной власти, даже несмотря на то, что все практикующие юристы понимают мотивы такого поведения.

Способ устранения обсуждаемой проблемы может быть только один. И он предполагает внесение изменений в ст. 228.1 УК РФ, о содержании которых автор говорил выше в данной статье.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 15.12.2003. – № 50. – Ст. 4848.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 8 (август).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 30 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 “О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами”» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 9 (сентябрь).

5. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. Т. 8, кн. 2 : Множественность преступлений. Стадии преступления. Кн. 2 : Стадии преступления / А. В. Наумов и др. ; под ред. Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 386 с.

Zinaida Aleksandrovna Neznamova,
Dr. Sci. (Law), Professor, Ural State Law University;
Vice-Rector for Academic Affairs, Liberal Arts University –
University for Humanities (Yekaterinburg)

Problems in Defining Offences Related to Illicit Trafficking in Drugs and Psychotropic Substances

Abstract. The criminal legislation governing liability for the illegal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances has undergone significant changes in the past few years. The practice of its application has also changed, including the position of the Supreme Court of the Russian Federation. The article attempts to analyze these changes in both legislation and judicial practice. The article proves that attempts to intensify the fight against drug crime and drug addiction by increasing criminal liability for crimes related to the circulation of narcotic drugs and psychotropic substances have led to the opposite results. Changes in the article of the Criminal Code of the Russian Federation did not toughen such responsibility. It resulted in its unjustified and incomprehensible modification, which testifies to a weakening of responsibility for such crimes. The author concludes that the attempts of the Supreme Court of the Russian Federation to eliminate the defects of the criminal legislation cannot be recognized as effective and productive, since in some cases, they contradict the foundations of the theory of criminal law.
Keywords: illegal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances; criminal liability; changes in the Criminal Code of the Russian Federation; positions of the Supreme Court of the Russian Federation; fight against drug crime

Комментарии к документам[*]

УДК 342.565.2:616.9(470.311)

В. В. Руденко[**]

К вопросу об ограничении прав человека актами субъектов Российской Федерации в период распространения новой коронавирусной инфекции: комментарий к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. № 49-П[1]

Аннотация. В статье проанализирована аргументация, использованная в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. № 49-П. Подчеркивается ситуативный характер решения. По мнению автора, данное Постановление восполнило дефицит легитимности решений органов государственной власти субъектов Российской Федерации, направленных на ограничение прав человека. Автор акцентирует внимание на том, что ценности жизни и здоровья, и соответственно права человека, связанные с этими ценностями, рассматриваются Конституционным Судом Российской Федерации в качестве одних из ключевых ориентиров российской правовой системы.

Ключевые слова: ограничение прав; права человека; Конституция Российской Федерации; Конституционный Суд Российской Федерации; коронавирус

Вопросы ограничения прав человека в период пандемии COVID-19 активно обсуждаются как обычными гражданами отдельных государств, так и мировым научным сообществом (см., например: [1; 2; 3]). Введенные в рамках экстраординарных правовых режимов меры не всегда отвечают условиям ограничения прав человека и испытывают дефицит легитимности. Ряд государств – участников Совета Европы ввиду сложностей по соблюдению условий Европейской конвенции по правам человека, с которыми они столкнулись в период пандемии, временно отступили от данной Конвенции[2]. Россия не пошла по пути указанных государств, вместе с тем вопрос о нелегитимном характере ограничений прав человека в период пандемии прочно вошел в повестку научных дискуссий [4; 5; 6]. В этом контексте Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области “О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области” в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области»[3] имеет особую актуальность.

---

[*] Продолжаем обсуждение Постановления Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П, начатое в предыдущем номере журнала.

[**] **Валентина Викторовна Руденко,** канд. юрид. наук, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург).

[1] Подготовлено при поддержке Гранта РФФИ «Оптимизация социально-экономических принципов регуляции современных обществ в контексте последствий коронавирусной пандемии» (20-04-60337, рук. академик РАН В. Н. Руденко).

[2] Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (ETS No. 5). Notifications under Article 15 of the Convention in the context of the COVID-19 pandemic. Full list as of 30 April 2021. – URL: https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/webContent/62111354 (дата обращения: 15.06.2021).

[3] URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012290002 (дата обращения: 04.07.2021).

© В. В. Руденко, 2021

Суд признал соответствующим Конституции Российской Федерации положение подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Московской области»[4], устанавливающего обязанность не покидать места проживания (пребывания), за исключением ряда случаев, что по сути ограничивает право на свободу передвижения, ограничение которого в принципе допустимо, так как оно не является абсолютным.

Проанализируем аргументацию, использованную Конституционном Судом Российской Федерации (далее – Суд) в комментируемом постановлении, исходя из условий ограничения прав, обозначенных в части 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации: наличие конституционно значимой цели, соблюдение требования пропорциональности и соразмерности ограничения, форма ограничения – федеральный закон[5].

Подтверждая наличие конституционно значимой цели, а именно защиты здоровья, прав и законных интересов других лиц, Суд апеллирует к вопросу соотношения публичных и частных интересов: «…введение тех или иных ограничений прав граждан, обусловленных распространением опасных – как для жизни и здоровья граждан, так и по своим социально-экономическим последствиям – эпидемических заболеваний, требует обеспечения конституционно приемлемого баланса между защитой жизни и здоровья граждан и правами и свободами конкретного гражданина в целях поддержания приемлемых условий жизнедеятельности общества…» Суд исходит из того, что «жизнь человека является высшей конституционной ценностью, без которой реализация гражданских, экономических, социальных и иных прав становится во многом бессмысленна…». Более того, «принятие… конституционно допустимых и вынужденных ограничительных мер прежде всего имеет направленность на самоорганизацию общества перед возникновением общей угрозы и тем самым является проявлением одной из форм социальной солидарности, основанной на взаимном доверии государства и общества…». Таким образом, взвешивая ценности жизни и здоровья граждан и право на передвижение конкретных лиц, Суд приходит к выводу о большей значимости первых и соответственно о наличии конституционно значимой цели ограничения права на свободу передвижения. При этом Суд подчеркивает, что ограничение прав и свобод гражданина допустимо «только в той мере, в какой это соответствует поставленным целям при соблюдении требований соразмерности и пропорциональности».

Аргументы Суда о наличии конституционно значимой цели ограничения права на свободу передвижения в период распространения новой коронавирусной инфекции весьма убедительны и не вызывают сомнений, однако соблюдение критерия соразмерности и пропорциональности не столь однозначно. Согласно статистическим данным, количество случаев заболевания новой коронавирусной инфекцией был гораздо ниже, чем, к примеру, в текущем месяце, но тогда органами государственной власти был использован механизм так называемого «локдауна», включающего обязанность граждан не покидать место жительства (пребывания): так, по состоянию на 20 апреля 2020 г., количество болеющих составило 5 016[6],

[4] URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5000202005190001 (дата обращения: 04.07.2021).

[5] URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001 (дата обращения: 04.07.2021).

[6] Коронавирус в Московской области 20 апреля 2020. – URL: https://covid.osnova.news/stat-ru/50/20200420/ (дата обращения: 04.07.2021).

прирост заболевших за день 578 человек, в то время как 4 июля 2021 г. – соответственно 55 676 (2 696) человек[7], но при этом на сегодняшний день ограничительные меры, связанные с обязанностью граждан не покидать место жительства (пребывания), не введены. Так или иначе, Суд не связывает критерий соразмерности и пропорциональности с численностью заболевших и приростом числа заболевших. Вопрос о том, соразмерно ли возникшим обстоятельствам введение запрета покидать место жительства (пребывания), остается «за скобками» анализируемого постановления.

Суд содержательно оценивает соразмерность самого ограничения права на свободу передвижения в сложившихся обстоятельствах, исходя из следующих критериев. Во-первых, были установлены исключения из общего правила о запрете покидать место своего проживания (пребывания). Более того, эти исключения «основаны на рациональном понимании объективных жизненных потребностей граждан и общества». Во-вторых, на федеральном уровне были предусмотрены необходимые условия для реализации запрета покидать место жительства (пребывания) (в частности, установлены нерабочие дни с сохранением заработной платы), «благодаря чему граждане на момент введения данных мер не находились в состоянии неразрешимой коллизии между необходимостью присутствия на рабочем месте и наличием ограничительных мер». В-третьих, «по мере изменения обстановки (в том числе обретения органами государственной власти большего понимания характера и условий распространения ранее неизвестного заболевания), а также оперативного создания новых управленческих инструментов, соответствующее регулирование претерпевало изменение», что «подтверждает временный экстраординарный характер введенной оспариваемым положением меры по защите прав граждан на жизнь и здоровье к территории конкретного субъекта Российской Федерации».

Наиболее острым поднимаемым в анализируемом постановлении вопросом является вопрос о форме нормативного правового акта, посредством которого ограничивается право на свободу передвижения, – ограничительные меры введены постановлением Губернатора Московской области. Конечно, ситуации, когда права человека ограничивались актами субъектов Российской Федерации, уже неоднократно возникали ранее и получили детальную оценку в научной литературе (см., например: [7]), но ситуация осложнилась отсутствием необходимого правового регулирования на федеральном уровне и обстоятельствами, наступление которых не было отражено в федеральном законодательстве.

Показательно, что в п. 2 анализируемого постановления Суд указывает, что «выбор правовых средств, направленных на защиту жизни и здоровья граждан в целях предотвращения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, относится, по общему правилу, к дискреции законодателя, который, осуществляя защиту прав и свобод человека и гражданина и устанавливая соответствующее правовое регулирование, обязан предусмотреть эффективные гарантии соблюдения иных прав и свобод граждан, адекватные целям сохранения жизни граждан и их здоровья». Далее в этом же пункте, говоря об ограничительных мерах, затрагивающих право на свободу передвижения, в качестве субъекта, устанавливающего ограничения, указан не законодатель, а «государство». Более того, в п. 4 Постановления Суд распространяет принципы ограничения прав человека, вытекающие из ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, на подзаконные нормативные акты.

В качестве аргументации по вопросу о допустимости ограничения права на свободу передвижения в условиях распространения новой коронавирусной инфекции постановлением губернатора Московской области Судом использованы

[7] Коронавирус COVID-19 в Московской области сегодня. – URL: https://covid.osnova.news/covid-in-russia/50/ (дата обращения: 04.07.2021).

два основным аргумента: 1) Губернатор Московской области действовал в пределах разграничения полномочий органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в рамках защиты прав человека и осуществления мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидацией их последствий, отнесенных Конституцией Российской Федерации к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации; 2) опережающий характер акта Губернатора Московской области при отсутствии необходимого регулирования на федеральном уровне обусловлен экстраординарностью ситуации, связанной с распространением новой коронавирусной инфекции.

Представляется, что использование данных двух аргументов одновременно не совсем логично. С одной стороны, анализируя положения Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», действовавших на момент введения в Московской области режима повышенной опасности, Суд приходит к выводу о том, что действия Губернатора Московской области отвечали тому разграничению полномочий органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, предусмотренному перечисленными законами. Регулирование, которое осуществлено федеральным законодателем в последующем, а именно в Федеральном законе от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций»[8], носит лишь конкретизирующий и расширяющий характер в части разграничения полномочий органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации (п. 3.2 Постановления). С другой стороны, раскрывая второй аргумент в п. 3.3 Постановления, Суд указывает, что «выбор средств, направленных на защиту жизни и здоровья граждан в ситуациях, связанных с распространением заболеваний, относится по общему правилу к дискреции законодателя, а если такие правовые средства имеет характер мер по ограничению иных прав, то применительно к российской правовой системе – к дискреции федерального законодателя» и органы государственной власти субъектов Российской Федерации были вынуждены действовать в отсутствие «правового регулирования, адекватного по своему содержанию и предусмотренным мерам чрезвычайной ситуации, угрожающей жизни и здоровья граждан».

Вместе с тем выбор органами государственной власти субъектов Российской Федерации в условиях распространения новой коронавирусной инфекции среди множества других режимов, предусмотренных действовавшим законодательством (пандемия, карантин, чрезвычайная ситуация и др.), далеко не очевиден. И тем более не очевидны основания включения в режим повышенной опасности, введенного на уровне субъекта Российской Федерации, мер, предусматривающих ограничения прав человека. Недостаточность и пробельность правового регулирования по данным вопросам была устранена частично с принятием Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» и Указа Президента Российской Федерации от

[8] URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004010072 (дата обращения: 05.07.2021).

2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»[9]. Обозначенным законом были внесены изменения в Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»: понятие чрезвычайной ситуации дополнено случаями распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих; органам государственной власти предоставлено право устанавливать обязательные для исполнения правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации. Обозначенный выше Указ Президента Российской Федерации возлагает на высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) обязанность, исходя из санитарно-эпидемиологической обстановки и особенностей распространения коронавирусной инфекции в субъекте Российской Федерации, обеспечить разработку и реализацию комплекса ограничительных мер и иных мероприятий, в том числе установить особый порядок передвижения на существующей территории лиц и транспортных средств.

Еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание в комментируемом постановлении, – это моделирование Судом ситуации, в которой бы органы государственной власти субъектов Российской Федерации бездействовали в отсутствие необходимого правового регулирования. По мнению Суда, «отсутствие правового регулирования… не может быть оправданием для бездействия органов публичной власти по предотвращению и сокращению случаев наступления смертей и тяжелых заболеваний. Подобное бездействие означало бы устранение государства от исполнения его важнейшей конституционной обязанности, состоящей в признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина, и, по сути, приводило бы к игнорированию в силу сугубо формальной интерпретации конституционного принципа верховенства закона». Далее Суд взвешивает ценности защиты жизни и здоровья и ценности сохранения обычного правового режима реализации иных прав и свобод, делая вывод о превалировании первых. Действительно, действия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в экстраординарной ситуации, сложившейся в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, заслуживают высокой положительной оценки, но сложившаяся ситуация порождает несколько серьезных вопросов. По сути, в данной ситуации речь идет о бездействии федерального законодателя. Бездействие федерального законодателя в экстраординарных условиях представляется весьма опасным явлением. Подобного рода бездействие может свидетельствовать о серьезных конституционных проблемах [8, с. 522]. По справедливому замечанию Д. Бейли, интерпретации, основанные на законодательном бездействии, могут быть глубоко ошибочны, но в то же время следует учитывать, что бездействие формирует часть контекста, в котором принимается конкретное решение [9, с. 251]. Расширение полномочий субъектов Российской Федерации, произошедшее в результате бездействия федерального законодателя, следует рассматривать не как тенденцию к децентрализации, а как «перекладывание» решения актуальных вопросов на субъекты Российской Федерации в экстраординарной ситуации, вызванной распространением новой коронавирусной инфекции.

Постановка Судом вопроса о балансе ценностей жизни и здоровья и ценности сохранения «обычного правового режима реализации иных прав и свобод» поднимает на поверхность, как представляется, ключевой вопрос о трансформации роли прав человека в правовых системах современных государств под воздей-

[9] Российская газета. – 2020. – 3 апр.

ствием вызова современности – пандемии COVID-19. По сути, Суд констатирует, что обычных механизмов реализации прав человека в условиях экстраординарной ситуации, вызванной распространением новой коронавирусной инфекции, оказалось недостаточно, но других механизмов действующим законодательством предусмотрено не было.

В комментируемом постановлении можно найти как негативные, так и позитивные моменты. Нельзя не отметить ситуативный характер решения. Данное Постановление, по сути, восполнило дефицит легитимности решений региональных властей. Обнадеживает то, что ценности жизни и здоровья, а значит, и права человека, связанные с этими ценностями, рассматриваются Судом в качестве одних из ключевых ориентиров российской правовой системы. Для научного сообщества комментируемое постановление отражает векторы дальнейших исследований в области прав человека. Пандемия COVID-19 стала серьезным испытанием для концепта прав человека, она обострила вопрос о месте прав человека как ценности в правовых системах современных государств, в том числе и в России. Нарушение порядка ограничения прав человека может, с одной стороны, свидетельствовать об обесценивании прав человека, но, с другой стороны, права человека могут рассматриваться как средство для выявления слабостей правовой системы и ориентиром для их исправления [2].

Литература

1. Omerdić D. Legal Aspects of the Restriction of Human Rights and Freedoms during the Covid-19 Crisis // Atlantic Initiative. – 2020. – No. 2. – P. 2–6.

2. Sauders J. Covid-19 and Key Human Rights Principles in Practice: State Obligations and Business' Responsibilities in Responding to the Pandemic : Oxfam Discussion Paper // Oxfam Policy & Practice. – 2020. – 07 Aug. – URL: https://policy-practice.oxfam.org/ resources/covid-19-and-key-human-rights-principles-in-practice-state-obligations-and-busi-621037/ (дата обращения: 15.06.2021).

3. Lyons A., Davis M., Kjaerum M. COVID-19 and Human Rights. – Taylor and Francis, 2021. – 348 p.

4. Дорошенко Е. Н. Конституционно-правовые основы ограничения прав человека в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 12. – С. 48–56. – DOI 10.17803/1994-1471.2020.121. 12.048-056.

5. Васяев А. А. Ограничение прав человека в России в период пандемии вируса COVID-19 // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 7. – С. 156–161.

6. Попов М., Самыгин П. С., Самыгин С. И. К дискуссии об ограничении прав и свобод человека в условиях пандемии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 4. – С. 143–147. – DOI 10.23672/SAE.2020.2020.61568.

7. Черепанов В. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина законами субъектов Российской Федерации: проблемные вопросы и поиск решений // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 12. – С. 46–52.

8. Tribe L. Toward a Syntax of the Unsaid: Construing the Sounds of Congressional and Constitutional Silence // Indiana Law Journal. – 1982. – Vol. 57, No. 4. – P. 515–534.

9. Bailey D. Interpreting Parliamentary Inaction // The Cambridge Law Journal. – 2020. – No. 79. – P. 245–259. – DOI 10.1017/S0008197320000276.

Valentina Viktorovna Rudenko,
Cand. Sci. (Law), Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg)

On the Issue of Human Rights Restrictions by Acts of the Constituent Entities of the Russian Federation during the Spread of a New Coronavirus Infection: Comment to the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25 December 2020 No. 49-P

Abstract. The article analyzes the argumentation used in the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25 December 25, 2020 No. 49-P. It emphasizes the situational nature of this document. In the author's opinion, this Resolution made up for the lack of legitimacy of decisions of the state authorities of the constituent entities of the Russian Federation aimed at human rights restrictions. The author focuses on the fact that the values of life and health, and, accordingly, human rights associated with these values, are considered by the Constitutional Court of the Russian Federation as one of the core benchmarks of the Russian legal system.
Keywords: restriction of rights; human rights; the Constitution of the Russian Federation; the Constitutional Court of the Russian Federation; COVID-19
Acknowledgements: the reported study was funded by RFBR, project number 20-04-60337.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)14

Н. Ю. Игнатова*

Спекулятивная философия глазами аналитических философов

Аннотация. Принято считать, что существует глубокая пропасть между континентальной и англоязычной философией, во всяком случае ранние философы-аналитики заявляли о полном отказе от спекулятивного метода, безусловно, связывая его использование с неспособностью континентальных философов решать имеющиеся у человечества проблемы. Автор утверждает, что эта позиция устарела, и сегодня для англоязычной философии характерен значительный интерес к возможностям применения умозрения для решения, в том числе, проблем этики, эпистемологии и философии науки. Цель статьи – показать особенности спекулятивной философии с точки зрения аналитической школы. Автор рассматривает эту проблему как с историко-философской, так и методологической точки зрения, выбрав для анализа исключительно наиболее влиятельные работы аналитических философов за последние 100 лет. Делается вывод, что невозможно свести особенности спекулятивной философии к единственному эпистемологическому критерию или методу – синтезу (синопсису). Автор соглашается с выводом С. Кричли и Л. Бравера, что выбор философом аналитического или спекулятивного метода предопределен влиянием контекста и принадлежностью к той или иной традиции.

Ключевые слова: спекулятивная философия; континентальная философия; аналитическая философия; синопсис; синтез; умозрение

Попытки преодолеть «бесполезное для практических занятий» умозрение предпринимаются последние триста лет. В XX в. было принято считать, что философское воображение – ограниченный и практически исчерпанный ресурс. Научная революция XVII в. зачастую интерпретируется как отрицание античной космологии и средневековой схоластики. Это суждение представляет собой анахронизм. Современная наука использует спекулятивные принципы и идеи, чтобы развить понимание неопределенности сбора доказательств и эмпирических знаний, и нам уже приходилось писать об этом [4].

Демонстративный отказ от спекулятивной философии, как по существу бессмысленной, стал началом обретения идентичности аналитической философией, поскольку в ней не может быть места для религиозных убеждений или универсальных этических высказываний. Вслед за Дж. Муром и Б. Расселом англоязычные философы вплоть до начала XXI в. подчеркивали принципиальные недостатки «философии в кресле», безусловно, связывая крах континентальной философии с ограниченностью спекулятивного метода. Однако в настоящее время в аналитической философии растет интерес к возможностям применения спекулятивного рассуждения в онтологии (метаонтология), этике (метаэтика), эпистемологии (метаэпистемология) и т. п.

Попытаемся разобраться в том, как воспринимали особенности спекулятивной философии англоязычные философы, используя для этого работы У. Блаттнера, Л. Бравера, К. Брода, Дж. Брэдли, Д. Верина, С. Глендиннинга, С. Кричли и К. Прадо.

Разговор о спекулятивной философии предполагает ответы на два вопроса: как возможна спекулятивная философия и каков ее метод. Первый вопрос очень широк, и его решение невозможно без обращения к истории философии. Считается, что субъективная природа спекуляции лежит вне возможностей человеческого

* **Нина Юрьевна Игнатова,** д-р филос. наук, доцент, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, НТИ (филиал) (г. Нижний Тагил).

E-mail: nina1316@yandex.ru

© Н. Ю. Игнатова, 2021

знания, и что невозможно определить истинность спекулятивных утверждений, а спекулятивные пропозиции не являются когнитивными. Второй вопрос является предметом бурных дискуссий между двумя ветвями философии – континентальной и аналитической. Существует миф о тождестве спекулятивного мышления и континентальной философии, а сама континентальная философия рассматривается как нечто противоречащее аналитической философии из-за приверженности последней научному реализму. Это заблуждение, поскольку термин «спекулятивный» использовался немецкими философами в XIX в. задолго до того, как Дж. Мур сформулировал новый стиль философствования.

Попытаемся ответить на вопрос, как возможна спекулятивная философия, и для этого обратимся к истории философии. Термин «спекулятивный» происходит от латинских слов *specere*, *specto*, *speculum* и означает «созерцание», «рефлексия». Философский источник понимания спекулятивного как созерцания можно найти в классической античной философии: слово *θεωρία* (созерцание) этимологически связано с латинским словом *speculatio*, имеющим широкий спектр ассоциаций. В определенных системах спекулятивной философии, особенно в немецком идеализме, фигурирует рефлексирующее сознание. В рамках западной философской традиции «спекулятивный» или «умозрительный» ассоциируется с метафизикой, *πρώτη φιλοσοφία*, теологией, космологией, теорией Абсолюта и теоретическими знаниями.

Спекулятивная философия понимается как систематический и всеобъемлющий анализ Вселенной и человеческого существования – в любом случае, это не поддающееся эмпирической проверке размышление о реальности. Можно утверждать, что вся философия в некотором смысле является спекулятивной, поскольку она имеет дело с универсальными идеями. Иногда при этом эмпирическая достоверность рассматривается как имеющая второстепенное значение или не имеющая значения вообще. В широком смысле термин «спекулятивный» обозначает метафизические концепции и подходы, которые пытаются осмыслить существование, сознание и свободу воли как таковые. В узком смысле термин «спекулятивная философия» означает неэмпирическое теоретизирование.

Вообще говоря, спекулятивной философии очень редко дают однозначное определение. Спекулятивная философия, с одной стороны, – чрезвычайно расплывчатый термин, который может обозначать практически любую философскую ориентацию; с другой стороны, – это строго определенный термин. Иногда этот термин служит для обозначения идей конкретных философов, в других случаях он отсылает к историческим периодам, например античной космологии, или отождествляется с определенными типами интеллектуальной истории, подобно универсальным теориям цивилизации (Р. Коллингвуд, А. Тойнби). Кант использует его в сфере трансцендентных идей, развивая концепцию чистой спекулятивной причины, Гегель с помощью этого термина подчеркивает объединяющую силу разума. А. Уайтхед определяет спекулятивную философию как «метод, порождающий значимое знание», как попытку «создать связную логичную и необходимую систему общих идей, в терминах которых можно было бы интерпретировать каждый элемент нашего опыта» [8, с. 271]. По его мнению, «идеал спекулятивной философии имеет как рациональную, так и эмпирическую сторону» [8, с. 272]. Индукция без свободного воображения, контролируемого требованиями связности и логичности, не способна создать метафизику. Препятствием на пути использования описательной генерализации при формулировании метафизических первоначал служат «слабость интуиции и недостатки языка» [8, с. 274, 282].

Спекулятивная ориентация имеет свой источник в убеждении, что философствование является уникальным мероприятием, не похожим на науку или религию. Существенным моментом для самоидентификации спекулятивной филосо-

фии выступает интуиция целого, всеобщего, не приводимого ни к чему и не выводимого из чего-либо. Спекулятивная философия ассоциируется с замкнутыми на себя системами мышления. Понимаемая как мысль в ее самой чистой и наиболее свободной форме, спекулятивная философия развивает свое содержание полностью из себя, в отличие от физических и социальных наук, которые рассматривают свой предмет как нечто данное и предопределенное. Субъективная природа знания предполагают содержание, которое спекулятивный философ пытается эксплицировать, что не может быть подорвано никакой контекстуализацией. Вместе с тем, спекулятивные философы не терпят абстрактный формализм в попытках выстроить взаимосвязи между мыслью и бытием с точки зрения конкретной индивидуальности. Ярким примером такого подхода является работа Гегеля «Кто мыслит абстрактно?» [1].

Спекулятивная мысль развивается на протяжении тысяч лет от «Филеба» Платона, «Метафизики» Аристотеля к «Новой Науке» Дж. Вико и трем «Критикам» Канта и исторически связана с трудами Плотина, Прокла, Фомы Аквинского, Канта, Гегеля, Гуссерля и Хайдеггера. Легко установить, что эти мыслители используют общие аргументы и схожие методы. Несмотря на то что схоласты зачастую рассматривали философию как пропилеи к теологии, Фома Аквинский обозначил спекулятивное знание *par excellence*, как то, которое Бог имеет о самом себе. Использование Декартом в «Размышлениях о первой философии» онтологического аргумента для укрепления связи между мыслящей и протяженной субстанциями, чтобы, в конечном итоге, преодолеть универсальный скептицизм, – известный пример спекуляции. Ранее в «Размышлении о методе» Декарт ввел условие достоверности полученного знания в виде метода: интуиция, дедукция, энумерация. Следовательно, значение спекулятивной философии в ее методизме (Р. Чизолм), в том, что это способ медитации и систематической работы над мысленно развиваемым содержанием. Развитие содержания может пониматься поразному: эволюционно или исторически (Гегель), или как метод концептуальной диалектической артикуляции (Платон). После Платона целью спекулятивного мышления становится объединение философии и теологии. Асферетическая абстракция востребована мистическими провидцами (Дионисий Ареопагит), который в работах «О мистическом богословии» и «О божественных именах» применял негативную теологию, используя отрицательную или положительную предикацию.

Умозрительная философия претендует на то, чтобы быть единством различающегося субъективного и объективного. Выраженное исключительно в пропозициональной форме, само по себе это единство представляет собой абстрактное различие. В настоящее время пропозициональная установка преобладает преимущественно среди неспекулятивной части современной философии. По мнению немецких идеалистов, в дедуктивных рассуждениях специфика спекулятивной философии полностью не раскрывается. Немецкие идеалисты определяли «спекулятивное» как максимально желаемый результат философского исследования. Гегель замечает в «Энциклопедии философских наук» (пункт 82): «Об этом обычном употреблении слова “спекуляция” следует сказать то же самое, что мы сказали выше об употреблении слова “идея”; к этому мы должны еще прибавить, что часто люди, считающие себя достаточно образованными, также говорят о спекуляции лишь в определенном смысле – в смысле только субъективного. Чисто спекулятивное понимание природных или духовных состоянии и отношений, говорят эти люди, может быть, правда, прекрасным и правильным, но опыт не согласуется через себя и самим собой и, следовательно, вместе с тем истинно непосредственным» [3, с. 209]. Гегелевский смысл понятия «спекулятивный» подразумевает способ мышления, который не довольствуется определением субъекта извне пу-

тем прибавления к нему фиксированного предиката, но, напротив, позволяет субъекту и предикату меняться ролями, так что предикат может стать субъектом, и субъект может стать предикатом. Таким образом, в спекулятивных суждениях сначала определяется субъект, а затем значение уточняется и переносится в предикат. В конечном итоге, вновь происходит возвращение к субъекту для окончательного определения его значения. Процесс завершается в Абсолютной Идее [2].

Путь обоснованной спекуляции очень сложен, традиционно применяются тетическое, антитетическое или синтетическое полагание. Для Гегеля именно некоторая форма полагания выступает обязательным моментом спекулятивного рассуждения, делает возможным опыт, приводит к бытию и существованию, движет диалектическим ходом реальности. Вместе с тем он указывает на опасность желания избавить себя от проблем обоснования собственных размышлений, что понуждает некоторых философов быть безразличными ко всякому полаганию. Подобные деятели стремятся переместить читателя с помощью абстракции, логического вывода и дефиниций вовне времени и пространства, за пределы утверждения и отрицания, что открывает возможность для обвинения спекулятивной философии в мистицизме или утопичности. Именно поэтому Гегель критикует шеллингианскую работу «Изложение моей системы философии» [9] за выбранный подход

Иногда аналитическими философами утверждается имплицитная связь спекулятивной философии и идеализма. Однако со времен Канта и его предисловия ко второму изданию «Критики чистого разума» в спекулятивной философии обнаруживается сильная реалистическая традиция. Продолжением этой реалистической традиции имеет смысл считать современный спекулятивный реализм Г. Хармана и К. Мейяссу. Поэтому было бы неверно классифицировать спекулятивную философию как принципиально идеалистическую. Уже Кант переопределил проблему достоверности внутреннего опыта следующим образом: «Простое, но эмпирически определенное сознание моего собственного существования служит доказательством существования предметов в пространстве вне меня» [5, с. 36–37]. Дж. Мур пытается обойти «проблематический идеализм» Декарта, который сводится фактически к утверждению незыблемой достоверности для субъекта только акта его мышления, или *cogito* [6, с. 247–265]. После Дж. Мура философы-аналитики сосредоточились на учении о внешних отношениях, которое, так или иначе, вытекает из проблемы зависимости внутреннего опыта от опыта внешнего [11]. Иметь ощущение или осознавать что-либо, если использовать язык Мура, – значит находиться вне самореференциального круга собственных идей и ощущений.

В связи с выявленными особенностями спекулятивной философии особого внимания заслуживают ее отношения с наукой. Спекулятивная философия и наука кажутся врагами, но это такой же миф, как и непримиримость континентальной и аналитической философии. Попытки уйти от редукционизма научного реализма можно обнаружить в работе Т. Нагеля «Разум и космос» [18], но их многие аналитические философы считают антинаучными и одиозно спекулятивными. Можно сказать, что термин «спекулятивный» в этом контексте означает добровольные дискурсивные ограничения научного реализма. С другой стороны, трудно представить астрофизику, космологию или эволюционную биологию вне спекулятивной ориентации высказываемых ими положений. Фундаментальные науки часто выдвигают всеобъемлющие теории, которые не вписываются в рамки каких-либо конкретных утверждений о существовании. Когда это происходит, наука рискует выйти за пределы добровольно установленных границ научности. Возможно, в этом случае ученые скажут, что аргумент сместился в другую, ненауч-

ную сферу дискурса. Философы же увидят в подобных теориях сильное влияние спекулятивной мысли.

Для ответа на вопрос, каков метод спекулятивной философии, мы обратились к дискуссии, развернувшейся на философских форумах «Daily Nous», «The Philosophers' Cocoon». Прежде всего, подчеркивают участники дискуссии, различие между аналитическими и спекулятивными философами кажется странным, потому что оно опирается на недостаточно проясненные критерии. Некоторые современные англоязычные философы однозначно называют это различие социологическим или институциональным (Л. Бравер, С. Кричли). Принято считать, что аналитическая философия связана с анализом мысли, языка, логики, знаний, разума и т. д., тогда как спекулятивная философия использует свойственный спекулятивным построениям синтез – синтез современности с историей, индивидов с обществом и спекуляций с применением результатов размышлений на практике. Последним из великих классических философов, применявший синтез в духе Платона и Аристотеля, был Гегель. Его преемники либо искажали смысл гегелевского синтеза, что вполне понятно, учитывая его особую терминологию и стиль письма, либо имели личные планы, которые побуждали их демонстрировать полный разрыв с Гегелем: редуцирующий «пророческий» замысел Маркса, «абсурдизм» Кьеркегора, антирационализм Хайдеггера, мессианский сциентизм позитивистов.

Часто цитируемое, но неверное отождествление спекулятивной традиции с континентальной философией во многом навеяно «Историей западной философии» Б. Рассела, где утверждается, что англоязычная философия применяет индукцию, в то время как континентальная школа возводит огромное здание дедукции [7]. Очевидно, что эта схема надумана, и Гегель или Шеллинг стали бы отрицать построения Рассела, поскольку для них индукция не может быть отделена от дедукции, и наоборот.

Английский философ середины XX в. К. Брод в статье «Некоторые методы спекулятивной философии» обратил внимание, что спекулятивная мысль более строга к точности высказываний, чем эмпирическая наука [15]. Она поддерживает концептуальную строгость, но сопротивляется логическим перегибам или аксиоматическим требованиям системы высказываний. Это своеобразный парадокс догматического скептицизма и *квази*кантовского, *квази*гегелевского языка. Спекулятивная мысль содержит в себе полярность, разобщенность и противостояние. Как спонтанный образ, спекулятивная мысль – начало и источник всего человеческого творчества. Как рациональная система, она является кульминацией человеческого труда и практических усилий. Спекулятивная метафизика отвечает двум когда-либо существующим потребностям человеческого состояния: необходимости постичь целое и понять противоречия и парадоксы, уловив их динамическую взаимосвязь внутри целого. Спекулятивное мышление реагирует на стремление сознания быть сторонним наблюдателем мира и, одновременно, его судьей. Для некоторых спекулятивных мыслителей это стремление заканчивается опасной идеологией и разрушительными последствиями.

Спекулятивную философию упрекают в отсутствии интереса к логике и языку, однако трудно представить логику без Аристотеля или Гегеля, а философию языка без Хайдеггера. Гегель, безусловно, свободно использовал инструменты логики, хотя можно сомневаться в ценности его логических нововведений. То, что философы-аналитики сегодня подразумевают под «логикой», – это символическая математическая логика. Такая логика появилась только в конце XIX – начале XX в. До Г. Фреге логикой называли теории грамматической и логической структуры суждения и ее составляющих (терминов) и значений (выводов).

К. Брод обратил внимание на различие структуры философского исследования в критической (аналитической) и спекулятивной философии соответственно. Отстаивая значимость анализа предпосылок и критики фундаментальных убеждений, Брод отыскивал место для философской спекуляции в эпоху продолжающегося доминирования позитивизма и сциентизма. По его мнению, спекулятивная философия предполагает методы «синопсиса» и синтеза, которые следует отличать от философского анализа. Синопсис – это «преднамеренное рассмотрение аспектов человеческого опыта, которые обычно рассматриваются отдельно, и стремление увидеть, как они взаимосвязаны» [16, с. 4]. Брод обозначает те проблемы, которые способна рассматривать философия, причем только синоптически: восприятия, «разум – тело», паранормальных явлений и свободы воли [16, с. 5–7]. Исследуя изменение понятий от конкретного факта до общего принципа у Аристотеля, К. Брод отмечает, что спекулятивный философ уделяет большое внимание маргинальным и патологическим случаям в пределах нормальных и знакомых областей явлений. Высокая положительная корреляция друг с другом нескольких характеристик объекта для спекулятивного философа означает внимание к тем случаям, когда эта корреляция не наблюдается. Этот вывод Брода подтверждает суждение, что исторически именно спекулятивная философия породила сильные требования к научности. Обобщение (генерализация) и конструирование некой иерархии понятий, согласно Броду, осуществляются философами двумя противоположными способами – редукцией и сублимацией: «Редуктивный тип обобщения означает, что признаки, которые характерны для более высоких уровней, анализируются без остатка в тех, которые принадлежат более низким уровням» [16, с. 12–13]. Брод делает вывод, что мышление Аристотеля и Гегеля имеет смысл определить как телеологическое и синоптическое, т. е. спекулятивное. Поскольку «сублимационный тип обобщения означает, что особенности, которые кажутся характерными для более высоких уровней, действительно присутствуют в скрытой, упрощенной или вырожденной форме на более низких уровнях» [16, с. 14], то мышление Мура и Карнапа необходимо считать не синоптическим, а аналитическим.

Современный американский философ Дональд Верин, тщательно разбирая философию истории Р. Коллингвуда, безоговорочно защищает спекулятивную философию в контексте вопроса о важности и значении критического анализа. Применяемые в философских текстах аргументы – это, безусловно, показатель профессионализма философа, но они становятся «варварскими» (термин Дж. Вико) и испорченными, когда вытесняют любовь к мудрости. Для Д. Верина философия по форме представляет собой нарратив, а не набор аргументов. Этот нарратив имеет корни в античной философии, отсюда роль философии заключается в том, чтобы рассматривать вопросы о лучшей жизни и добродетели. Эти вопросы требуют спекулятивного метода, и на них лучше всего отвечать с помощью диалога и риторики, а не подбором аргументов. Практикуемая философами-аналитиками критическая аргументация препятствует удовлетворительному изучению способов лучшей жизни, поскольку «ключом к философскому мышлению является вопрос, а не аргумент» [19, с. 16–18].

Американский исследователь Гегеля Л. Бравер в книге «Вещи этого мира: история континентального антиреализма» указал на исторические обстоятельства отказа аналитиков от спекулятивной идеи [14]: особое отношение к истории и вовлеченность в традицию. Любой философ исходит из контекста, в значительной степени определяемого важными фигурами, базовыми тезисами и проблемами. В совокупности контекст образует молчаливый, само собой разумеющийся фон философских дискуссий, при этом другие участники дискуссии, принадлежащие к той же школе, сразу же понимают, о чем идет речь. Кажется, что тексты изобилу-

ют профессиональным жаргоном и намеками, как правило, намеренно неясными для непосвященных. Вот почему один из традиционных отличительных признаков аналитической философии, ясность рассуждений, – это исторически нагруженный термин. Ссылки на «гавагаи» или «короля Франции», «утреннюю и вечернюю звезду» знакомы посвященным, в то время как намеки на сломанные молотки или отношения господина и раба не будут иметь значения. По мнению Л. Бравера, причина раскола заключается, во-первых, в том, что некоторые из ключевых фигур ранней аналитической философии (Б. Рассел, Г. Фреге) остро реагировали на идеализм Гегеля. Во-вторых, моральный и политический оттенок философским дебатам придало использование Хайдеггером «собственной речи» (eigentliche Sprache) для поддержки национал-социализма и его отказ от научной логики. Вопреки распространенному мнению, считает Л. Бравер, примерно в то же время, когда возникла аналитическая философия, спекулятивная философия трансформировалась; следовательно, она никуда не исчезала. Ранние философы-аналитики, как и спекулятивные философы, заявляли о схожих мотивах своих действий, которые сделали философию «разделенным домом». И Гегель, и Гуссерль хотели сделать философию научной (*«wissenschaftlich»*), но в этот термин они вкладывали разный смысл. Гуссерль искал ясности и точности высказываний, поэтому связал искомую ясность со строгим описанием феноменального опыта, в то время как Г. Фреге обратился к логическому анализу понятий. Если для Гуссерля спекуляция в виде феноменологической редукции позволит достичь фундаментального уровня знаний, то, по мнению Г. Райла, призыв к феноменальному опыту служит источником субъективности и мистицизма и противоречит идеалам логической объективности и ясности.

Великое новшество Г. Фреге заключалось в изменении логического анализа суждений («S есть P») на форму, смоделированную в виде математической функции («S (x) или P (x)»). Это изменило способ логики и, в частности, сделало универсальные и экзистенциальные характеристики объектов намного более четкими. Изменяющее языковые игры новшество Фреге поразило Б. Рассела своей эпохальностью. Запись философских утверждений в виде математических функций неожиданно выявила ошибки, не видимые поколениям философов. Рассел понял, что на этом пути философия может добиться решительного прогресса. Он высокомерно отказался от изучения истории философии, апеллируя к истории науки (в частности, химии).

Работы С. Глендиннинга, С. Кричли и К. Прадо построены как попытка сравнить взгляды пары философов, одного из аналитической школы, другого из континентальной школы: Гуссерля и Фреге, Хайдеггера и Куайна, Бергсона и Рассела и т. п. С. Глендиннинг видит специфику спекулятивного метода в использовании метафоры и концептуального удивления [17, с. 63–65]. С. Кричли утверждает, что спекулятивные философы ищут мудрость, а не знание [16, с. 11]. К. Прадо указывает, что спекулятивная философия не позволяет науке реализовать свое призвание и великие цели Просвещения [10, с. 9–10].

Достоинства работ Дж. Брэдли определяются, прежде всего, его анализом исторических трансформаций спекулятивной философии за последние сто лет [13]. Брэдли ищет различие между спекулятивной и неспекулятивной философией. Для этого он использует представление о слабой и сильной позиции в понимании бытия как существования. Различие между сильной и слабой позициями в онтологии существования заключено в понимании природы вещей, а спор между ними лежит в самом сердце философии. Спекулятивная философия защищает сильную позицию в представлениях о существовании, в то время как аналитическая философия отстаивает слабую позицию. Слабая позиция опирается на описательные количественные и качественные суждения типа «для некоторого x, где x – это

лошадь». Следовательно, современная эпистемология и философия языка могут называться метафизикой, но при этом не могут называться спекулятивной философией. Спекулятивная философия интересуется существованием как таковым, поэтому сосредоточена на вопросах, почему что-либо вообще существует или не существует.

По общему признанию философов-аналитиков, о проблеме существования можно или должно быть сказано немного. Слабая позиция следует за Д. Юмом, трактуя существование как то, что не может быть получено или эксплицировано. Она базируется на подходе Канта, сделавшего существование модальностью эмпирического суждения. Кант придерживается точки зрения, что существующее не реально, но не детерминировано предикатами: утверждения о существовании ничего не поддерживают в содержании понятия, но просто обозначают объект, корреспондирующий с понятием.

У. Блаттнер, описывая современное состояние спекулятивной философии, указывает, что точно определить ее границы очень трудно [12]. В настоящее время в США со спекулятивной философией ассоциируются католические университеты (Бостонский университет, университет Вилланова, Джорджтаунский университет), тогда как протестантские университеты считаются проводниками аналитической философии. Гарвард и Принстон обращаются к риторике сциентизма и отождествляют образованность с математикой и естественными науками. По их мнению, философы разных школ страдают чрезмерным упрощением взглядов друг друга. Так, спекулятивную философию упрекают в «мрачности», таинственности, мистицизме, «антинаучности», схожести с поэзией, отсутствии логичности и непрофессиональном использовании аргументов. Т. Уильямсон в запальчивости заявляет, что спекулятивная философия – это «неясное словоблудие, граничащее с напыщенной чепухой» [20].

Если ясность и точность аргументов означают систематизацию аргументов в форме, которая может быть проанализирована с помощью стандартной символической логики, то спекулятивные философы, как правило, этого не делают. Однако многие неспекулятивные философы или философы-аналитики тоже этого не делают. Очень трудно определить то, что считается ясностью и точностью аргументации. Можно согласиться с Блаттнером, что ясность и точность аргументов соотносятся с

1) определением соответствующих понятий при введении их в текст;
2) письменным текстом на языке, который понятен образованному человеку;
3) четким определением посылок и допущений;
4) анализом последствий применения выбранной аргументации.

Имеет смысл отметить, что Блаттнер фактически назвал стилистические особенности не спекулятивной философии, как таковой, а хорошей философии.

Апофатическое определение спекулятивной философии, которое пытаются сформулировать философы-аналитики, не порождает уверенности в обоснованности применяемых этими авторами критериев, что, впрочем, признают они сами [12; 13]. Позитивное определение спекулятивной философии как самостоятельной ветви мировой философии как таковой не в состоянии преодолеть фатальный недостаток общности разнообразных взглядов.

Проведенный нами анализ работ некоторых англоязычных авторов показывает, что спекулятивная философия – одно из наиболее спорных понятий в философии. Очевидно, что поспешные выводы, необоснованные генерализации и навешивание ярлыков не объединят «расколотый дом» философии. Ее претензии на полноту и абсолютность порождают последователей, но при этом уязвляют противников, приводят к массовым изменениям культурных ценностей и концептуальных позиций. Значение спекулятивной философии в интеллектуальной исто-

рии человечества таково, что немногие другие школы или традиции в философии в состоянии превзойти.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Кто мыслит абстрактно? // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет : в 2 т. Т. 1 / сост., общ. ред. и вступ. статья А. В. Гулыги. – М. : Мысль, 1970. – С. 387–394.
2. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. – М. : Наука, 2000. – 495 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1 : Наука логики. – М. : Мысль, 1974. – 451 с.
4. Игнатова Н. Ю. Метафизические компоненты научных картин мира // Вестник Гуманитарного университета. – 2021. – № 2. – С. 74–80.
5. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 3. – М. : Чоро, 1994. – 740 с.
6. Мур Дж. Опровержение идеализма / пер. И. В. Борисовой // Историко-философский ежегодник. – М. : Наука, 1987. – С. 242–265.
7. Рассел Б. История западной философии : в 3 кн. : 3-е изд., испр. / подгот. текста В. В. Целищева. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во : Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. – 992 с.
8. Уайтхед А. Процесс и реальность // Избранные работы по философии. – М. : Прогресс, 1990. – С. 272–304.
9. Шеллинг Ф. Изложение моей системы философии / пер. с нем. А. А. Иваненко. – СПб. : Наука, 2014. – 263 с.
10. A House Divided: Comparing Analytic and Continental Philosophy / ed. by C. G. Prado. – Amherst : Humanity Books, 2003. – 329 p
11. Austin M. The Inner Life of Objects: Immanent Realism and Speculative Philosophy // Analecta Hermeneutica. – 2011. – Vol. 3. – P. 1–12.
12. Blattner W. Some Thoughts About «Continental» and «Analytic» Philosophy // Georgetown University. – URL: http://faculty.georgetown.edu/blattnew/contanalytic.html#8call (дата обращения: 15.04.2021).
13. Bradley J. Transformations in Speculative Philosophy // The Cambridge History of Philosophy 1870–1945 / ed. by Th. Baldwin. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – P. 438–448.
14. Braver L. A Thing of this World: A History of Continental Anti-Realism. – Northwestern University Press, 2007. 616 p. DOI:10.2307/j.ctv47w24v
15. Broad C. Address: Some Methods of Speculative Philosophy // Proceedings of the Aristotelian Society. – 1947. – Supplementary Volumes. – Vol. 21 : Explanation in History and Philosophy. – P. 1–32.
16. Critchley S. Continental Philosophy: A Very Short Introduction. – Oxford University Press, 2001. – 168 p.
17. Glendinning S. The Idea of Continental Philosophy. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2007. – 160 p.
18. Nagel T. Mind and Cosmos. Why the Materialist Neo-Darwinian Conception of Nature is Almost Certainly False. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – 140 p.
19. Verene D. Speculative Philosophy. – Lanham : Lexington Books, 2009. – 190 p.
20. Williamson T. Classical Investigation : interview with R. Marshall // 3:AM Magazine. 25.04.2009. – URL: http://www.3ammagazine.com/3am/classical-investigations-timothy-williamson/ (дата обращения: 15.04.2021).

Nina Yurievna Ignatova,
Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Ural Federal University
named after B. N. Yeltsin, NTI (branch) (Nizhny Tagil)

Speculative Philosophy through the Eyes of Analytical Philosophers

Abstract. It is generally accepted, there is a deep chasm between continental and English-speaking philosophy. Early analytical philosophers declared a complete rejection of the specula-

tive method, unconditionally linking its use with the inability of continental philosophers to solve the challenges humanity faces. The author argues that this position is outdated, and today English-speaking philosophy has a significant interest in the possibilities of using speculation to solve, among other things, the problems of ethics, epistemology and philosophy of science. The article aims to show the features of speculative philosophy from the point of view of the analytical school. The author examines this problem from both a historical-philosophical and a methodological point of view, choosing for analysis only the most influential works of English-speaking philosophers over the past 100 years. The author concludes that it is impossible to reduce the features of speculative philosophy to a single epistemological criterion or method – synthesis (synopsis). The author agrees with S. Crichley and L. Braver's statement that the context and the belonging to one or another tradition predetermine the philosopher's choice of an analytic or speculative method.

Keywords: speculative philosophy; continental philosophy; analytical philosophy; synopsis; synthesis; speculation

УДК 140.8:316.257:159.923:82

А. В. Лесевицкий*

Анализ проблемы «иметь или быть» в творчестве Ф. М. Достоевского и социальной философии Э. Фромма

Аннотация. Впервые в исследовательской литературе о Достоевском роман «Преступление и наказание» и повесть «Записки из подполья» рассматриваются через призму концептуального дуализма экзистенциальной ориентации личности на антагонистические модусы «иметь или быть», предложенные Э. Фроммом. По мнению автора, главный герой «Записок из подполья» является, пожалуй, единственной живой личностью данного произведения, пытающейся не потерять свой аутентичный Dasein в мире, состоящем из «шизофреноподобных» социальных роботов, ориентированных на ценности «буржуазного общества», предпочитающих «иметь», но не умеющих «быть». В рамках компаративистского сопоставления «юриста-прагматика» П. П. Лужина и Сони Мармеладовой из романа «Преступление и наказание» чрезвычайно рельефно проявляется отказ от небытия обладания у главной героини произведения, ее беззаветная бытийственность в сострадании и заботе о своем ближнем.

Ключевые слова: Франкфуртская школа социологии; социальный характер; рыночный тип человека; шизофрения; кибернетическая личность; эгоизм; самопожертвование; подпольный человек; Соня Мармеладова; П. П. Лужин

Великой заслугой Э. Фромма является разработка концепта «социального типа характера», выдающийся мыслитель предложил теорию детерминирующего влияния глобальных экономических систем на психологическую сферу личности: «Социальный характер – это результат динамической адаптации человеческой природы к общественному строю» [6, с. 151]. Как видный представитель классического неомарксизма и один из идеологов Франкфуртской школы критической социологии, философ позиционирует человека как своеобразный «слепок» царящих в обществе социальных отношений. По нашему мнению, в творчестве Достоевского тоже рассматривается данная проблематика, социально-этическая дихотомия «иметь или быть» чрезвычайно рельефно представлена в большинстве крупных романов «русского Данте». Более того, если Э. Фромм изучал «социальные типажи личности» в рамках деятельности Франкфуртского института социальных исследований, проводя многочисленные анкетирования респондентов, осуществляя многолетний сбор и обработку эмпирических данных, то Достоевский анализировал «деструктивные характеры», находясь в тюрьме за участие в деятельности революционного сообщества М. В. Петрашевского, разумеется, опираясь исключительно на свою незаурядную интуицию и «психоаналитический дар», желание разгадать «тайну человека». Именно в остроге литератором была детализированно постигнута практически вся «анатомия человеческой деструктивности»: «A propos. Сколько я вынес из каторги народных типов, характеров! Я сжился с ними и потому, кажется, знаю их порядочно. Сколько историй бродяг и разбойник<ов> и вообще всего черного, горемычного быта! На целые томы достанет» [3, с. 172].

В нашей работе мы попытаемся рассмотреть проблему «иметь или быть» в произведениях Достоевского сквозь концептуальную призму социальной психологии неофрейдиста. Влияние творчества Достоевского на социальную философию Э. Фромма было многоуровневым. С одной стороны, можно говорить об

* **Алексей Владимирович Лесевицкий,** преподаватель кафедры общеобразовательных и гуманитарно-социальных дисциплин Пермского филиала Финансового университета (г. Пермь).
E-mail: Lesev100@mail.ru

© А. В. Лесевицкий, 2021

опосредованном воздействии «русского Данте» на психоаналитика. Общеизвестно, что Достоевский повлиял на литературное творчество таких крупных немецких и австрийских писателей, как Т. Манн, С. Цвейг, Г. Гессе, Ф. Кафка и др. [11]. Мог ли Э. Фромм, как видный европейский интеллектуал, обойти своим вниманием произведения вышеуказанных авторов? Полагаем, что нет. В контексте опосредованного воздействия Достоевского на психоаналитика крайне примечательно исследование представителя Франкфуртской школы о Ф. Кафке под названием «Процесс Ф. Кафки». Разумеется, что Э. Фромм был знаком с идеями Достоевского не только в «модифицированно-инверсионном» переосмыслении в творчестве С. Цвейга, Т. Манна, Г. Гессе, Ф. Кафки, но и благодаря непосредственному чтению аутентичных текстов произведений «русского Данте», например романа «Братья Карамазовы» и др. Таким образом, мы можем утверждать, что некоторые литературные произведения писателя являлись своеобразной увертюрой для социально-психологических концептов представителя Франкфуртской школы критической социологии. По нашему мнению, Достоевский значительно раньше неофрейдиста описал так называемый «рыночный тип» с экзистенциальной ориентацией на модусы «иметь и потреблять» и его принципиальную противоположность – антимамонистический тип личности с перманентной ориентацией на христианскую аскетику, для которой весь универсум предстает в образе «дома бытия» (М. Хайдеггер). По Э. Фромму, к психотипам, ориентированным на экзистенциал «иметь», можно отнести следующие «неплодотворные» акцентуации характеров: рецептивный типаж человека, эксплуататорский характер личности, стяжательскую модель homo, рыночную ориентацию индивида. Стоит заметить, что Достоевским предельно рельефно описаны как психотипы с непродуктивной (рыночной) ориентацией, так и персонажи, стремящиеся просто быть, а не иметь, личности, не рассматривающие весь универсум в качестве добычи своих безграничных потребностей (вожделений). Проблему «иметь или быть» в творчестве Достоевского разумно будет раскрыть посредством амбивалентной противоположности различных героев произведений, обладающих антагонистическим мировоззрением. Например, в рамках романа «Преступление и наказание» мы противопоставляем эгоиста с рыночной ориентацией П. П. Лужина и личность с беззаветно альтруистическим мировоззрением – Соню Мармеладову. В рамках повести «Записки из подполья» мы сравниваем «шизоидов-обывателей» Ферфичкина, Трудолюбова, Зверкова и др. с «подпольным господином», стремящимся ощутить свой аутентичный Dasein, боящимся поглощения своего подлинного внутреннего мира анонимно-гигантоманическим идеалом всеемства (das Man).

По мнению Э. Фромма, капитализм способен продуцировать не только личность, одержимую манией безграничного «потребления», которая весь остальной мир рассматривает как объект своего бенефициарного обладания, но и человека с шизофреническим или близким к данному духовному недугу диагнозом. Поясним наш тезис. По мнению классика Франкфуртской школы критической социологии, «рыночный тип homo», для того чтобы быть успешным в рамках буржуазного социума, должен полностью отказаться от своего аутентичного Я, т. е. стать своеобразным «шизоидом» с расщепленной психической сферой: «Конечно, термин “рыночный характер” отнюдь не является единственным термином, описывающим этот тип личности. Для характеристики его можно было бы также воспользоваться термином Маркса “отчужденный характер”; люди с таким характером отчуждены от своего труда, от самих себя, от других людей и от природы. Используя психиатрический термин, человека с рыночным характером можно было бы назвать шизоидным» [15, с. 348]. Но шизоидом человек с ориентацией на экзистенциалы «иметь и потреблять» становится благодаря своим собственным гедонистическим устремлениям, ибо для достижения своеобразных «карьерных мар-

керов»: денег, власти, славы и успеха необходимо стать «безличностью» (термин Достоевского). Скрывать от всех и даже от себя свое аутентичное Я. Для успеха в буржуазном социуме необходимо стать похожим на миллиарды подобных тебе индивидов. Пораженные жаждой наживы индивиды «рыночного типа» вынуждены лгать и лицемерить, мимикрировать, притворяться, приспосабливаясь к любым изменениям социальной «бизнес-среды», чтобы сохранить возможность неограниченного потребления материальных благ. По субъективному мнению Э. Фромма, человек с рыночной ориентацией на модусы «потреблять и иметь», как и шизоид, не может ответить на судьбоносный вопрос: кто он? Бытийствует ли он вообще как аутентичная личность? Данное вопрошание ставит его в тупик, ибо подобный тип индивида может презентовать окружающим лишь свои многочисленные «лицемерно-ложные» маски, симулякры подлинного Я: «Цель рыночного характера – полнейшая адаптация, чтобы быть нужным, сохранить спрос на себя при всех условиях, складывающихся на рынке личностей. Личности с рыночным характером по сравнению, скажем, с людьми XIX века не имеют даже своего собственного “я”, на которое они могли бы опереться, ибо их “я” постоянно меняется в соответствии с принципом – “Я такой, какой я вам нужен”» [15, с 346]. Мы полагаем, что данная трагическая проблема экзистенции личности блестяще поставлена в произведении Достоевского «Записки из подполья». Стоит заметить, что персонажи данного творения литературного классика имеют не только разнонаправленные волевые импульсы, отражающиеся в их поступках, но и абсолютно несхожее (антагонистическое) мировоззрение. Парадоксально, но подпольный человек, с нашей точки зрения, ориентирован на экзистенциал «быть» в отличие от Трудолюбова, Ферфичкина, Зверкова и др., которые весь мир рассматривают как добычу своих вожделений. Оппоненты главного героя повести завидуют личностям, у которых большее количество «крепостных душ», следовательно, гораздо более широкие возможности для необузданного удовлетворения самых разнообразных гедонистических потребностей, они тоже хотят получить возможность для еще большего проявления своей власти над миром, людьми и обстоятельствами: «Они говорили о Кавказе, о том, что такое истинная страсть, о гальбике, о выгодных местах по службе; о том, сколько доходу у гусара Подхаржевского, которого никто из них не знал лично, и радовались, что у него много доходу» [4, с. 146]. Проанализируем диалог персонажей повести, исходя из амбивалентной методологической матрицы, предложенной Э. Фроммом. Именно в произведении «Записки из подполья» впервые в истории мысли прозвучит идея «деконструкции инструментального разума» (термин М. Хоркхаймера), концепт разрушения всеобщего «буржуазного социума» посредством отказа от навязанных стереотипов поведения, шаблонов аксиологической сферы (благоденствие, богатство, свобода, покой и т. д.), обусловленных фазовым переходом из царства тотальной необходимости в светлое «царство технологической свободы». Однако драма «подпольного господина» заключается в том, что из практически всего континуума персонажей данного произведения, он, пожалуй, единственный живой, аутентичный, своевольный и чувствующий человек, оказавшийся в окружении «пост-homo», личностей с «шаблонно-алгоритмической» психосферой, навсегда потерявших себя, получающих программу «жизненного проекта» извне, бытие которых проживают другие. Некоторые исследователи находят достаточно мощное влияние Достоевского на философию М. Хайдеггера, немецкий мыслитель пережил период интенсивного чтения произведений «русского Данте» в 1910–1920-х годах [9]. Безусловно, в произведении «Записки из подполья» раскрывается проблема «вброшенности» личности в отчужденно-гигантоманический обезличенный мир, где она должна неминуемо утратить свою подлинность, где она тотально лишена альтернатив: «Здесьбытие всегда уже есть здесьбытие, от-

павшее от себя самого как от настоящего, в собственном смысле, можествования быть самим собою и всегда уже есть попавшее и пропавшее в мир, преданное, обреченное миру. Обреченность миру подразумевает растворение в совместном бытии» [16, с. 513]. Но подпольный человек не желает «раствориться в совместном бытии».

В этом аспекте очень интересно проследить за диалогом бывших выпускников элитной школы, которую окончил главный герой «Записок из подполья». Однокурсников «подпольного» не интересует внутренний мир личности, проблема подлинности бытия в рамках экзистенции человека, они воспринимают друг друга как некий безликий объект, как нечто отстраненное. Предел их мечтаний – это теплое кресло государственного чиновника, которое дает возможность статусного потребления материальных благ, т. е. стратегема очередного «всеобщего» шаблона экзистенции в рамках буржуазного социума: «Чин они почитали за ум; в шестнадцать лет уже толковали о теплых местечках» [4, с. 123]. Они навсегда отчуждают собственное Я, пытаясь комфортно устроиться в рамках капиталистической социальной системы. Главный герой не хочет делать карьеру, это занятие кажется ему бессмысленным. Но его бывшие одноклассники презирают подпольного за это, он абсолютно отчужден от них, они карьеристы и метафизическое воплощение «индивидов-обывателей», ориентированных на модусы «иметь и потреблять», а он – нет. Коллективные Ферфичкины и Трудолюбовы позволяют себе шутить над его материальным положением, деньги для него не очень важны, а для них они практически всё, ибо являются важнейшим элементом экзистенциальной ориентации на модус «иметь»:

«Зверкова покоробило, но он не хотел заметить.

– Ну-у-у, а как ваше содержание?

– Какое это содержание?

– То есть ж-жалованье?

– Да что вы меня экзаменуете!

Впрочем, я тут же и назвал, сколько получаю жалованья. Я ужасно краснел.

– Небогато, – важно заметил Зверков.

– Да-с, нельзя в кафе-ресторанах обедать! – нагло прибавил Ферфичкин.

– По-моему, так даже просто бедно, – серьезно заметил Трудолюбов.

– И как вы похудели, как переменились… с тех пор… – прибавил Зверков, уже не без яду, с каким-то нахальным сожалением, рассматривая меня и мой костюм» [4, с. 129].

Проанализируем этот фрагмент диалога, мастерски написанный Достоевским. В своем бестселлере «Иметь или быть?» Э. Фромм предлагает читателю анализ алгоритмики выстраивания диалога личностей, ориентированных на модус «иметь». По мнению социального психолога, персона собеседника их абсолютно не интересует, она воспринимается как своеобразный неживой и бездушный объект. В процессе подобного квазивзаимодействия нарастает межличностное отчуждение. Более того, диалог превращается в борьбу и поединок, где, к большому сожалению, не может быть победителей. Эгоистическое желание полностью подчинить волю собеседника, навязать ему систему своих ложных аксиологических ценностей в процессе диалога совершенно справедливо воспринимается как попытка изъятия свободы воли, потенциальность наступления «духовного порабощения». Диалог «сокурсников» обнаруживает проблему непонимания, невозможности подлинно аутентичной межличностной коммуникации. Трагизм ситуации заключается в том, что человек, ориентированный на модус «иметь», не может в рамках диалога с кем-либо обсуждать глубокомысленные философские темы, все его бытие ориентировано на мещанскую прагматику обогащения, карьеры, гедонистического потребления материальных благ: «Они не интересуются (по край-

ней мере, сознательно) такими философскими или религиозными вопросами, как “для чего живет человек?” и “почему он придерживается того, а не иного направления?”. У них свое гипертрофированное, постоянно меняющееся “я”, но ни у кого нет “самости”, стержня, чувства идентичности» [15, с. 346]. Подобная инверсия развития духовно-интеллектуальной сферы обусловлена прагматической ориентацией индивидов с подобным мировоззрением, глубокое обсуждение экзистенциальных первооснов бытия для homo данного типа социального характера приобретает абсурдный и бессмысленный характер. Более того, излишнее «философствование», склонность к глубокомысленным размышлениям и «непрагматическому анализу» может стать существенной помехой на пути достижения вожделенной обывательской триады: деньги, власть, успех. Именно по этой причине участники диалога не слышат друг друга, а общение превращается в мучительную схватку своеобразных «обезличенных шизоидов» с «андеграундным чревовещателем», где обе противоборствующие стороны имеют объективные основания для взаимной ненависти: «Я был болезненно развит, как и следует быть человеку нашего времени. Они же все были тупы и один на другого похожи, как бараны в стаде» [4, с. 125].

Нам представляется, что жестокость сокурсников подпольного господина обусловлена наличием синдрома «кибернетической личности» (термин Э. Фромма), ибо для них он – отчужденный объект, лишенный человеческих качеств, вещь, некое мертвое; именно так проявляется «этическая шизоидность» данных личностей, их «окаменелое бесчувствие». В своей примечательной монографии о шизофрении Р. Лэнг писал: «При позиции безразличия с личностью или вещью обращаются бессердечно и небрежно, будто они абсолютно не волнуют, в конечном счете, будто они не существуют» [10, с. 87]. Коллективные Ферфичкины и Трудолюбовы – это трагические жертвы огромной социальной системы, которая продуцирует не только обезличенный тип индивида, но и человека с эмоциональной атараксией, лишенного чувств сострадания и гуманизма, типического машинообразного робота. Каким же образом Достоевский описывает встречу «бездушных механизмов» в человеческом обличии с все еще живой личностью, пытающейся сохранить свой подлинный Dasein от детерминирующего влияния социального конструкта в глубоком подполье? «На приход мой ни один из них не обратил почти никакого внимания, что было даже странно, потому что я не видался с ними уж годы. Очевидно, меня считали чем-то вроде самой обыкновенной мухи. Так не третировали меня даже в школе, хотя все меня там ненавидели. Я, конечно, понимал, что они должны были презирать меня теперь за неуспех моей служебной карьеры и за то, что я уж очень опустился, ходил в дурном платье и проч. – что в их глазах составляло вывеску моей неспособности и мелкого значения. Но я все-таки не ожидал до такой степени презрения. Симонов даже удивился моему приходу» [4, с. 135]. Сделаем предварительный вывод. Трагизм коллективных Ферфичкиных и Трудолюбовых капиталистического общества заключается в глубокой утрате онтологической подлинности, шизоидной разобщенности их внутреннего мира, эмоциональной неполноценности «кибернетической личности» (термин Э. Фромма), которой незнакомы чувства сострадания, жалости и любви, ибо «автоматы не могут любить; они могут обменивать свои “личные пакеты” и надеяться на удачную сделку» [14, с. 155]. Безусловно, наш «андеграудный чревовещатель» – деструктивная и безнравственная личность, наслаждающаяся «утонченным развратиком» в глубоком социоиерархическом подполье, но у нее есть «мужество быть» (П. Тиллих), признаться в своем аморализме, высказать страшную правду о своем хаотическом и деструктивном внутреннем мире, тогда как «одноклассники» подпольного человека предпочитают носить лицемерно-фарисейские маски «ложного Я-конструкта», скрывать от других свою «шизоид-

ную сущность», мимикрировать, приспосабливаясь к быстро меняющимся социальным условиям, ибо без данной «деконструкции собственной персоны» гедонистическое потребление материальных благ невозможно, падает спрос на рынке индивидов. Как личности с аутентично-подлинным духовным миром, они уже мертвы, их нет. Глядя на этот собрание безжизненных человекообразных роботов буржуазного общества, подпольный человек иронично заявляет: «Что же собственно до меня касается, то ведь я только доводил в моей жизни до крайности то, что вы не осмеливались доводить и до половины, да еще трусость свою принимали за благоразумие, и тем утешались, обманывая сами себя. Так что я, пожалуй, еще “живее” вас выхожу» [4, с. 178]. Достоевский ставит принципиальный вопрос человеческой экзистенции, предлагая две диалектические стратегемы развертывания бытия личности. Первая из них – неаутентичный «антропологический сон» индивида, существование шаблонизированного робота, конформистская мимикрия к любым изменениям социальной среды и, как следствие, небытие как аутентичной уникальной личности, поглощение homo гигантоманическим универсумом всеемства (термин Достоевского). Но существует вторая стратегия, заключающаяся в попытке осознания своей подлинности, тотальное сопротивление детерминирующему анонимно-безликому влиянию Das Man. Личность не может не выбирать между глубоким безжизненным «антропологическим сном», который, возможно, даже и приятен, и болезненным, трудным, героическим пробуждением как возвратом к утраченному Dasein. По мнению Л. Шестова, господин с «ретроградной физиономией», пожалуй, единственная личность, сохранившая свое настоящее Я, не желающая вести существование безликого обывателя, находящегося под суггестивным воздействием мещанской «всеоткрытости Среднего» (термин М. Хайдеггера): «Прочтите, как описывает Достоевский “нормальных” людей, и спросите, что лучше, мучительные ли судороги “сомнительного” пробуждения или тупая, серая, зевающая, удушающая прочность “несомненного” сна. Тогда, быть может, вам не покажется таким парадоксальным противопоставление одного человека “всей” природе. При всей видимой бессмыслице, это все-таки не так “бессмысленно”, как апофеоз “всеемства”, той золотой середины, при которой только и могли вырасти наше “знание” и наше “добро”» [17, с. 49].

Перейдем к анализу проблемы «иметь или быть» в романе Достоевского «Преступление и наказание». В контексте компаративистского сопоставления «юриста-прагматика» П. П. Лужина и Сони Мармеладовой чрезвычайно рельефно просматривается принципиальное отличие мировоззренческих жизненных ориентаций героев произведения [1]. Бесспорно, что Лужин – это человек «мамонистического типа», главной целью которого является потребление материальных благ и безграничное обогащение, весь универсум он рассматривает как объект своих гедонистических вожделений. Но для того чтобы иметь неограниченные финансовые возможности, необходимо сделать обретение капитала главной страстью собственной жизни. Именно в деньгах П. П. Лужин видел альфу и омегу собственной экзистенции, онтологическую первооснову жизни: «Но более всего на свете любил и ценил он, добытые трудом и всякими средствами, свои деньги: они равняли его со всем, что было выше его» [5, с. 234]. Э. Фромм в своей монографии отмечал, что личности с ориентацией на экзистенциальный модус «иметь» крайне эгоистичны, заботятся исключительно о себе, словно вокруг них нет ни социума, ни других индивидов, а если другие и воспринимаются как реально существующие, то рассматриваются исключительно с позиции прагматической пользы, которую можно из них извлечь: «Эгоизм – это вид жадности, и, как всякая жадность, он включает в себя ненасытность, в результате которой истинное удовлетворение в принципе недостижимо. Алчность – это бездонный, истощающий человека колодец; человек тратит себя в бесконечных стараниях удовлетво-

рить такую потребность, которая не удовлетворяется никогда. Внимательное наблюдение показывает, что эгоист, хотя он всегда усиленно занят собой, никогда не бывает удовлетворен. Он всегда беспокоен, его постоянно гонит страх где-то чего-то недобрать, что-то упустить, чего-то лишиться; он преисполнен жгучей зависти к каждому, кому досталось больше» [13, с. 272]. Нам представляется, что в вышеуказанном описании Э. Фромма содержатся значительное количество индивидуально-личностных качеств П. П. Лужина. Более того, в рамках капиталистического социума люди с подобной эгоистической первоосновой экзистенции не вызывают никакого морального осуждения, в буржуазном обществе подобные «индивиды» – своеобразный вариант «нормы» (концепт «патологии нормальности» у Э. Фромма). Логика размышлений Петра Петровича в данном аспекте предельно проста: чем больше будет в рамках государственного конструкта граждан с подобным прагматично-эгоистическим мировоззрением, тем более развитой будет его экономическая система. Стоит заметить, что, по нашему мнению, Достоевский значительно раньше социально-философских разработок Э. Фромма на страницах своего романа «Преступление и наказание» критически осмысливает сущность концепта «разумного эгоизма», являющегося важнейшей частью экзистенциальной ориентации на модус «иметь и потреблять».

Воспроизведем ставший хрестоматийным диалог Лужина с Разумихиным и Раскольниковым. Лужин – это личность с ярко выраженной жизненной ориентацией на аксиологические ценности «мещанского социума», он пытается рассуждать о бесполезности и бесплодности сострадания в обществе, настаивая на том, что личность должна в любом своем жесте, действии и поступке видеть лишь эгоистический и своекорыстный интерес, ибо сострадание никого не спасает и «выбивает из кожи» (выражение Ф. Ницше):

«– Нет, не общее место-с! Если мне, например, до сих пор говорили: “возлюби”, и я возлюблял, то что из того выходило? – продолжал Петр Петрович, может быть с излишнею поспешностью, – выходило то, что я рвал кафтан пополам, делился с ближним, и оба мы оставались наполовину голы, по русской пословице: “Пойдешь за несколькими зайцами разом, и ни одного не достигнешь”. Наука же говорит: возлюби, прежде всех, одного себя, ибо все на свете на личном интересе основано. Возлюбишь одного себя, то и дела свои обделаешь как следует, и кафтан твой останется цел. Экономическая же правда прибавляет, что чем более в обществе устроенных частных дел и, так сказать, целых кафтанов, тем более для него твердых оснований и тем более устраивается в нем и общее дело. Стало быть, приобретая единственно и исключительно себе, я именно тем самым приобретаю как бы и всем и веду к тому, чтобы ближний получил несколько более рваного кафтана и уже не от частных, единичных щедрот, а вследствие всеобщего преуспеяния. Мысль простая, но, к несчастию, слишком долго не приходившая, заслоненная восторженностью и мечтательностию, а казалось бы, немного надо остроумия, чтобы догадаться…» [5, с. 166]. Стоит заметить, что в своей классической работе «Иметь или быть?» Э. Фромм тоже рассматривает подобную проблематику, которую обсуждают в данном диалоге персонажи романа «Преступление и наказание». Неофрейдист, как и Достоевский, развенчивает либеральный миф о том, что эгоистическое преуспевание отчужденной личности с жизненной ориентацией на модус «иметь» ведет к росту социально-экономического благосостояния любого государства. Чем больше «единственных» в рамках социума (в терминологии М. Штирнера), тем более высокоразвитой будет страна, будет достигнуто долгожданное всеобщее процветание, социальная гармония, эвдемонистический «конец истории». Но у «русского Данте» и одного из влиятельнейших представителей Франкфуртской школы социальных исследований было абсолютно противоположное мнение. Как бы полемизируя с персонажем

романа «Преступление и наказание», Э. Фромм отметил: «Вторая психологическая посылка индустриального века, а именно что индивидуальные эгоистические устремления ведут к миру и гармонии, а также росту благосостояния каждого, столь же ошибочна с теоретической точки зрения, и ее несостоятельность опять-таки подтверждают наблюдаемые факты. Почему этот принцип, который отрицал только один из великих представителей классической политэкономии – Давид Рикардо, – следует считать справедливым? Если я эгоист, то это проявляется не только в моем поведении, но и в моем характере. Быть эгоистом – значит, что я хочу всего для себя; что мне доставляет удовольствие владеть самому, а не делиться с другими; что я должен стать жадным, потому что если моей целью является обладание, то я тем больше значу, чем больше имею; что я должен испытывать антагонизм по отношению ко всем другим людям: к своим покупателям, которых хочу обмануть, к своим конкурентам, которых хочу разорить, к своим рабочим, которых хочу эксплуатировать» [15, с. 214]. Как видим из сопоставления вышеуказанных цитат, между Достоевским и Э. Фроммом достаточно много схожих мировоззренческих позиций. Оба мыслителя в качестве идеала «положительно прекрасного человека» видят личность с аксиологической экзистенциальной ориентацией на модус «быть», одним из главных признаков которой является альтруизм и жертвенность, беззаветная любовь к людям, желание ею делиться, а также гуманизм и сострадание, отсутствие каких-либо эгоистических мотивов в рамках духовной структуры личности: «Приведенные здесь соображения, по-видимому, говорят о том, что людям присущи две тенденции: одна из них, тенденция “иметь – обладать”, в конечном счете черпает силу в биологическом факторе, в стремлении к самосохранению; вторая тенденция – “быть”, а значит, “отдавать, жертвовать собой” – обретает свою силу в специфических условиях человеческого существования и внутренне присущей человеку потребности в преодолении одиночества и единения с другими» [15, с. 307]. Можно с уверенностью сказать, что Достоевский в своей творческой лаборатории создал значительное число персонажей с аутентичной жизненной ориентацией на модус «быть», презирающих и жалеющих людей с «прагматическим мировоззрением» («подпольный человек», князь Мышкин, старец Зосима и др.).

Одним из предтеч Франкфуртской школы критической философии считают М. Вебера, который в своей классической монографии «Протестантская этика и дух капитализма» отметил, что буржуазная система тотально рационализировала поведение индивида в рамках общества, превратив живую личность в подобие безликой машины, просчитывающей каждый свой поступок на целые десятилетия вперед, ибо homo мамонистического общества просто не может иметь иррациональные «аксиологические установки»: «Создается впечатление, что развитие “капиталистического духа” может быть легче всего понято в рамках общего развития рационализма и должно быть выведено из его принципиального подхода к последним вопросам бытия» [2, с. 48]. Как бы мог размышлять «рациональный шизоид» буржуазного общества, полностью лишенный сострадания к своему ближнему, оказавшись на месте Сони Мармеладовой? Мы полагаем, что им был бы поставлен вопрос о самой целесообразности помощи родным главной героини «Преступления и наказания». Мать и отец Сони настолько больны, что всякая помощь им просто абсурдна (алкоголизм и чахотка). Сводные сестры и брат не являются полностью «родными по крови», следовательно, тоже «недостойны» излишних забот и сочувствия, избыточного участия в их судьбе. Но такова ли Соня Мармеладова? Рационально ли ее антимамонистическое мировоззрение? Ориентирована ли она на модус «иметь» или предпочитает «бытийствовать»? Э. Фромм в своем бестселлере писал о том, что личность с антибуржуазным мировоззрением не стремится в рамках своей экзистенции к вожделенной мещанской триаде:

деньги, власть и успех. Человек подобного типа неэгоистичен, способен поделиться со своим ближним всем, что имеет, предпочитая отдавать, а не брать, накапливать и сохранять (концепт «анального характера» у З. Фрейда). Такова Соня Мармеладова, вся ее жизнь – классический пример личности с аксиологической ориентацией на модус «быть». Жертвенная любовь к своим близким заставляет ее принять довольно «двусмысленную профессию», ибо других вариантов для содержания нетрудоспособных матери и отца, а также несовершеннолетних сводных сестер и брата нет. Соня – нравственно чистая девушка, но иррациональное сострадание и любовь к своим близким настолько велики, что она добровольно соглашается спуститься в этот ад. Давление внешних обстоятельств настолько сильно, что для Сони проституция – единственный выход. Экзистенциальный выбор в подобной трагической жизненной ситуации ограничен: либо весьма «двусмысленная профессия», либо самоубийство, последнее способно избавить от страданий только ее одну, страдания же близких Сони только усилятся. В осознании этого и заключается ее великая миссия жертвенности, уничтожения своего «Я» во имя погибающих близких. Безусловно, Соня обладает альтруистическим мировоззрением, в отличие, например, от Раскольникова с его углубленным самоанализом и рефлексией. Он в данных трагических обстоятельствах выбрал бы самоубийство: «Ведь справедливее, тысячу раз справедливее и разумнее было бы прямо головой в воду и разом покончить!

– А с ними-то что будет? – слабо спросила Соня, страдальчески взглянув на него, но вместе с тем как бы вовсе и не удивившись его предложению. Но он понял вполне, до какой чудовищной боли истерзала ее, и уже давно, мысль о бесчестном и позорном ее положении. Что же, что же бы могло, думал он, по сих пор останавливать решимость ее покончить разом? И тут только понял он вполне, что значили для нее эти бедные, маленькие дети-сироты и та жалкая, полусумасшедшая Катерина Ивановна, с своею чахоткой и со стуканием об стену головою» [5, с. 247].

Достоевский крайне часто подчеркивал, что на самопожертвование способна только настоящая личность, в которой отсутствуют эгоистические мотивы, личность, имеющая дерзновение «бытийствовать». Мир спасется через самоотречение. Христос был способен на самозабвение, завещая больше заботиться о ближних своих, чем о себе. Безусловно, Соня, как человек наиболее приближенный к этой христианской истине, в полной мере исполнила его завет: «Лишь по мере того, как мы начинаем отказываться от обладания, то есть небытия, а значит, перестаем связывать свою безопасность и чувство идентичности с тем, что мы имеем, и держаться за свое “я” и свою собственность, может возникнуть новый способ существования – бытие. “Быть” – значит отказаться от своего эгоцентризма и себялюбия, или, пользуясь выражением мистиков, стать “незаполненным” и “нищим”» [15, с. 139].

Таким образом, в рамках нашей статьи мы попытались рассмотреть роман «Преступление и наказание» и повесть «Записки из подполья» посредством амбивалентной противоположности экзистенциальных модусов «иметь» и «быть», предложенных Э. Фроммом. Данная компаративистика позволила выявить проблему феноменологической сущности «рыночного типа человека» и специфику личности с альтруистическим типом психосферы в творческом измерении Достоевского. Литературный дискурс «русского Данте» мы можем назвать своеобразной увертюрой к основным социально-философским концептам представителей Франкфуртской школы критической философии [8].

Литература

1. Бачинин В. А. Достоевский: метафизика преступления (Художественная феноменология русского протомодерна). – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001. – 412 с.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М. : АСТ, 2021. – 320 с.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. ; ИРЛИ. – Т. 28, кн. 1 : Письма 1832–1859 / текст подгот. и примеч. сост. И. Л. Битюгова и др. ; предисл. Г. М. Фридлендер. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. – 572 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. ; ИРЛИ. – Т. 5 : Повести и рассказы. 1862–1866 ; Игрок : Роман / текст подгот. и примеч. сост. Е. И. Кийко. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. – 407 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. ; ИРЛИ. Т. 6 : Преступление и наказание : роман в 6 ч. с эпилогом / текст подгот. Л. Д. Опульская. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. – 423 с.
6. Егорова И. В. Философская антропология Эриха Фромма. – М. : ИФ РАН, 2002. – 164 с.
7. Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. – М. : Совершенство, 1998. – 316 с.
8. Лесевицкий А. В., Ляхин Е. В. Бунт Ивана Карамазова как проявление «негативной диалектики» в компаративистском сопоставлении философии Г. Гегеля и Т. Адорно // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 2 (29). – С. 129–135.
9. Лесевицкий А. В Конфликт индивидуального и социального в экзистенциальной философии Ф. М. Достоевского. – Пермь : От и до, 2011. – 192 с.
10. Лэнг Р. Расколотое «Я». – СПб. : Белый кролик, 1995. – 352 с.
11. Фридлендер Г. М. Достоевский, немецкая и австрийская проза XX в. // Достоевский в зарубежных литературах. – Л. : Наука, 1978. – С. 117–175.
12. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М. : АСТ, 2019. – 736 с.
13. Фромм Э. Догмат о Христе. – М. : Олимп : АСТ-ЛТД, 1998. – 414 с.
14. Фромм Э. Душа человека. – М. : Республика, 1992. – 430 с.
15. Фромм Э. Человек для себя. Иметь или быть? – Мн. : Изд. В. П. Ильин, 1997. – 416 с.
16. Хайдеггер М. Исток художественного творения. – М. : Академический проект, 2008. – 526 с.
17. Шестов Л. Сочинения : в 2 т. Т. 2. – М. : Наука, 1993. – 560 с.

Alexey Vladimirovich Lesevitsky,
Lecturer, Department of Educational, Humanitarian and Social Disciplines,
Perm Branch of the Financial University (Perm)

The Analysis of the Problem of "To have or to Be" in the Works of F. M. Dostoevsky and E. Fromm's Social Philosophy

Abstract. For the first time in the research literature on Dostoevsky, the author considers the novel Crime and Punishment and the novel Notes from the Underground through the prism of the conceptual dualism of the existential orientation of the individual to the antagonistic modes of 'to have' or 'to be' proposed by E. Fromm. The author argues that the main character of Notes from the Underground is, perhaps, the only living personality of this work who tries not to lose his authentic Dasein in a world consisting of 'schizophrenic' social robots focused on the values of consumer society, preferring to have and not knowing how to be. Within the framework of the comparative comparison of the "lawyer-pragmatist" P. P. Luzhin and Sonya Marmeladova from the novel Crime and Punishment, the rejection of the non-existence of possession in the main character of the work, her selfless being in compassion and care for her neighbour, is clearly demonstrated.
Keywords: Frankfurt School of sociology; social character; market type of person; schizophrenia; cybernetic personality; egoism; self-sacrifice; underground person; Sonya Marmeladova; P. P. Luzhin

УДК 130.2:17.03:316.7

Е. А. Батюта, Е. В. Белоусова*

Современный обыватель: три мира обычного человека

Аннотация. Статья рассматривает феномен обычного человека в современности как обитателя трех миров, поглощающих обычного человека и определяющих мировоззрение и мироощущение. Все эти сферы синкретично слиты, взаимопроникают и переходят друг в друга, однако каждая обладает своеобразием и собственными закономерностями. Это, во-первых, экономическая сфера, новый мир «четвертой промышленной революции», цифровой экономики. Во-вторых, мир обывательской науки со специфическим отношением к поиску истины и, в-третьих, мир культуры обывателя, наиболее богато представленный в активностях современных медиа и массовой культуре.

Ключевые слова: обыватель; повседневность; потребитель; цифровая среда; поп-наука; философия обывателя; обывательская культура

Трудно найти менее дискутируемую тему, чем оправдание или обличение современного обывателя. Философы, ученые, писатели и даже сами люди повседневности, – словом, все сходятся во мнении, что это «средний» тип человека, который, перефразируя Л. Синклера, «живет как живется», проходя из «каждых возможных ста футов от силы четверть дюйма». Большинство исследований подчеркивают эту «неполноту» обывателя и видят ее истоки в особенностях повседневности, основанной на свойствах жизненного мира Э. Гуссерля, как, например, П. Бергер и Т. Луман [4]. Повседневность – область наивной субъективности, мир первоначальных очевидностей, на базе которой впоследствии может вырасти (а может и не появиться) научная объективность и конституирующая деятельность трансцендентальной субъективности. Обыватель – половинчатый и медленный, неуверенный и закрытый для творчества и инноваций, именно потому что формируется и большую часть своей жизни проводит на уровне этой «первоначальной» реальности. З. Бауман подчеркивает, что фрагментированность жизни обычного человека рождается из неопределенности и дисфункциональности, «текучести» самих человеческих взаимодействий. Обычный человек не умеет противостоять не контролируемым им лично переменам, что заставляет его быть лихорадочным и непостоянным, особенно в наши дни [2]. П. Штомпка в своей «третьей» социологии фокусирует внимание на повседневной жизни людей среди других, их соперничестве, конфликте, ненависти и любви. Обыватель для социолога третьей волны – агент повседневности, бренд, «представление себя», передающее информацию о статусе, стиле поведения, «умении жить», и не больше [18]. А. Лефевр констатирует пребывание обывателя в сфере повседневности как своего рода защиту от «мозаичности» жизни. Обыватель жертвует собственной целостностью и всегда идет по пути наименьшего сопротивления, подчиняется обстоятельствам, «минимизирует страдания» [17]. Ему вторит М. де Серто, говоря, что слабый (т. е. обыкновенный, не обладающий ресурсами власти) человек сопротивляется манипулированию со стороны сильных, используя житейские хитрости и паразитарные практики, при этом не вступая в открытое противоборство и частично жертвуя собственными интересами [14, с. 42–43]. В классическом историко-социально-

* **Екатерина Анатольевна Батюта,** канд. филос. наук, директор Центра практической психологии и психоанализа ИППК УГИ, Уральский федеральный университет им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Елена Валентиновна Белоусова, канд. культурологии, доцент кафедры философии, культурологии и биоэтики, Уральский государственный медицинский университет (г. Екатеринбург).

© Е. А. Батюта, Е. В. Белоусова, 2021

культурном дискурсе (начиная с К. Маркса и заканчивая экзистенциалистами) сущность обывателя определяется как следствие искажения исторического порядка вещей в повседневных практиках, «неправильных» социальных отношений, которые выражаются в виде одномерных, неполных, противоречивых свойствах обывателя.

Справедливости ради стоит отметить, что обыватель не всегда был существом однозначно осуждаемым. Советский исследователь М. Лифшиц свидетельствует о некоторой пользе «обывательства», указывая на причастность обычного человека к «народному» началу и реализму здравого смысла, главным носителем которого он и является, в противовес идеям исчезновения человека в постмодернистских теориях [7]. Сегодняшние исследователи подчеркивают, что именно обыватели выступают действующими лицами гражданского общества и вынуждают культурные и политические элиты перестраивать свой художественный или социальный инструментарий в угоду обывателю, определяя тем самым тренды современного развития («Сочиняешь песню – и ты сразу думаешь, как сделать ее такой, чтобы понравиться на YouTube», – из интервью с американским журналистом и культурологом Джоном Сибруком) [15] .

Если говорить о «мещанине цифровой эпохи», то современная социокультурно-экономическая реальность определяется как разновидность жизни, созданная при активном участии цифровых технологий и искусственного интеллекта. Она полностью трансформирует человеческую личность, внедряя новые ценности, этические и эстетические ценности и поведенческие практики. Немецкий автор К. Шваб прогнозирует последствия господства информационно-коммуникационных технологий: «мозговую дискриминацию», а именно угрозу «чтения мыслей, снов, желаний и разрушение частной жизни; опасность медленной, но неотвратимой утраты творчества или человеческого участия, возникающая (по большей части) в результате преувеличения возможностей наук о мозге; стирание границ между человеком и машиной; культурное изменение; потеря человеческой коммуникации. Расширенные когнитивные возможности человека приведут к новым типам поведения» [12] . Человек в виртуальной сфере формирует среду, которая подходит именно ему, и таким образом рискует изолироваться от реального мира. Подобные сюжеты давно циркулируют в фэнтези-беллетристике, например у М. Лейстнера в рассказе «День не в счет» или в «Лабиринте отражений» и «Фальшивых зеркалах» А. Лукьяненко), что неудивительно, поскольку, слегка перефразируя С. Лема, «фантастика – это философия для бедных» (читай – обывателей).

Обитая в цифровой реальности, обыкновенный человек не в силах противостоять навязываемым цифровой средой поведенческим алгоритмам, перестает самостоятельно мыслить, утрачивает свободу выбора своей идентичности. «Все это провоцирует сегрегацию людей, основанную на их идентичности, и происходит поляризация человеческих сообществ» [12]. Сегодняшний обыватель исполнен равнодушия к традиционным идеалам, гуманизму, философским размышлениям. Он именно мещанин, культурно и социально деградирующий, развращенный вседозволенностью Сети, доходящий до рекордов национализма, ксенофобии, шовинизма и когнитивного одичания [20].

В продолжение размышлений об особенностях обычного человека в современности, хотелось бы структурировать его реальность, выделив характеристики трех миров, поглощающих обычного человека и определяющих состояние его «души» в смысле мировоззрения, ценностных ориентаций, мыслей и переживаний. Конечно, все эти сферы синкретично слиты, взаимопроникают и переходят друг в друга, тем не менее каждая все-таки обладает собственными закономерностями и чертами. Итак, три основных мира обывателя – это экономическая сфера,

новый мир «четвертой промышленной революции», цифровой экономики и политики как ее концентрированного выражения (в терминах ленинизма); мир обывательской науки, часто сопровождающей отрасли знания приставкой «поп»: поп-психология, поп-физика, поп-философия и т. п., что говорит о специфическом отношении к поиску истины; мир культуры и этики обывателя, наиболее богато представленный в активностях современных медиа.

Экономическая «повседневность» обычного человека – пока еще это мир потребления товаров, услуг, который регулируется насущными витальными потребностями человека, его доходами и общественными благами. Потребление – это разновидность систематической деятельности обывателя, который в этой ипостаси выглядит как «обычный современный потребитель», оно является матрицей социальной жизни в целом. Для «экономического обывателя» это фундамент понимания прочих аспектов жизни (экономики, политики, культуры), и оно требует некоторого объема специальных знаний для решения потребительских задач в специфическом рыночном контексте. «Как социальная практика обычного человека потребительская грамотность включает умение управлять идентичностью, знание и умение решать личные, ситуативные и социальные проблемы для удовлетворения потребностей. Грамотный потребитель не только читает этикетки, но сам навешивает ярлыки, оценивает сервисное взаимодействие и подает жалобы. Даже самые простые действия потребителя (такие как, например, заказ в ресторане) вовлекают чувство собственного достоинства и уважения» [1]. Так что современный потребляющий обыватель – существо довольно грамотное и компетентное в вопросах потребления. Развитие системы потребления вовлекает компьютеры, смартфоны, Интернет, социальные сети и цифровое телевидение, которые становятся необходимым элементом обихода человека, и от способности использовать все эти информационно-компьютерные средства и гаджеты сегодня уже начинают зависеть уровень и качество жизни каждого современного человека. Так, пользователь онлайн-банка или онлайн-торговой площадки значительно экономит время, деньги на комиссиях и собственные усилия. Сегодня Сеть предлагает ресурсы для работы, отдыха, межличностного общения, обучения, расширяет границы потребления и изменяет поведение потребителей. В сфере образования интернет-технологии открыли возможность учиться бесплатно и дистанционно. «Благодаря» пандемии Ковид-19 расширились возможности работы и досуга на дому – дистанционная занятость и новые досуговые практики (игры, серфинг, дискуссионные площадки и прочее).

Как же использует обыватель предоставленные ему хозяйственно-экономические, потребительские возможности? Во-первых, нужно отметить, что обыватели – довольно пестрая компании. Лингвист М. А. Кронгауз в своих «Заметках рассерженного обывателя» отмечает, что есть «образованный» и «вульгарный» обыватель. И тот и другой во главу угла ставят собственное «спокойствие и постоянство», но первый способен удержать себя в руках и попытаться подстроиться под активно изменяющийся мир, а второй – воинствующий и агрессивный – активно выражает свое недовольство (по крайней мере словесно) [9]. Психолог С. В. Вальцев выделяет «аксиотипы» людей, среди которых два основных – обыватель (в трех ипостасях: ростовщик, торговец и гусар) и герой (философ и миссионер). Эта типология следует за В. Зомбартом, у которого были «герои и торговцы» [5]. Как можно видеть, начинается осознание неравенства самих обывателей в противоположность представлению о них как об инертной однородной «массе».

Естественно, и характеристики «образованного» и «вульгарного» человека в экономическом мире различаются. В наше время вульгарных мещан в сфере потребления становится больше. Стремление любыми способами к роскоши, избыт-

ку вещей превалирует над другими потребительскими ценностями (самореализация через потребление и т. д.). Характерная поговорка «Если ты такой умный, то почему ты такой бедный?» доказывает это. Стяжательство приобретает гигантские уродливые масштабы (вспомним недавние новости о дворце с десятками комнат некоего сотрудника ДПС, автомобилях и золотых унитазах). Что ни говори, а слово «мещанство» содержит и несет в себе негативную интонацию – это образ жизни, в котором все оценивается по рыночной стоимости и иным количественным показателям. Что касается образованного обывателя, то он ориентируется на качественные показатели потребления. Это компетентный потребитель, который конструирует собственную идентичность, грамотно и вдумчиво подбирая и означивая предметы потребления, осваивая новые возможности, предоставленные цифровой эпохой, формируя новые потребительские практики. Так что можно говорить о двухполюсном экономическом мире современного обывателя, направление развития одного – «компетентное» потребление», дающее шанс саморазвитию, а на другом – саморазрушение и деградация до состояния «цифрового слабоумия» (по выражению блогера М. Калашникова на портале zavtra.ru/blogs/okno_v_budushee_kalashnikov).

Вторым миром обывателя можно считать сферу обывательской науки. Несмотря на констатацию многими исследователями «когнитивного обнищания» обывателя и его активного нежелания разбираться в сложностях современного научного знания, обыватель во все эпохи по крайней мере интересовался интеллектуальными достижениями своего окружения. В начале XX века А. Белый в своей работе о Ф. Сологубе говорил об обывателе определенной «степени сознательности»: «Обыватель из Сапожка предается сну (не после ли гуся с капустой?); при этом он думает, что предается практическим занятиям по буддизму: изучает состояния Нирваны, смерти, небытия» [3]. С одной стороны, для обывателя наука – это царство наукоемких технологий, экологии и здорового образа жизни. С другой стороны, как следствие растущей деиндустриализации, «открепившей» обывателя от высокой науки и техники, это разгул конспирологических теорий, паранормальных явлений, поп-психологии. Научные факты ускользают от внимания обывателя как неочевидные, изложенные в книгах доказательства и эксперименты, убеждавшие всех в прежние времена, не принимаются. Например, в интернет-сообществе довольно много (поисковик Яндекс выдает более 7 тысяч страниц результатов!) сайтов сторонников «плоской Земли»: вот восемь «неопровержимых» доказательство того, что Земля – не шарообразна. «Держите несколько вопросов, на которые не могут ответить приверженцы “круглой земли”».

✓ Почему, когда гипотеза плоской земли набирает наибольшую популярность, происходит первый полет на Луну?

✓ Почему, несмотря на якобы научные факты, при запуске ракет все-равно учитывают, что Земля не имеет искажений и является плоской?

✓ Официальная эмблема ООН содержит изображение именно Плоской Земли.

✓ Чикаго видно с расстояния 140 километров, но это невозможно, учитывая шарообразность планеты.

✓ Согласно «шарообразному» строению планеты, на большой высоте пилоты самолетов должны были бы опускать нос транспортного средства спустя каждые 5 минут, однако этого не происходит.

✓ NASA не представляло видеотрансляцию со спутников или шаттлов в прямом эфире, хотя это вполне осуществимо.

✓ Почему по сей день в Антарктиду запрещен доступ простым исследователям?

✓ Если бы купол не состоял из кислорода, экологической проблемы не существовало бы» [6]. (*Стиль источника сохранен.*)

Итак, в эпоху Интернета факты, требующие нетривиального доказательства, перестали приниматься большим количеством людей. Похоже, для воинствующего обывателя в Сети не существует никакой объективной реальности, всё лишь иллюзия и обман, фальшивки, фейки, заговор чиновников и ученых. Естественные науки представлены в сознании обывателя цифровой эпохи торсионными полями (физика), телегонией (биология), дискуссией «могликов» и «немогликов» (космонавтика), ритмологией и информациологией (космология), креационизмом (антропология) и т. д., – число научных «фриков» возрастает взрывным образом. Сетевая энциклопедия псевдонауки «Фрикопедия» содержит 12 разделов, в каждом из которых не менее десятка различных направлений. Тем не менее, как легко видеть, естественно-научные знания в примитивизированном и завлекательном виде весьма притягательны для обывателя, по поводу науки в Сети бурлит оживленная дискуссия, сложился даже специфический «научный» обывательский дискурс со своими речевыми штампами, ключевыми фигурами, устойчивыми наборами «доказательств». Школьники пытаются черпать основы знаний из блогов Саендука и Дудя, «научные» разделы для публики повзрослее предлагают сайты глянцевых журналов («Эсквайр», «Космо» и др.). Научная риторика обывателя сближает науку и магию, что, возможно, доказывает правоту предположений о становлении «новой первобытности» и новом «заколдовывании реальности». Магия как «преднаука и предтехника» Э. Б. Тайлора превращается в магию как «постнауку и посттехнику».

Еще сложнее обстоит дело с науками о человеке. Поскольку обыватель уверен в своей компетентности в этой сфере, то он мнит себя рассудительным и грамотным политиком, опытным медиком (сколько «экспертов» среди нынешних ковид-диссидентов и антипрививочников) и, конечно же, первоклассным психологом и настоящим философом. «Массовый интерес к тайнам душевной жизни и закономерностям человеческого поведения сегодня удовлетворяется обильным предложением разнообразной психологической литературы, от популярных “развлекалочек” до энциклопедий, а также публичными выступлениями психологов по широкому кругу вопросов общественной и частной жизни. “Просвещенного” обывателя уже не смутишь мудреными терминами вроде интроверсии или толерантности, он наслышан о транзактном анализе и НЛП, готов признать у себя наличие эдипова комплекса и “основного инстинкта”», – пишет озабоченный распространением поп-психологии М. М. Степанов [16]. Обыватель склонен к психологизированию, политизированию, философствованию по любым поводам. Он достаточно эрудирован, правда, его эрудиция состоит из «обрывков» гуманитарных наук, что в итоге приводит его к иллюзиям, фикциям, и снова к магии. По сути дела, в сознании обывателя формируется и затем господствует профанированное гуманитарное знание, которое все больше и больше сближается с эстрадным форматом стендапа. «Классическая» обывательская психологическая наука – это мистифицированный пересказ «Психопатологии обыденной жизни» З. Фрейда – работы, ценимой обывателями за «привязку» к повседневной жизни; кстати, этот труд и создавался как курс лекций «для широкой публики». Все, что выносит из прочтения обыватель, – убеждение в причастности к тайному знанию механизмов человеческой души, некие, по сути, магические формулы, что такая-то оговорка означает то-то, бегающий взгляд выдает лживую натуру, если снится острый предмет – это к обострению в отношениях, – словом, кое-что в жанре гороскопа. Ценятся также как еще более близкие к повседневным «технологиям общения» Д. Карнеги и Э. Берн, так и почти магические В. Зеланд и Р. Хаббард. С. Степанов сетует, что «обыватель считает психологами Дейла Карнеги и Рона Хаббарда, Чумака и Кашпировского, Арбатову и Козлова. Про Бине и Левина, Вертгеймера и

Выготского в глянцевых журналах не пишут, их имена и идеи публике неизвестны» [16] .

В то время как психология «приватизирует» обывателя (каждый с удовольствием выдает себя за психолога и даже с увлечением учится быть психологом), в отношении политики он придерживается идеи алиенации – отчуждения от решения политических вопросов. Во время дискуссии на портале «Полит.ру», заявившей тему «Политика для обывателей», политолог А. Левинсон резюмирует: «В общем, интернет-обыватель не удовлетворен ситуацией, но доволен имеющимися объяснениями, почему она так плоха. А именно: есть немногочисленные плохие, но могущественные люди, которые обращают все на пользу себе и во вред нам – многочисленным, хорошим, но ни на какое политическое действие не способным и о нем не помышляющим» [10]. Темы, на которые наиболее охотно говорили обычные люди во время дискуссии – рост и коррупция чиновничества, криминализация бизнеса и проникновение криминала в госструктуры, вседозволенность и мошеннические действия банков, – свидетельствуют о превалировании взглядов обывателей на политику со стороны, поскольку сами они в этих процессах не участвуют, они просто живут в этой среде и комментируют происходящее как наблюдатели. Эта отстраненность от неприглядных, на обывательский взгляд, процессов в обществе очень хорошо проглядывается в еще одной обывательской максиме: «Моя хата с краю».

С философией отношения обывателя складываются еще более интересным образом. Именно философы на протяжении столетий отстаивали достоинство «маленького человека» и его повседневной жизни (вспомним, хотя бы «Опыты» М. Монтеня или философствования в классической русской литературе XIX века), в результате чего получили два кардинально противоположных убеждения обывателя по поводу философии, благополучно уживающихся в его сознании: философия – никому не нужная «муть» (один из сайтов, предлагающих познакомиться с афоризмами великих философов так и называется «Суть и муть») и антитеза: всякий обыватель – априори философ. «Ни одна другая профессия, ни одна другая наука не используется как абсолютная рефенциональная структура в качестве универсального индекса Я. В ответ на вопрос о профессиональной принадлежности закономерность и правило – услышать: я тоже философ. Редкому медику или инженеру, находясь не в кругу профессионалов, повезло выслушать подобное», – пишет А. Л. Козлова [8, с. 94]. Обывателю и не нужна философия: она у него есть по определению, она не должна быть ориентиром жизни, она сама вырастает из его жизни. «Настоящая» философия в своем стремлении говорить просто о сложном дезориентировала обывателя, создала иллюзию тривиальности, стандартности и абсолютной понятности (а значит, бесполезности) своих идей. В современной среде классический вопрос обывателя к философу – это: «Ну, и кем ты можешь работать?» Философствование – нечто среднее между простой демагогией и модной сегодня логопсихотерапией (несколько «философов» из одного сибирского города даже предлагают сеансы терапии философией или исповедальные услуги. За деньги.). Чтобы понять самого себя и сложность окружающего мира, человек вынужден философствовать – это единственный способ рационализации жизни, формирования продуманных жизненных стратегий. Признавая философию бесполезной по умолчанию, обыватель отказывается от критического мышления и поддерживает себя, выстраивает стратегии мышления и поведения при помощи различных предрассудков и предубеждений (ведь они похожи на философское знание – тоже говорят просто о сложном) и в итоге приходит к тем самым экстремистским и односторонним взглядам, идеям собственного всезнания и непогрешимости, за которые его порицают. Для обывателя философией становятся мистические и псевдофилософские учения, часто приукрашенные восточной или

африканской экзотикой, и, если взглянуть на «просторы Интернета», то мы увидим, что большая часть сайтов, связанных с философией (помимо электронных библиотек и университетских философских сообществ), – это эзотерические порталы об Ошо, «Духовные порталы открытия своего Я», «философии Великого Лотоса» и тому подобные сообщества на границе с нетрадиционными или архаическими религиями и повседневной магией (например, философия карт таро). Попытки обывателя жить в мире гуманитарного знания, таким образом, снова приводят его к примитивизации и обращению, в конце концов, к несложной повседневной магии.

Третий мир обывателя – мир художественной и бытовой культуры. Именно этот аспект его жизни наиболее визуализирован, а потому наиболее обсуждаем и осуждаем. Для «культурного» человека сейчас это слово звучит презрительно. Хотя первоначальное значение этого термина – просто житель какой-то местности, обыкновенный, ничем не примечательный человек. Обыватели – большинство людей, и поэтому они определяют лицо нашей повседневности. Обыватель это тот, для кого собственное благополучие – предмет наивысшей ценности, моральный ориентир и почти религиозный принцип. А для благополучия ему требуется многое, правда, в основном, это предметы престижного потребления. Не случайно с каждого экрана призывают «купить», «слушать», «смотреть», «общаться». Это главные ценности современного общества потребления, которые работают на обывателей. Обыватель стремится преуспеть в сообществе, его цель – стать первым среди одинаковых, его мысли и поступки предсказуемы: он хочет всего, сразу и без усилий.

Престиж – его идол, а мода – нечто вроде тестирования «на стадность», на способность не отличаться от общей массы и приспособиться к окружающей среде.

Но так ли однозначно плоха обывательская культура? В наши дни развитие медиа привело к невероятно большим возможностям для обывателя по части показа в деталях своего внутреннего мира и даже демонстрации и продвижения собственных культурных продуктов. Обыватель проецирует свое отношение через посредника, через чужую реальность, что дает ему ощущение полной анонимности и, следовательно, безнаказанности и потому полной искренности. Кроме того, «специфика форм общения посредством компьютерной связи, имеющая иную меру свободы в конструировании послания любого участника диалога, выдвигает и иную модель поведения человека. Медиативная по сути форма восприятия заменяется более активной интеграцией воли зрителя в саму структуру послания. На смену вещанию приходит коммуникация. Исследователи активно заговорили о таких явлениях, как… «содержание, созданное пользователями» (user generated content)» [17] .

Если поинтересоваться у обывателя, что он сам понимает под культурой, то непременно услышите перечисление знакомых по школе классиков литературы, живописи и музыки – Пушкин, Репин, Чайковский, – больше обыватель вам вряд ли предложит. Обывателя высокая художественная культура не интересует, это нечто давно уснувшее, достойное только принятия к сведению, иногда реанимируемое в политических целях, как Первая симфония в обработке Дениса Мацуева, заменившая гимн на недавних Олимпийских играх. Современная культура для обычного человека – это реперы, Бузова, в том числе во МХАТе, радио «Шансон», шоу «Адская кухня» или «Танцы», – всё то, что транслируют современные СМИ. Образованные обыватели добавят, что культура – это еще и набор правил (в основном, этикета), которым нужно следовать в повседневной жизни. То есть обывательская культура – это то, что человек видит, слышит и практикует в поведении ежедневно, а не гениальные произведения почивших классиков. В маркетинге есть представление о бренде-иконе, торговой марке или имени человека,

которые выходят за рамки рыночного контекста (надежный, как «Мерседес», крутой, как «Дольче & Габбана», чувствую себя на «лабутенах») и становятся образцами для подражания. Для обычного человека эти брендовые товары, персоны, поведенческие паттерны и формируют поле культуры. Строго говоря, обыватель, в первую очередь, – не создатель культуры, а ее потребитель, он ее усваивает, использует и транслирует. Потребление культурных продуктов не противоречит творчеству, созданные произведения кто-то должен смотреть, слушать, т. е. потреблять, и в этом заключается культурная значимость обывателя. Во-вторых, именно обыватели – типичные носители культуры, обеспечивающие коммуникацию между достижениями в культуре и потребителями этих достижений. «Потребляя, он сохраняет, а затем воспроизводит достижения творцов, осуществляя их трансляцию, распространение в культуре, укореняя в ней. Из уникального достижения творческой мысли и деяния отдельной личности или творческого коллектива некий культурный феномен становится образом мысли и деятельности целой социальной группы или даже общества в целом» [13]. Будучи необходимым элементом культуры, обыватель активно критикуется «творцами» за свое отношение к потребляемому культурному продукту. Основные направления нападок – это стремление следовать шаблону (то есть отсутствие субъективности и креативности, консерватизм, желание присоединиться к большинству, конформизм, стереотипность мышления и восприятия). В устойчивых обществах доинформационной эпохи обыватель, скорее всего, был консерватором, поддерживающим господствующие в «медленном» обществе традиции, но современность с ее масштабными многочисленными изменениями, аномией и префигуративной моделью культурной трансмиссии (когда старшие учатся у молодых) заставляет его часто и многократно менять свои взгляды и поведение, чтобы приспособиться к текучей современности, и ме́ста для консерватизма в культуре современного обывателя не остается. Эта «гонка за современностью» делает обычного человека перевозбужденным и дезориентированным, поэтому он ищет поддержки и защиты в специфических культурных практиках, приносящих ему пусть эфемерное, но необходимое чувство стабильности и успокоения. Возможно, поэтому любимые визуальные жанры обывательского искусства – это мелодрамы и фильмы в жанре «хоррор». Неуверенный в себе и в мире обыватель неустойчивой современности подобен первобытному человеку, испытывающему схожую гамму чувств в диком лесу. У него включаются архаические защитные механизмы мифологической интерпретации, для которых характерна передача личного опыта на внешнюю природную или социальную среду. В итоге пугающая человека враждебная реальность становится антропоморфной, она наполнена названными, то есть знакомыми, предметами и персонами и поэтому не так опасна. «Впуская» таким способом окружающий мир в самих себя, «оживляя» и мифологизируя его посредством артефактов, архаические дикари привычно обозначали круг своих непосредственных жизненных интересов, что и позволяло им в итоге сформировать универсальную, коллективную, доцивилизационную ментальность, успешно прошедшую испытание многими тысячелетиями; создать свой «жизненный мир» как «царство изначальных очевидностей». Вот почему повсеместное появление в американских фильмах ужасов сюжетов, посвященных витализации самых различных древних артефактов, «свидетельствует об актуализации в пространстве современной массовой культуры всегдашней архаической потребности в персональном участии человека в мифическом пересоздании мира» [11]. Воинствующие чудовища, преследующие лишенного возможности осознать их силу человека, кровавые битвы, разворачивающиеся на экране, символизируют сражение современного обывателя с непокорной реальностью. Обычно единственный выживший герой фильма – очень хороший образец для подражания для обывателя-индивидуалиста, иллю-

зорного переживания спасения в одиночку. Мелодраматические сюжеты в большинстве своем, напротив, иллюстрируют трагедию обычного (иногда богатого, иногда бедного) человека, незаслуженно обиженного и помещенного в безвыходную ситуацию, из которой он/она с честью выходит при поддержке немногочисленного круга друзей и единомышленников. Переживание справедливого вознаграждения для героев и возмездия для врагов сродни сюжетам архаичных сказок, призванных продвигать образцы социально одобренного поведения в сообществе.

Образцы повседневного поведения в бытовой культуре современного обывателя – это создание «культурных кругов», по выражению уже упоминавшегося американского культуролога Джона Сибрука, в чем-то аналогичных «культурным кругам» Лео Фробениуса. И у Сибрука, и у культурных антропологов диффузионистского направления культурные явления и артефакты формируются только однажды и в конкретном месте в среде уникальных носителей культуры. Этот подход противостоит традиционному делению культуры в англоязычной традиции на highbrow – высокоинтеллектуальную, middlebrow – мелкобуржуазную, lowbrow – массовую культуру. В своей книге «Nobrow» Сибрук говорит о понятии «малого круга» – культурного сообщества, основанного на личных, интимных, уникальных предпочтениях. «Воплощением, важнейшей точкой пересечения различных “малых кругов” для меня является, например, YouTube: это площадка для поиска своих и своего, своего рода антиMTV. Большой круг – это массивные, глобальные, планетарные продукты: например, литературные и киноблокбастеры и другие явления, оказывающие влияние на локальные культуры и на малый круг» [15] .

Ключевое изменение в культуре обывателя определило появление социальных медиа. В мессенджерах и на сайтах типа «Пинтерест» обыватели прикрепляют или создают путем коллажирования культурные материалы (открытки, цифровые плакаты, флипбуки и прочее), которые они считают красивыми, остроумными и достойными ретрансляции. Это своего рода кураторское поведение обывателя, рекомендательный инструмент, продвигающий культуру путем демонстрации своих предпочтений. Обыватель таким образом разрушает иерархическую структуру культуры, противостояние элитарной и народной культур, господствовавшее веками.

В заключение хотелось бы сказать, что современный обыватель – это сложное, комплексное, многоуровневое явление, требующее дальнейшего внимательного и детального осмысления. Ценности обывательских миров порой сомнительны, но их существование неизбежно, поскольку обычные люди – это то большинство населения, которое определяет существование современного общества.

Литература

1. Батюта Е. А. Компетентный потребитель в имитационной культуре // Омский научный вестник. – 2008. – № 5 (72). – С. 122–125. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnyy-potrebitel-v-imitatsionnoy-kulture (дата обращения: 15.07.2021).

2. Бауман З. Текучая модерность: взгляд из 2011 года (лекция, прочитанная 21 апреля 2011 года в клубе «ПирОГИ на Сретенке» в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру») // Полит.ру : аналитический портал. – 06.05.2011. – URL: http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/ (дата обращения: 01.06.2019).

3. Белый А. Ф. Сологуб. – Public Domain, 2017. – URL: https://www.litres.ru/andrey-belyy/f-sologub/ (дата обращения: 18.08.2020).

4. Бергер П., Луман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.

5. Вальцев С. В. Об аксиотипе и его типах // Проблемы современной науки и образования. – 2012. – № 10 (10). – С. 9–15. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-aksiotipe-i-ego-tipah (дата обращения: 11.08.2021).

6. Восемь неопровержимых доказательств плоской Земли // Salik.biz : сайт. – URL: https://salik.biz/articles/68437-8-neoproverzhimyh-dokazatelstv-ploskoi-zemli.html (дата обращения: 11.08.2021).

7. Из автобиографии идей. Беседы М. А. Лифшица // Русская национальная философия в трудах ее создателей : сайт. – URL: http://www.hrono.ru/statii/2007/liphshiz_auto.html (дата обращения: 11.08.2021).

8. Козлова А. Л. Философия и обыватель: пароксизм противоречий // Alter Idem. – М., 2010. – Вып. 3 : Тотальность философского дискурса: проблема самоопределения современной философии. – С. 93–97.

9. Кронгауз М. А. Заметки рассерженного обывателя // Отечественные записки. – 2005. – № 2. – С. 8–17. – URL: https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/zametki-rasserzhennogo-obyvatelya.html (дата обращения: 17.07.2021).

10. Левинсон А. Обыватель и политика // Полит.ру : аналитический портал. – 05.05.2004. – URL: https://polit.ru/article/2004/05/05/levinson/ (дата обращения: 12.08.2021).

11. Маленко С. А. Не революция, но кинобунт: мистерии ужасных артефактов Голливуда в сражениях с потребительской идеологией // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2019. – Т. 29, № 3. – С. 255–261. – DOI: 10.35634/2412-9550-2019-29-3-255-261.

12. Малинина Т. Б. Человек в контексте социальных изменений четвертой промышленной революции // Наука и бизнес: пути развития. – 2018. – № 3 (81). – С. 163–166.

13. Малышев И. Обыватель как экзистенциальный тип и субъект культуры // Проза.ру : сайт. – URL: https://proza.ru/2010/12/12/398 (дата обращения: 15.08.2021).

14. Серто М. де Изобретение повседневности. 1 : Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 328 с.

15. Сибрук Дж. Культура – это манифестация разнообразия // Газета.ру. – 14.06.2012. – URL: https://www.gazeta.ru/culture/2012/06/14/a_4625417.shtml?updated (дата обращения: 15.08.2021).

16. Степанов С. С. Мифы и тупики поп-психологии. – Дубна : Феникс+, 2006. – 232 с. – URL: https://chugreev.ru/stepanov/myth.html (дата обращения: 12.08.2021).

17. Шибут И. П. Новые медиа – генератор «новой социальности»? // Электронная библиотека БГУ. – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/17164/1/Shibut29_nauch_.pdf (дата обращения: 15.08.2021).

18. Шихардин Н. В. Концепция повседневности в неомарксизме А. Лефевра // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7 : Философия. Социология и социальные технологии. – 2008. – № 1 (7). – С. 16–19. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-povsednevnosti-v-neomarksizme-a-lefevra (дата обращения: 10.08.2021).

19. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. – 2009. – № 8. – С. 3–13. – URL: https://ecsocman.hse.ru/data/487/399/1224/Shtompka.pdf) (дата обращения: 20.11.2020).

20. Щелкин А. Г. Повседневность с «неповседневной» точки зрения // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2016. – № 5. – С. 41–50.

Ekaterina Anatol'evna Batyuta,
Cand. Sci. (Philosophy), Director of the Center for Practical Psychology
and Psychoanalysis, Institute for Retraining and Advanced Training,
Ural Federal University named after the first President of Russia
B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)
Elena Valentinovna Belousova,
Cand. Sci. (Culturology), Associate Prof. at the Chair of Philosophy,
Bioethics and Culturology, Ural State Medical University (Yekaterinburg)

A Present Day Philistine: Three Worlds of Ordinary Man

Abstract. The article considers the phenomenon of a present-day man as a representative of three different worlds, which engross him and determine his worldview and perceptions. These

three areas are associated syncretically; they interpenetrate and change over. However, each of them has its laws and uniqueness. The first reality is the economic one, a new world after the fourth industrial revolution, the digital economy. The second world comprises so-called commonplace scientific views with their specific attitude to the search for truth. Finally comes the third – cultural – world of a middlebrow richly represented in mass media activities and mass culture.

Keywords: middlebrow; everyday life; consumer; digital environment; commonplace scientific views; commonplace philosophy; commonplace culture

УДК 130.2:793.3

Л. А. Мясникова, А. С. Полякова*

О соотношении понятий «танцевальная культура» и «хореографическая культура»

Аннотация. В статье рассматривается соотношение понятий «танцевальная культура» и «хореографическая культура». Их объединяющим началом является танец. На ранних этапах человеческого бытия танец – компонент единой синкретичной повседневной жизни людей. Танцевальная культура еще не вычленена в отдельную сферу, она только формируется. На более поздних этапах происходят дифференциация и усложнение культуры. «Танцевальная культура» обозначает уже особую уникальную совокупность сложившихся танцевальных приемов, техник, их смыслов – танцевальную традицию, а также мастерство исполнителей. «Хореографическая культура» появляется как результат не только дифференциации единой синкретичной культуры, но и ее институционализации, появления профессионального сценического творчества. «Танцевальная культура» становится технико-технологической частью хореографической культуры и через нее включается в художественную культуру общества.

Ключевые слова: танец; функции танца; танцевальная культура; хореографическая культура; художественная культура

В многочисленных исследованиях термин «хореографическая культура» зачастую выступает синонимом категории «танцевальная культура». Существует неопределенность и многозначность в восприятии этих терминов, в частности встречаются такие определения, как «танцевально-музыкальная культура», «танцевально-пластическая культура», «народная танцевальная культура», «музыкально-хореографическая культура», «танцевально-хореографическая культура», и другие.

Подобная многозначность имеет свои основания. Вместе с тем научный понятийный аппарат требует большей конкретики и однозначности, если даже речь идет о гуманитарных науках.

Целью данной статьи является выявление соотношения понятий «танцевальная культура» и «хореографическая культура». Объединяющим их началом является танец. Он оказывается важным элементом жизни людей от архаики до современности. Но и сам танец, его суть и функции трансформировались в процессе развития культуры и общества.

Этимология русского слова «танец» связана с польским «taniec», которое вошло в обиход в России в середине XVII века. Но это вовсе не значит, что сам танец как социокультурный феномен не существовал до XVII века. Старопольская форма «tanc» близка к немецкому «tanz» (известно с XII века), которое восходит к франкскому «danson» (тянуть, вытягивать; выстраивать в линию (VI–VIII вв.)) и сопрягается с современным «dance».

Л. Т. Дьяконова определяет танец как «особый способ художественной рефлексии, в рамках которого посредством ритмо-пластически организованных в пространстве и во времени движений тела создается особый тип художественного языка» [6, с. 157]. Но это не только язык. С помощью телесного танцевального

* **Людмила Анатольевна Мясникова**, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Анна Сергеевна Полякова, старший преподаватель факультета современного танца АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: postfolkdance@gmail.com.

© Л. А. Мясникова, А. С. Полякова, 2021

языка создается особая картина мира, природы, человека, этноса в мире. М. С. Каган представлял танец как форму особого пластического, художественно-образного, практически-духовного способа освоения действительности. Танец рассказывает о «связях с миром, об общественной ценности природы и бытия самого человека» [8, с. 248].

На разных этапах существования человечества танец не выделяется в особую автономную отрасль культуры. Его даже можно назвать искусством (либо слову «искусство» следует придавать смысл, значительно отличающийся от современного понимания). Человеческая жизнь еще не была жестко дифференцирована: еще нет отделения от природы, не структурировано ее внутреннее многообразие. Человек как представитель рода (и этноса) живет в мифическом мире, где «всё во всем». Слово-дело-вещь тождественны и взаимозаменяемы, профанное и сакральное переплетены, утилитарно-практические действия имеют духовный смысл. Каждая особая этническая группа людей, живущая в определенной природной среде, формирует представления о мире, фиксирует их и передает своим потомкам предметно-символическим способом. Танец здесь является компонентом синкретичного миропонимания, мироосвоения и рассказа о мире. Его природа стихийна, коллективна, анонимна, в нем есть и профанно-прагматическое и сакральное одновременно. Ритмичные танцевальные движения вплетены в ритуалы обретения экстаза – особого способа «общения с духами». «Экстаз» предполагает ряд смысловых аспектов: 1) пребывание вне себя; 2) бессознательность, обморок, транс, каталепсию; 3) состояние восторга души при неспособности телесного ощущения; 4) экзальтированное состояние чувственности, исключающее рациональное размышление и оценку; 5) переживание ярчайших картин общения с духами. Экстаз достигается с помощью особых телесных практик (особые ритмичные и круговые движения, которые сейчас можно обозначить как танцевание), речитативы, звуки бубна или других инструментов, специальные дыхательные техники, огонь, опьяняющие снадобья, нередко сексуальные техники. В результате достигается состояние «священного безумия» (термин Д. Н. Овсянико-Куликовского) – первой формы духовности человека, выходом из себя – животного на пути к себе – разумному [13, с. 90].

Шаманы, маги, участники вакханалий используют многие компоненты способов вхождения в экстаз, появившихся на ранних этапах становления человеческого мира и самого человека. Танец – один из центральных компонентов ритуала. Ритуально-магическая суть танца прослеживается и в охотничьих танцах-ритуалах, описание которых мы встречаем у культурных антропологов (Б. Малиновского, Э. Канетти и других). В танце-ритуале охотник также «выходит из себя», как бы «превращается», например, в антилопу, которую намеревается убить («я чувствую полосы антилопы на своем лице», «я чувствую кровь антилопы, текущую по ее ногам»). Это возможность соприсутствия иному сущему и возможность магического воздействия на природный мир.

Другим аспектом магического присвоения мира, воздействия на него являлись танцы-ритуалы высвобождения и возбуждения сексуальной энергии, либидо. Они, как правило, совпадали с особыми календарными периодами. Когда группа парней и девушек как бы соревновались друг с другом, танцуя и воспевая (иногда иронизируя) сексуальные способности и половые органы, нередко с их демонстрацией – они включались в процесс творения – плодородия и чадородия, стремились сексуальной энергией обогатить мир. Эти танцы трансформировались, но из народной культуры не исчезли (русская пляска, нередко дополненная «срамными частушками», карнавальные танцевальные шествия, представления шутов и другие также преследуют эти функции).

С помощью танца выражался и миропорядок, его ритмы, темпоральность и т. п. (русские хороводы, круговые коллективные танцы многих народов). Это ли не чудо, это ли не колдовство: человек, ощущая себя частичкой и воплощением всеобщности мира, природы, с помощью своего тела воздействовал на мир, управлял им, был его со-творцом. Ф. В. Ницше подчеркивал, что в танце тело человека становится произведением: «Его телодвижениями говорит колдовство» [14, с. 23].

На ранних этапах существования человечества сформировался культуроцентризм, противопоставление «мы» – «не-мы», «мы» – «чужие». «Мы» – представители своего рода-племени, этноса – считали себя настоящими людьми (что фиксируется в самоназваниях многих народов). «Не мы» же мыслились чужаками, не совсем полноценными людьми, может быть и сверх-людьми и не-до-людьми. Границы «своего» обозначались, фиксировались, соблюдались. И танец (а это именно народный танец) у разных групп людей, разных этносов складывался особым образом. История народного танца представляет полноту вариаций, смыслов, языков, образов жизни, миропредставлений. Итак, на ранних этапах становления человека и его мира есть танец, но вряд ли корректно говорить об особой танцевальной культуре как о какой-то автономной сфере этнической культуры. Она еще должна была выкристаллизоваться. Танец был частью повседневности и, вместе с тем, способом выхода из нее. С появлением государственности формировались и особые институты, религии, идеологии, познания и искусства и др., миф как основная мировоззренческая форма уже распадался, порождая иные формы, и существовал в них в превращенном виде. Танец тоже включался в иные мировоззренческие типы. На наш взгляд, именно в этот период и оформляется «танцевальная культура», предполагающая набор основных движений (язык танца), техники их исполнения, смыслов. Народный танец, народное искусство были естественной формой бытия людей. Но сакральные смыслы присвоила религия. Именно она устанавливала связь между профанным чувственным и сакральным мирами. Религиозные мистерии предполагали танцы. Существовали уже особые исполнители храмовых танцев, танцев увеселения правителей. Понятием «танцевальная культура» здесь можно обозначить все формы бытия танца. Но вряд ли корректно говорить о хореографической культуре.

Народный танец выполнял следующие функции:

- способ осуществления связи со «священным» (ритуальная/сакральная функция) – танец как первично-условный язык самовыражения человека, дающий «потоковое экстатическое переживание, выходящее за пределы “эго”, возможность быть очень разным, быть партнером в общем танце космических сил» [9, с. 53];

- способ освоения мира, выявления его значимых событий и их духовных ценностей-смыслов, что нераздельно с самовыражением человека (функции художественного освоения мира: познавательная, ценностно-интерпретационная, оценочная, проективная, экспрессивная – ее можно рассматривать и отдельно, как особую; см. далее);

- способ общения людей (коммуникативная функция) – танец всегда являлся способом духовного сближения, обмена информацией, взаимосвязи и общения людей. «Танец как таковой представляет собой эскиз или модель жизненно необходимой коммуникативной связи, сфокусировавшей в себе наиболее распространенные моторно-двигательные образцы, которые наиболее часто и успешно использовались в жизни большинством людей данной культурной общности», – отмечал А. Ломакс [22, p. 223];

- способ телесного (чувственного) выражения себя (экспрессивная функция) – внимательно наблюдая и улавливая впечатления от меняющегося окружающего мира, а также замечая различные события, связанные с присутствием себя в этом

мире, человек отмечал в себе эти эмоции, выражая их в различных телесных паттернах, демонстрирующих цельность человеческой натуры. Танец как игра и свободное, естественное самовыражение: «танец – это не действие, это присутствие… где главным действующим лицом является человек» [12, с. 11];

- способ коллективной суггестивности и накопления энергии;

- средство эмоциональной разгрузки (восстановительная функция) – танцуя, человек воспроизводил свою внутреннюю, духовную жизнь, со всеми ее чувствами, энергиями, ритмами, при этом освобождаясь от физического и эмоционального напряжения;

- способ собственной идентификации и индивидуализации (идентификационная функция) – телесная пластика является «частью бессознательно-чувственного, субъективно-эмоционального и интенционального опыта, приобретенного человеком (народом) на протяжении всей жизни. То есть танец не что иное, как репрезентация личности в пространстве» [20], где каждый танцующий идентифицирует свое «я» (кто я, какой я, к какой социальной группе, нации, культуре я принадлежу и пр.).

Э. А. Королева отмечает, что по форме бытия художественных образов, то есть по своему онтологическому статусу, танец является видом пространственно-временного искусства, художественные образы которого создаются «средствами эстетически значимых, ритмически систематизированных движений и поз» [10, с. 21]. Возникший как чувственно-эмоциональная, еще точнее – духовно-психосоматическая реакция на происходящие события, тесно перекликающаяся с обрядом и ритуалом, танец является зеркалом, «в которое культура смотрится, познавая в нем себя и… вместе с собою… отражаемый мир» [7, с. 15].

Итак, в своем полифункциональном художественно-творческом качестве танец проявился, прежде всего, как компонент танцевальной культуры.

Категория «танцевальная культура» в специализированной и иной литературе не разработана. В различных словарях [3, с. 603; 17, с. 339] танцевальная культура относится к множеству объектов и понятий, соотносимых с понятием «танец». Чаще всего под танцевальной культурой понимают: либо «грамотно выстроенное, наученное тело танцовщика» – то есть определенную технологическую характеристику исполнителя, и, как писала Л. Д. Блок, «как только мы имеем дело с разработанной танцевальной культурой – выворотность[1] налицо» [2, с. 17]; либо характеристику традиционной танцевальной культуры определенного народа, то есть ту уникальную совокупность сложившихся танцевальных традиций, выраженных в особой координации движений и приемов их соотношения с музыкой[2]. Существует также понимание танцевальной культуры как системы, в «общем виде представляющей собой способ бытования танца в повседневной культуре, то есть принадлежащей иерархии культура – культура повседневности – танцеваль-

[1] Выворотность – способность танцовщика к свободному развертыванию ног наружу от бедра до кончиков пальцев (стопа параллельно линии плеч). Выворотность – необходимое условие исполнения классического, характерного и народно-сценического танцев.

[2] В таком значении категория «танцевальная культура» встречается в многочисленных диссертационных работах, в том числе: Гутковская С. В. «Народная танцевальная культура белорусского Поднепровья» (1994); Лукина А. Г. «Традиционная танцевальная культура якутов: проблемы сохранения и развития» (1994); Мун Бюн Нам «Танцевальная культура Кореи: история и современность» (2001); Мухассеб Хуссам Элдин Хассан «Народная танцевальная культура Египта: проблема сохранения традиций» (2001); Кешева З. М. «Танцевальная и песенно-музыкальная культура кабардинцев во второй половине XX века» (2004); Белова А. С. «Межкультурные контакты Сирии и России: национальные традиции и классика в становлении и развитии сирийской танцевальной культуры» (2012); Чойган Херел-ооловна «Семантика традиционной танцевальной культуры тувинцев» (2021) и др.

ная культура, где танцевальную культуру следует считать микрокультурой в границах повседневной культуры» [16, с. 6].

Как уже отмечено ранее, танцевальная культура формировалась на ранних этапах истории человечества, где она была непосредственно вплетена в жизнь людей (ее ритуально-сакральная основа, традиционность и преемственность в передаче опыта и т. п.). Она предполагала как технологические элементы (в частности, танцевальный язык), так и особые смыслы (в том числе танец в совокупности с народным костюмом, структурой обряда и т. п.) и выражала коллективное состояние, актуальную на тот момент «картину мира», воспринятую коллективом и доносимую до других, которая не всегда даже осознавалась. Танцевальная культура – культура непосредственного исполнения танца, т. е. танцевания (его способы, средства, традиции, сохраняющие все это, и все, что обеспечивает воспроизводство, сохранение и развитие). Институционализация на ранних этапах еще отсутствовала и танец традиционно передавался из поколения в поколение. Вся танцевальная культура рождается из танца и обеспечивает воспроизводство и развитие его в народных (фольклорных) формах. Постепенно, под все большим отторжением человеческого общества от природы, выходом к автономизации, танцевальная культура перешла в технологические приемы и исполнительское мастерство, то есть став больше технологической характеристикой. С появлением сценического танца (то есть с профессионализацией танца) танцевальная культура становится частью хореографической культуры, внутри которой взаимодействует с другими ее компонентами и искусствами.

Хореографическая культура связана, прежде всего, с превращением стихийно-народно-синкретического, вплетенного в обыденность танцевания, в некую специальную деятельность, в которой появляются: специальные приспособления для нее (включая управляющих субъектов – балетмейстеров и хореографов, педагогов и т. п. – то есть тех, кто занимается организацией и постановкой этого танцевального действия); институциональные формы; активные взаимодействия с другими формами – близкими, родственными сценическому искусству и т. п. Хореографическая культура – культура хореографической деятельности: творчества, трансляции, сохранения, восприятия и развития танцевальных постановок, любых сочинений для танцевального исполнения.

Хореографическая культура является подсистемой художественной культуры и представляет собой весь комплекс, связанный с танцевальным искусством: исполнительские и хореографические практики (творчество) разных видов и типов, их практическое мастерство, а следовательно – различные технологии и техники (средства) хореографического и танцевального творчества; методики преподавания танцевальных дисциплин (танцевальная педагогика), систему хореографического воспитания и подготовки специалистов (исполнителей, педагогов, хореографов и балетмейстеров, продюсеров, менеджеров); науку записи танца[3]; науч-

[3] На сегодняшний день нет общепринятого термина, обозначающего систему записи танцевальных движений. Начиная с 1700 года (термин «хореография» был введен еще французским учителем танцев Р. Фёйе) предпринимались различные попытки обозначить область данной дефиниции (1852 год – в книге «Стенохореграфия…» балетмейстер А. Сен-Леон попытался зафиксировать развитие танца в пространстве, включив понятие «кулис» и дав некоторые определения для каждого движения ног, рук, головы и корпуса; в 1890 году А. Цорн в своем труде «Грамматика танцевального искусства и хореографии» усовершенствовал некоторые положения, данные А. Сен-Леоном; в начале XX века артист петербургского балета В. Степанов предложил осуществлять фиксацию движений с помощью нотнолинейной записи (когда определенные знаки располагались на нотном стане), с ее помощью были записаны более 26 балетов Мариинского театра; в 1926 году танцовщик и основатель направления «экспрессивный танец» Рудольф фон Лабан создал свою систему записи танца – лабанотацию («лабанотейшен»), в основе которой была теория выразительного жеста Ф. Дельсарта; в 1940 году в СССР вышла книга С. Лисициан «Запись движения», где зафиксирована авторская система наиболее простой и полной записи

ные исследования по вопросам теории, истории и практики танца; формы междисциплинарных связей (коллаборации с другими видами искусств – театром, музыкой); формы и способы организации всех видов деятельности в сфере танцевального искусства (институты хореографической культуры).

В различных исследованиях термин «хореографическая культура» определятся по-разному. По мнению И. В. Степанюк, хореографическая культура является «целостной системой художественных смыслов с соответствующей логикой культурно-исторического процесса, которая обращена к человеческой субъективности… она предстает… как палитра связей с другими видами искусства; как исполнительская культура и развитие хореографических умений и навыков; как импровизация формы и интерпретация художественно-эстетического содержания музыкально-танцевальных произведений, выявление специфики образного языка искусства художественных форм» [18, с. 12]. Во многом можно согласиться с предложенным автором определением, но в нем отражены не все аспекты хореографической культуры. Н. А. Терентьева придерживается той точки зрения, что «хореографическая культура – это часть художественной (музыкально-театральной) культуры, обособленная системой создания и трансляции художественных ценностей и представляющая специфику формирования и функционирования субъектно-содержательных компонентов балетного искусства… есть категория, распространяемая на профессиональное, субъектно-содержательное поле балета» [19, с. 247]. Данное определение включает в себя иные аспекты, не рассмотренные предыдущим исследователем. Но оно не включает в себя область народной (традиционной) танцевальной культуры, а также область современной хореографической культуры. То есть, по мнению автора, термин «хореографическая культура» сводится только к области балетного искусства. Но это не так. К тому же оно почему-то сводит профессиональную культуру к «субъектно-содержательной» стороне, забывая об объективных (надличных) формах ее существования и функционирования.

Хореографическая культура как единая художественная система включает в себя духовно-содержательный, морфологический и институциональный аспекты.

Духовно-содержательное измерение хореографической культуры базируется на духовных представлениях культуры определенного времени и типа, разделяемых танцевальным сообществом, и обусловливается содержательными социально-духовными целями искусства, конкретными задачами художественно-творческого преобразования-освоения мира. Процесс художественной трансформации включает в себя познание «картины мира», ее ценностное осмысление и, как следствие, формирование у каждого автора собственного творческого метода освоения («авторского языка»), а в целом – определение какого-либо танцевального направления (стиля) в хореографическом искусстве. Во многом на формирование духовно-содержательного аспекта хореографической культуры влияет идеологическая составляющая. К примеру, балетный театр в России (условно с XVIII века) активно поддерживался государственными структурами, где искусство не только «содержалось», но и рекомендовались идеи и направления для хореографических постановок и т. д. В эпоху соцреализма хореографическая культура беспредельно подчинялась диктату идеологии «научного коммунизма».

С точки зрения морфологического измерения хореографическая культура представляет собой пространство, где взаимодействуют различные виды искусства (музыка, литература, архитектура, пантомима и т. п.), каждый из которых «поставляя» свои «идеи, чувства, взгляды на мир и на человека, идеалы» [21,

человеческого телодвижения – кинетография; в том же 1940 году, но уже в Нью-Йорке, было организовано Бюро записи танца, на базе которого в 1956 году опубликована система условных обозначений положений тела в сценическом пространстве Дж. Бенеша.

с. 45], «внедряет» их в хореографическую культуру. Но центром и доминантой выступают языки и формы самого танцевального искусства. В результате этого сложного процесса творческих коллабораций появляются уникальные художественные произведения (от танцевальных миниатюр до полноформатных спектаклей).

Институциональный характер хореографической культуры включает в себя различные институции (от небольших танцевальных студий, компаний до театров и фестивалей, хореографических школ, училищ, вузов), основной задачей которых является создание условий для творческого производства (хореографического обучения, создания спектаклей, трансляции хореографических работ и т. п.) и художественного потребления (организация форм восприятия публикой этих хореографических творений). В частности, формирование придворного балета в России явилось первичной специализированной институционализацией. Уже в XXI веке институциональность хореографической культуры выражена в двух направлениях (профессиональном и самодеятельном/любительском): студии, танцевальные компании, ансамбли танца, детские хореографические школы, колледжы и вузы, театры балета, фестивальное движение, танцевальные лагеря и т. п.

В частности, художественное производство, выражающееся в организации и существовании всевозможных хореографических институций разного уровня (студии, компании, театры), предполагает сотворческий процесс между хореографом и танцовщиками, педагогами и танцовщиками, продюсерами, менеджерами и хореографом и т. д. Результатом их деятельности являются художественные произведения (спектакли, миниатюры, перформансы и т. п.) – художественные ценности хореографической культуры.

Созданные в сотворческом процессе художественные ценности демонстрируются публике на сценических площадках разного уровня. Таким образом, происходит процесс художественного потребления, в котором, в том числе, идет процесс формирования широкой зрительской аудитории с соответствующим типом мышления, мировоззрения. Зрительский отклик, в свою очередь, влияет на дальнейшую жизнь каждого художественного произведения.

Коммуникативная составляющая выражена в создании условий для взаимодействия зрителя (публики) и тех, кто работает над созданием спектакля. Так, в современной хореографической культуре активно используется прием «обсуждение после просмотра» — по окончании спектакля каждый зритель волен высказать свое мнение по поводу увиденного, дать ему художественную оценку, сформировать свое отношение. Данная форма коммуникации нацелена на «информационный обмен и общение между творцами и зрителями; творцами и критиками; творцами и творцами; творцами и театральными продюсерами, менеджерами, спонсорами; творцами и представителями государственных структур управления художественной культурой» [11, с. 100].

Процесс осмысления художественных ценностей обнаруживает всё новые интерпретации происходящего, обеспечивая не только их уяснение и обновление, но и их преемственность.

Необходимо проследить и различные взаимодействия хореографической (и включенной в нее танцевальной) культуры с другими видами искусства.

В частности, взаимодействуя с философией и эстетикой, танцевальное искусство обращает внимание на способность к чувственному восприятию, осмыслению, познанию мира, художественную интерпретацию и оценку. Накапливая и сохраняя исторический опыт, прослеживает взаимосвязь процессов развития танцевального искусства на разных культурно-исторических этапах, перерабатывая этот опыт в разных хореографических практиках, сопрягая танцевальное действие со средствами других искусств. Отдельные математические понятия легли в осно-

ву системы классического танца (а впоследствии характерного танца, народно-сценического танца и других танцевальных направлений): счет (расклад движения на составные части согласно музыкальному размеру) и описание танцевальной комбинации по счету (всегда кратно восьми), градусы[4], положение тела в пространстве (позы[5]), план класса[6], уровни[7] и другие. А в композиции танца основные геометрические фигуры стали применяться при описании расположения исполнителей по сценической площадке (круг, треугольник, диагональ, квадрат и т. п.). Знания анатомии и биомеханики стали основой исполнительской техники, где «достижение выразительности движения лежит через точное координированное его исполнение, через идеальное владение мышечным (двигательным) аппаратом» [15, с. 65]. В области педагогики эти взаимовлияния проявились в одном из ярких направлений хореографической культуры – танцевальной педагогике, а во взаимодействии с психологией – в танцевально-двигательной терапии. Тесная связь хореографической культуры прослеживается с изобразительным искусством и архитектурой, причем не только в театрально-декорационном искусстве – сценографии. Часто картина, скульптура являются для авторов и исполнителей визуально эстетическими образами, побуждающими к творчеству и эксперименту. Ярким примером может стать спектакль «Триптих на темы Родена» (или «Роденовский цикл») хореографа Л. Якобсона, премьера которого состоялась в 1958 году на сцене Кировского (Мариинского) театра. В этой связи отдельно хотелось бы выделить хореографическое искусство XX века, когда к работе над созданием балетных спектаклей привлекались художники (в частности, Н. К. Рерих, А. Н. Бенуа, Л. С. Бакст, С. Б. Вирсаладзе и многие другие)[8], отчего представление о танце «как движущейся живописи было созвучно идее цвета в движении, в непрерывном его изменении в зависимости от мизансцены, фона, освещения, взаимодействия с другими элементами» [4, с. 315]. Нельзя не отметить связь музыки и хореографического искусства, которое предполагает их тесное взаимодействие и взаимопроникновение, где каждый из них, сохраняя свою относительную автономность, не только обогащает другое и придает ему неповторимую окраску, но и влияет на художественную составляющую в целом. К примеру, «симфонический танец» [5, с. 25] – подобный симфонической музыке, их сходство выражается в поэтической обобщенности лирико-драматического содержания, в полифонической структуре тематической разработки и динамической композиции форм. Здесь необходимо выделить такие творческие объединения композитора и балетмейстера, как союзы П. И. Чайковского и М. И. Петипа, И. Ф. Стравинского и М. М. Фокина и др. А также понятие «танцевальный симфонизм» – направление, о котором впервые заговорил балетмейстер Ф. В. Лопухов, которое можно оха-

[4] В классическом танце данный термин условно означает угол, образованный поднятой ногой по отношению к вертикальной оси тела. Одно из наиболее распространенных положений – нога, отведенная до уровня бедра (образующая прямой угол), поднята на 90° (об этом см.: [1, с. 75]).

[5] Поза – определенное положение корпуса, ног, рук и головы. Основные позы классического танца: croisée, effacée, écartée и четыре arabesques. Позы разделяются на большие и малые в зависимости от того, поднята отведенная нога или находится на полу (об этом см.: [1, с. 215]).

[6] Понятие, означающее систему нумерации сторон и углов танцевального класса (являющегося прообразом сцены) и служащее для точности определения положения танцовщика в пространстве сцены. Общепринятой является нумерация А. Я. Вагановой (об этом см.: [1, с. 210]).

[7] Понятие «demi» (*фр.* полу-, наполовину) – термин указывает на исполнение только половины движения, и «grand» (*фр.* большой) – обозначает максимально выраженную сущность движения.

[8] Прежде всего, это художники объединения «Мир искусства», в том числе: Н. К. Рерих, А. Н. Бенуа, Л. С. Бакст, В. А. Серов, А. Я. Головин, Н. С. Гончарова, М. Ф. Ларионов и другие. Позже, в сотрудничестве с балетмейстером Ю. Н. Григоровичем активно работал художник С. Б. Вирсаладзе.

рактеризовать как явление, где композиция и в целом построение танцевальных форм основывается на принципах музыкального формообразования.

В заключение отметим, что танцевальная культура складывалась на ранних этапах истории человечества, где танец был непосредственно вплетен в жизнь людей. С дифференциацией и усложнением жизни людей, их мира и мировоззрения танцевальная культура уже существует: через вплетенный в повседневность танец, через танцы, включенные в религиозные социальные институты, и через более специализированную деятельность танцоров при дворцах правителей. Постепенно танцевальное искусство выделяется в более или менее автономную сферу жизни людей. С появлением сценического танца (то есть с профессионализацией танца) танцевальная культура становится частью хореографической культуры, внутри которой взаимодействует с другими ее компонентами и искусствами. Под «танцевальной культурой» понимается определенная техническая характеристика танцовщика либо характеристика традиционной танцевальной культуры определенного народа (то есть уникальная совокупность сложившихся танцевальных традиций, выраженных в особой координации движений и приемах их соотношения с музыкой). Хореографическая культура представляет собой автономную систему, определяемую социокультурным и художественным контекстом эпохи в общей эволюции культуры, и связана, прежде всего, с превращением стихийно-народно-синкретического, вплетенного в обыденность танцевания в некую специальную деятельность: творчества, трансляции, сохранения, восприятия и развития танцевальных постановок, любых сочинений для танцевального исполнения.

Литература

1. Балет. Танец. Хореография : краткий словарь танцевальных терминов и понятий / сост. Н. А. Александрова. – СПб. : Лань : Планета музыки, 2008. – 414 с.
2. Блок Л. Д. Классический танец : история и современность / вступ. ст. В. М. Гаевского. – М. : Искусство, 1987. – 556 с.
3. Большой толковый словарь русского языка : современная редакция / Д. Н. Ушаков. – М. : Дом Славянской кн., 2008. – 959 с.
4. Бочкарева О. В. Диалог видов искусства в «Русских сезонах» С. П. Дягилева // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 6. – С. 314–318
5. Ванслов В. В. Статьи о балете. Музыкально-эстетические проблемы балета. – Л. : Музыка, 1980. – 191 с.
6. Дьяконова Л. Т. Танец как феномен культуры // Общество. Среда. Развитие. – 2011. – № 3. – С. 155–158.
7. Каган М. С. Искусство как феномен культуры // Искусство в системе культуры. – Л. : Наука, 1987. – С. 15.
8. Каган М. С. Эстетика как философская наука : унив. курс лекций. – СПб. : ТК «Петрополис», 1997. – 543 с.
9. Козлов В. В., Гиршон А. Е., Веремеенко Н. И. Интегративная танцевально-двигательная терапия. – СПб. : Речь, 2006. – 286 с.
10. Королева Э. А. Ранние формы танца. – Кишинев : Штиинца, 1977. – 216 с.
11. Курюмова Н. В., Коротаева Е. В. Фестиваль современного танца как способ существования и развития современного танца в России // Вестник Гуманитарного университета. – 2019. – № 1 (24). – С. 90–102.
12. Мельдаль К. Поэтика и практика хореографии / пер. с англ. И. Богданова, О. Мичковского. – Екатеринбург : Москва : Кабинетный ученый, 2015. – 104 с.
13. Мясникова Л. А. Духовность // Философская антропология : Актуальные понятия : учеб. пособие под общ. ред. д. ф. н., профессора Е. С. Черепановой ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 90.

14. Ницше Ф. В. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 1/1 : Рождение трагедии. Из наследия 1869–1873 гг. / пер. с нем. В. Бакусева, Л. Завалишиной и др. ; общ. ред. И. А. Эбаноидзе. – М. : Культурная революция, 2012. – 416 с.

15. Пыжикова В. В. История и состояние проблемы анатомии движения в педагогике хореографического искусства // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2014. – № 79. – С. 64–68.

16. Самойленко Е. В. Феномен танцевальной культуры: особенности генезиса, функционирования и трансформации (на материале культуры России XX–XXI вв.) : отчет о НИР. – Екатеринбург : ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», 2012. – 137 с.

17. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. А. П. Евгеньева. – 2-е изд., испр. и доп. – Т. 4 : С-Я. – М. : Русский язык, 1988. – 800 с.

18. Степанюк И. В. Хореографическая культура как феномен народной культуры // Наука 21 века: вопросы, гипотезы, ответы. – 2015. – № 3 (12). – С. 12–15.

19. Терентьева Н. А. Концептуализация понятия «хореографическая культура»: содержательно-субъектное поле балетного искусства // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2012. – № 9. – С. 242–250.

20. Удовыдченкова М. А. Искусство танца как знаковая система в идентификации этноса // Inter-Cultur@l-Net. – 2010. – № 9. – URL: https:// my-luni.ru/journal/clauses/26/ (дата обращения: 20.07.2021).

21. Художественная культура в докапиталистических формациях: структурно-типологическое исследование / под ред. М. С. Кагана. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1984. – 303 с.

22. Lomax A. Folk Song Style and Culture. – Washington, 1968. – 386 p.

Lyudmila Anatol'evna Myasnikova,
Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Professor at Tourism
and Hospitality chair, Liberal Arts University –
University for Humanities (Yekaterinburg)
Anna Sergeevna Polyakova,
Senior lecturer of Contemporary Dance Department,
Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

On the Relationship between the Concepts of Dance Culture and Choreographic Culture

Abstract. The article examines the relationship between the concepts of dance culture and choreographic culture. Their uniting principle is dance. In the earliest stages of human history, dance used to be a component of a single syncretic everyday life of people. Dance culture had not been isolated into a separate sphere yet; it was under formation. At later stages, there occurred a differentiation and complication of culture. «Dance culture» already denoted a unique set of established dance techniques, actions, their meanings – the dance tradition, as well as the skill of the performers. Choreographic culture does not appear as a result of the differentiation of a single syncretic culture. It also stems from its institutionalization and the emergence of professional performing art. Dance culture has become a technical and technological part of the choreographic culture. And through it, it is included in the artistic culture of society.
Keywords: dance; dance functions; dance culture; choreographic culture; art culture

УДК 061.4

О. В. Крутеева*

Современная галерея: практика, институция, институт

Аннотация. Автор обращается к современной галерее как к социальной формации, занимающейся сохранением, развитием и приращением культурного капитала. С одной стороны являясь финансовым механизмом, увеличивающим экономическую стоимость произведений искусства, с другой – галерея выступает некой институцией, превращающей ценности материальные в культурный капитал.
По мнению автора, в рамках галереи соединено множество практик: коммуникативных, музейных, кураторских, объединенных неким «каркасом» законов и правил. Не пройдя до конца процесс институализации, современная галерея выражает динамику культурных процессов, актуализируя произведения искусства, соединяя зрителя и автора в своем пространстве.
Ключевые слова: галерея; социально-культурные практики; социальные институты; институции; галерейные практики

Рассмотрение такого культурного феномена, как «современная галерея», невозможно начать без обращения к истории его возникновения. Само слово «галерея», его этимология, не совсем ясны. Как пишет Н. Суворов, «его нет в классической латыни, оно появляется только в X в. в вульгарной латыни (galleria), обозначая в Риме “портал церкви”» [7, с. 37]. Прослеживается аналогия и с греческим gale, где этим словом обозначали вид портика. В начале XIV века слово galeria появляется во французских документах, предположительно имея отношение к старофранцузскому galer (веселиться, радоваться). Но предназначались ли галереи для развлечений, достоверно не известно. Существует предположение, что в открытых галереях, окружавших во времена Возрождения дворцы патрициев, выставлялись «античные статуи и фрагменты резных мраморных построек» [Там же], что, вполне вероятно, и послужило прообразом современных галерей.

С течением времени функции галереи изменялись. Крытая галерея для прогулок, место для представлений и торжеств, позднее – помещение для размещения картин и статуй, зал для приемов и одновременно выставочное пространство для экспонирования различных коллекций. Сегодня галерея – это, прежде всего, помещение, специально устроенное для обозрения произведений искусства, а кроме того, «государственное, общественное или частное предприятие, постоянно занимающееся экспонированием, хранением, изучением и пропагандой произведений изобразительного искусства» [7, с. 37]. Кроме того, галерея ведет еще и коммерческую деятельность, выступая «издателем» для художников и одновременно «биржевым маклером» для клиентов. То есть галерея представляет собой некий финансовый механизм, создающий экономические ценности на основе ценностей художественных [5, с. 254–265].

Рассматривая галерею в качестве производителя экономических ценностей, А. Моль отмечает следующие основные, характерные для галереи, черты:

– соединение функции производства и продажи: галерея представляет собой цех по сборке коллекций из отдельных произведений, изготовленных подрядчиками (художниками) по договору с галеристом;

* **Ольга Владимировна Крутеева,** кандидат культурологии, Галерея декоративно-прикладного искусства «АРТ-птица» (г. Екатеринбург).

© О. В. Крутеева, 2021

– реализацию нематериальных инвестиций, не имеющих ничего общего с простой рекламой, которая заключается, например, в рисунке, размещенном на обертке товара;

– влияние на узкий рынок, оказываемое галереей при продаже произведения искусства;

– обеспечение оборота производимых ею предметов культуры, позволяющего «проникнуть» на рынок, учитывая степень «износа» стиля какого-нибудь художника или недостаточную новизну создаваемых им работ и т. д. [5, с. 254–265].

Но А. Моль указал и еще на один, по нашему мнению, наиболее важный аспект: галерея не только делает возможным сохранение этих ценностей, но и выступает отправной точкой в процессах развития и приращения культурного капитала. «В своем идеальном воплощении галерея является пространством, формирующим представление о современном искусстве», обеспечивая движение актуальных культурных ценностей [3, с. 13]. А галерейная практика становится, по словам П. Бурдье, «рынком символических благ» [1]. Ведь в своем поиске необычных форм и направлений искусства, открытии новых имен для широкой публики, галерея и само выставочное пространство превращает в некое произведение искусства, особый «текст», генерирующий новые смыслы, рождая новые культурные ценности, что, в свою очередь, ведет к «росту символического капитала, заключенного в произведениях художника» [7, с. 49]. При этом галерист выступает не просто в качестве «торговца» искусством, «он – тот, кто может объявить ценность защищаемого автора… вкладывая “свой престиж” в его пользу, действуя как “символический банкир”, давая обещания под гарантию всего своего накопленного символического капитала» [2, с. 181]. «Создавая имя» художнику (скульптору, мастеру, автору), галерея увеличивает свой экономический капитал, но при этом она увеличивает и капитал символический, не только повышая свою ценность, но и в дальнейшем влияя на развитие современного искусства. Поиск экономической выгоды заставляет галериста искать новые таланты, необычные художественные техники, открывать новые направления в искусстве, создавать коллекции не только локального и регионального, но и мирового уровня, тем самым приумножая их культурный капитал.

Говоря о современной галерее как о практике по формированию и сохранению культурного капитала, нужно отметить, что это, скорее, целый спектр практик, который включает в себя и выставочные, и коммуникативные, и музейные, и кураторские практики. Причем последние занимают все более заметное место не только в пространстве современной галереи, они встраиваются в public relations, рекламу, в культурное производство и творчество. Куратор сегодня не просто «хранитель» вверенной ему коллекции, он – автор, вернее, *соавтор* художника (мастера) в пространстве галереи. Именно куратор побуждает зрителя не просто созерцать предметы искусства, он открывает для него их новое прочтение, заставляет зрителя взаимодействовать с ними. Куратор становится посредником, «медиатором» в цепочке зритель – куратор – художник, а «курирование придает значение искусству через представление и обсуждение» [6, с. 47].

Отметим, что вышеперечисленные практики мы относим к практикам социокультурным, то есть к тем, которые соединяют между собой практики повседневности и художественные практики, вводя последние в повседневную жизнь. Данные практики мы связываем, прежде всего, с деятельностью по сохранению и передаче культурных ценностей, их актуализации в современном мире. Они включают в себя взаимосвязь как духовных, так и социальных факторов функционирования общества, переход к новым качественным параметрам всей социокультурной системы. Выступая неким «адаптивным механизмом», социально-культурные практики позволяют индивиду встроиться в контекст социальных и

культурных процессов, производя, потребляя и тиражируя культурные ценности, создавая, таким образом, «вторичную среду обитания». «Эта среда, которая и есть, собственно, не что иное, как культура, должна постоянно воспроизводиться, поддерживаться и регулироваться» [4], что ведет не просто к сохранению человеческого общества, но дает новый виток в его развитии, выходя на следующий культурный уровень. Эти процессы ведут к образованию социально-культурных институтов, которые становятся жестким каркасом, ограничивающим в своем поле те или иные практики, подчиняя их своим правилам и законам, но, с другой стороны, обеспечивают их сохранность во времени.

Является ли современная галерея таким институтом? Сформировался ли тот «каркас» законов и правил, сохраняющий галерею и ограничивающий ее в своем поле? В нашем понимании – нет. Несмотря на то что галерея стремится стать институтом, обеспечивающим движение «актуальных культурных ценностей», она находится только в начале пути институализации, когда, с одной стороны, она неустойчива и беззащитна, но, с другой, – способна сохранять динамику развития. Современная галерея ищет новые способы и формы своего функционирования: арт-салон, мастерская художника, интерактивная площадка, на которой проводятся мастер-классы, лекции по искусству, презентации книг и альбомов, спорные выставки и аукционы работ современных мастеров, появляются online-галереи, проводящие виртуальные выставки. Меняют галерейные практики и выставочное пространство, преобразуя его в произведение искусства. В качестве примера можно привести один из первых экспериментов с выставочным пространством, проведенный Третьяковской галереей. Речь идет о выставке И. К. Айвазовского, организованной музеем (при этом можно говорить о галерейных и кураторских практиках в рамках музея) на своей площадке на Крымском валу в 2016 году.

Само пространство выставки было организованно таким образом, что погружало зрителя внутрь творчества мастера. Созданный «эффект присутствия» предполагал погружение в изображение картин, подобно современному 3D-эффекту. Экспозиция (помимо картин художника) была наполнена макетами компасов, кораблей, подзорных труб, глобусов, что делало центральной фигурой самого зрителя, заставляя «пропускать через себя» мастерство автора.

Сегодня галереи стоят на перепутье своего развития (а мы говорим, прежде всего, о галереях российских). Институциональная несформированность оставляет их незащищенными. Именно поэтому многие галереи современного искусства прекращают свое существование. К сожалению, так произошло с галереей Марата Гельмана, которая была одной из первых российских частных галерей современного искусства. Открытая в 1990 году, галерея была закрыта в 2012-м. Переформатировала свою деятельность галерея «Раджина», закрылась галерея «Айдан», став студией для коллектива художников. Основной причиной этих процессов, по словам М. Гельмана, стало «сворачивание рынка современного искусства в России». Однако это не единственная причина. Как уже говорилось выше, институциональная несформированность не дает галерейным практикам той устойчивой платформы, благодаря которой они способны сохраняться во времени.

Есть ли выход в данной ситуации? Думается, да. Ведь те галереи современного искусства, которые включают в круг своей деятельности, казалось бы, несвойственные галерее практики (а это и практики туризма, и новые online-практики, выносящие искусство вовне через уличные выставки и перформансы), продолжают свое существование. Используя институциональную несформированность в качестве стимула для эксперимента, для своего развития, галерея становится пространством, в котором формируется представление о современном искусстве, той институцией, которая обеспечивает движение актуальных культурных ценностей, преобразуя капитал экономический в капитал культурный.

Литература

1. Бурдье П. Рынок символической продукции / пер. с фр. Е. Д. Вознесенской // Вопросы социологии. – 1993. – № 1/2. – С. 49–62.
2. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / отв. ред. пер., сост. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2014. – 562 с.
3. Карпов А. В. Художник в мире современного российского арт-бизнеса // Современный художественный рынок России: вопросы становления и развития : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 31 января 2006 г.) / ред. Т. Е. Шехтер, А. В. Карпов. – СПб. : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2006. – С. 7–20.
4. Малиновский Б. Научная теория культуры / пер. с англ. И. В. Утехина ; сост. и вступ. ст. А. К. Байбурина. – М. : ОГИ, 2005. – 184 с.
5. Моль А. Социодинамика культуры : пер. с фр. – Изд. 3-е. – М. : Изд-во «ЛКИ», 2008. – 416 с.
6. О'Нил П. Культура кураторства и кураторство культур(ы) / пер. А. Боровикова. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. – 270 с.
7. Суворов Н. Галерейное дело. Обращение произведений искусства. – СПб. : Лань, 2015. – 286 с.

Olga Vladimirovna Kruteyeva,
Cand. Sci. (Cultural Studies), Decorative and Applied Art
Gallery ART-bird (Yekaterinburg)

Present-Day Galley: Practice, Institution, Institute

Abstract. The author interprets present-day gallery as a social formation engaged in storage, development and accumulation of cultural capital. On the one hand, it is a financial mechanism that increases the economic value of artworks. On the other, it acts as a particular institution that transforms material items into cultural capital.
In the author's view, the gallery comprises a host of practices unified by a kind of framework of regularities and rules. Not having completed the process of institualization yet, the present-day gallery expresses the dynamics of cultural processes actualizing works of art and uniting viewers and authors in its space.
Keywords: gallery; sociocultural practices; social institutes; institutions; gallery practices

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

И. С. Огоновская, С. И. Глушкова*

Историческая память поколений: роль педагогического сообщества в сохранении и приумножении исторических и культурных традиций российского общества (обзор материалов межрегиональной конференции)

5 августа 2021 г. в Мультимедийном историческом парке «Россия – Моя история. Свердловская область» (г. Екатеринбург) состоялась межрегиональная научно-практическая педагогическая конференция «Историческая память поколений: роль педагогического сообщества в сохранении и преумножении исторических и культурных традиций российского общества». Это была 15-я по счету конференция, проведенная в Свердловской области по инициативе Уполномоченного по правам человека в Свердловской области, Ассоциации преподавателей права Свердловской области «Правовое образование – XXI век», юридического факультета Гуманитарного университета. В 2021 г. соорганизаторами педагогического форума стали Мультимедийный исторический парк «Россия – Моя история. Свердловская область», Свердловское региональное отделение Российского исторического общества, департамент «Исторический факультет» Уральского федерального университета.

Участие в конференции приняли 69 человек, в том числе 60 педагогов Свердловской области, представлявших города Екатеринбург, Нижний Тагил, Новоуральск, Полевской, а также Белоярский городской округ, Алапаевское и Нижнесергинское муниципальные образования. Заочно в конференции участвовали представители Болгарии, Москвы, Тюмени, Златоуста, Челябинска. В обсуждении проблемы исторической памяти наряду с учителями и педагогами дополнительного образования активно участвовали представители академической науки (Институт философии и права УрО РАН), преподаватели высших (УрГПУ, УрФУ, Гуманитарный университет, РГППУ) и средних профессиональных (Свердловский областной педагогический колледж, Свердловский областной медицинский колледж) учреждений, специалисты Института развития образования, Свердловского областного краеведческого музея, а также Музея истории Екатеринбурга, Мультимедийного исторического парка, Свердловского регионального центра Президентской библиотеки, члены общественных организаций «Добровольцы Урала», «Российская Макаренковская ассоциация», «Ассоциация педагогов – выпускников исторического факультета УрФУ (УрГУ)» и др.

Темами для обсуждения стали следующие: «Историческая память как социокультурный феномен», «Историческая память как инструмент воспитания гражданина и патриота России: коммеморативные практики в образовательном процессе», «Роль музейной педагогики в процессе формирования и развития исторической памяти поколений», «Историческая память в контексте исторического опыта: актуальные ориентиры исторического образования в современной России», «Роль школьных предметов в формировании ценностного отношения обу-

* **Изабелла Станиславовна Огоновская,** советник министра образования Свердловской области, председатель Ассоциации преподавателей права Свердловской области, доцент СУНЦ УрФУ, канд. ист. наук (г. Екатеринбург).

Светлана Игоревна Глушкова, завкафедрой прав человека, профессор Гуманитарного университета, председатель Свердловского регионального отделения РАПН, д-р полит. наук (г. Екатеринбург).

© И. С. Огоновская, С. И. Глушкова, 2021

чающихся к истории и культуре большой и малой Родины», «Социальное партнерство как коллективная ответственность за результаты исторического образования обучающихся, их ценностные ориентиры и гражданскую позицию».

С приветственными словами к присутствующим обратились Уполномоченный по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзлякова, советник министра образования и молодежной политики Свердловской области И. С. Огоновская, директор департамента «Исторический факультет» УрФУ А. С. Палкин. **Т. Г. Мерзлякова** рассказала в своем выступлении о спорных моментах отечественной истории, подчеркнув необходимость показывать ее со всех сторон, не замалчивая сложных и порой неприятных сюжетов, актуализировала проблему исторической политики, акцентировав внимание на важности участия государства, общественных организаций, учреждений культуры и образования в процессе формирования и сохранения исторической памяти.

Особое внимание Татьяна Георгиевна уделила поправкам в Конституцию Российской Федерации, внесенным в 2020 году. В частности, речь шла о ст. 67.1 (часть 3), в которой говорится о том, что «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». До внесения изменений этой нормы в Конституции не было. В заключение Уполномоченный по правам человека в Свердловской области обозначила проблему коллективной ответственности всех россиян за сохранение исторической памяти о прошлом.

Разговор продолжил ***А. С. Палкин***, высказавший слова благодарности педагогам – «универсальным солдатам», которые с честью и достоинством выполняют свой долг служения Отечеству, прикладывая максимум усилий для воспитания детей, подростков, молодежи. Он рассказал участникам конференции о проектах департамента «Исторический факультет» УрФУ, о просветительской работе преподавателей, о вкладе своих коллег в формирование уральского контента в экспозициях Мультимедийного исторического парка, пригласил педагогов и их воспитанников к участию в проекте «Фабрика впечатлений».

И. С. Огоновская, многие годы возглавляющая две педагогические ассоциации – Ассоциацию преподавателей права Свердловской области и Ассоциацию педагогов – выпускников исторического факультета УрФУ (УрГУ), напомнила о том, что проходящая конференция является юбилейной, 15-й, и представила презентацию под названием «Мы и историческая память: имена и лица педагогов, вписанные в летопись научно-практических конференций». Речь шла о конференциях, состоявшихся в 2011–2021 гг. по инициативе вышеназванных учреждений и организаций. В числе самых активных участников данных мероприятий были названы преподаватели С. И. Глушкова, В. М. Танаев (Гуманитарный университет), Л. М. Андрюхина, М. В. Снегирева (РГППУ), С. Т. Погорелов, И. В. Грибан, Т. Г. Мосунова (УрГПУ), Л. Я. Баранова, С. И. Быкова (УрФУ), В. П. Лимушин, И. С. Огоновская, Л. А. Цалковская, И. А. Членова (СУНЦ УрФУ), Т. А. Новикова, А. С. Огоновская (СОМЭПК – СОПК), О. В. Вопилова, Г. Л. Шубина (Дворец молодежи – СОКМ), Л. А. Субботина (музей истории Екатеринбурга), Н. Н. Викторова, М. Ю. Каргапольцев, В. А. Маспанина, П. Ф. Морозов (школы Екатеринбурга), П. Г. Постников, Г. Н. Семёнова (школы Нижнего Тагила), Н. Ф. Закожурникова, Г. М. Семида, А. В. Рачева (школы Алапаевского МО), М. И. Зяблицев (МО Красноуфимский округ), Н. В. Еловских, В. И. Павлова (школы Нижнесергинского МО), А. В. и О. В. Непомнящие (Центр развития творчества им. Н. Е. Бобровой, г. Полевской), Л. И. Грамолина (Ревда), Л. Л. Еловских, А. Е. Копалов (школы Режевского городского округа), К. В. и Е. В. Шушаричевы (общественные организации, г. Заречный).

Участники конференции не только заслушали, но и активно обсудили семь пленарных докладов. Старший преподаватель юридического факультета Гуманитарного университета ***В. М. Танаев*** представил доклад на тему «Историческая память как постнеклассический объект (антропоцентрический подход)», акцентировав внимание на следующих моментах: историческая память *самовозникает* в процессе развития человеческого сообщества, носит *самоструктурирующий* характер и разделяется диахронически (историческая память разных поколений) и синхронически (официальная и народная историческая память), *саморегулируется* (осуществляется как в рамках идеологической государственной политики, так и в процессе общественного саморазвития), *саморазвивается* в процессе этногенеза и социокультурной динамики и *самовоспроизводится* как в рамках идеологизированной ретрансляции в науке, образовании и искусстве, так и в рамках изустной народной ретрансляции, носящей закономерно угасающий характер (в связи с естественной убылью акторов и свидетелей исторических событий). Часть выступления докладчика была посвящена исторической памяти русского этноса, в основе которой лежит память о военных победах, имперском развитии страны, создание «задним числом» определенных образов и смыслов.

Доцент кафедры гуманитарного образования СУНЦ УрФУ, кандидат исторических ***И. С. Огоновская*** в своем выступлении «Историческая память: востребованность временем и поколениями» рассмотрела подходы философов, историков, культурологов к таким понятиям, как «историческая память», «историческая культура», «историческая политика», «политика памяти» и др., остановилась на источниках формирования исторической памяти (устная традиция; нарративные источники; коммеморативные практики; монументальная и живописная традиция; аудиовизуальные источники различных типов; Интернет и т. д.), отметила факторы, влияющие на процесс формирования исторической памяти (историческая эпоха; идеология и задачи, стоящие перед обществом в целом и историческим образованием в частности; политическая конъюнктура; позиция историков, авторов учебников; наличие открытых исторических источников; взгляд деятелей литературы и искусства; судьбы конкретных людей; и пр.), выделила особые признаки исторической памяти (средство самоидентификации различных сообществ; опора на официальные источники и эго-документы; эмоциональная окрашенность; выбор фактов; разделение исторических лиц на героев и антигероев; инерционная устойчивость и относительная стабильность; опора на мифы). Педагогам, присутствующим на конференции, был предложен алгоритм формирования представлений о прошлом на уроках истории и во внеурочной деятельности.

Директор Центра культурно-образовательных проектов УрГПУ**,** кандидат исторических наук ***И. В. Грибан*** продолжила начатый разговор, предложив педагогам доклад на чрезвычайно актуальную тему: «Историческая память в эпоху цифровизации: новые возможности и проблемы сохранения». Оперируя данными о том, что 87 % россиян являются интернет-пользователями, 60 % населения России используют онлайн-технологии и среднестатистический россиянин проводит в Интернете 7 часов 52 минуты в день, докладчик сделала вывод о том, что цифровизация – неизбежный атрибут современности и ее потенциал можно и нужно использовать в образовательном процессе. Речь шла о возможности пользоваться оцифрованными документами архивов и библиотек, видеть цифровизованное музейное пространство (яркий пример – Мультимедийный исторический парк «Россия – Моя история. Свердловская область»), погружаться в мир виртуальных музейных выставок, работать в 3D-формате, быстро получать необходимую и объемную информацию в сети Интернет, выстраивать необходимые коммуникации и т.д. Докладчик актуализировала целый ряд проблем: кто сохраняет историческую

память и что сохраняет? как и зачем сохраняет? Отвечая на вопрос «что делать?», И. В. Грибан дала несколько советов: принять цифровизацию и использовать ее возможности в образовательном процессе, создавать и продвигать позитивный контент, обращаться к семейной истории. В определенной мере это выступление было и элементом повышения квалификации для педагогов, многие из которых впервые узнали, что такое «медиальный/цифровой поворот», «media memory», «цифровая память», «квантитативная ностальгия», «сообщества памяти» и др.

Советник министра образования и молодежной политики Свердловской области, доцент кафедры теории и методики воспитания культуры творчества, кандидат педагогических наук ***С. Т. Погорелов*** (УрГПУ) задал И. В. Грибан целый ряд вопросов, касающихся цифровизации и ее влияния на ценностные ориентиры детей и молодежи. Он предложил участникам конференции обсудить тему «Историко-цивилизационное и культурное наследие России в воспитании патриотизма детей и подростков». С. Т. Погорелов говорил о том, что ценностный плюрализм профессиональных историков – это их личный выбор, на который каждый имеет право, однако недопустимо переносить его в сферу воспитания, где он опасен для личностного развития подрастающего поколения. С. Т. Погорелов убежден, что нельзя выбирать негативные факты истории своей страны и рассчитывать воспитать на таком содержании патриота, – ребенку, и особенно подростку, для нравственного развития необходим положительный идеал, пример, образец. По его мнению, преподнесение истории России в черном цвете при склонности россиян к самоуничижению привело в последние десятилетия к тому, что не одно поколение стало жертвой невежественных русофобов. Он призвал коллег более активно знакомить обучающихся с историей русской культуры, научно-технической мысли, с отечественными достижениями во всех сферах жизни, так как прошедшие десятилетия «братания» с «европейскими партнерами» и достигнутые результаты в экономике, духовно-нравственное состояние общества убедительно показали, что для успешного патриотического воспитания юных россиян прежде всего необходимо раскрытие самобытности российской цивилизации, пространственно-временной локализации ее культуры и собственной исторической судьбы.

Заведующая отделом философии Института философии и права УрО РАН, доктор политических наук ***О. Ф. Русакова*** и профессор кафедры политических наук УрФУ, доктор философских наук ***В. М. Русаков*** в своем выступлении обратились к исторической памяти о событии, 100-летие которого будет отмечаться в 2022 г. Их совместный доклад назывался «Официальный российский дискурс об образовании СССР: анализ современных трактовок» и в целом был пронизан тревогой о том, что такое значимое событие может быть предано забвению со стороны официальных властей. Докладчики актуализировали проблему исторической политики, считая недопустимыми неуважительные и некорректные мнения и оценки по поводу советского прошлого и отдельных личностей. Они выразили несогласие с целым рядом критических мнений, в частности о ленинском плане образования СССР как «мине замедленного действия», об экономике Советского Союза, который ничего не производил «кроме калош»; с недооценкой роли В. И. Ленина и большевиков в революционном преобразовании страны и мира и др. О. Ф. Русакова отметила и тот факт, что совсем незаметно прошел в нашей стране юбилей Октябрьской революции – одного из самых значимых событий XX в. Уральские ученые призвали присутствующих к серьезному изучению исторических фактов, наследию В. И. Ленина, бережному отношению к отечественной истории, внимательному прочтению сообщений СМИ по поводу важных политических юбилеев и событий, активному приобщению молодежи к обсуждению важных политических проблем.

Доцент кафедры зарубежного регионоведения департамента «Международные отношения» УрФУ, кандидат исторических наук ***С. И. Быкова*** рассмотрела проблему исторической памяти через призму эго-документов («Дневник Ивана Хрипунова (1937–1941) как нравственный ориентир семейной и социальной памяти»). Дневник Ивана Храпунова (1923 г.р.) в настоящее время готовят к публикации его племянники. Сам Иван погиб в 1942 г., защищая Севастополь. В двух сохранившихся дневниках молодого человека, делавшего свои записи в возрасте 14–18 лет, можно найти подробную информацию о его родителях, брате и сестре, сведения об их профессиональной деятельности, интересные мнения автора о происходящих и происходивших ранее событиях в жизни страны, его родного хутора Нижняя Вербовка Чернышковского района Сталинградской области. Он пишет о голоде начала 1930-х гг., тяжелой жизни крестьянского населения, делает вывод о том, что ни в одной книге, которые он прочел, нет ничего похожего на страдания его отца («Если бы кто написал об этом книгу, она была бы лучше надуманных романтических похождений героев Жюль Верна»). В дневнике талантливого юноши, который хорошо рисует (в дневнике есть портреты матери, сельской жизни), есть переписанные письма родственников, цитаты из книг и личные мнения о прочитанном. Уникальный исторический источник, представленный С. И. Быковой, после публикации может быть использован на уроках истории и на внеклассных мероприятиях. Воспитательный потенциал такого документа трудно переоценить.

Доцент кафедры педагогики и педагогической компаративистики УрГПУ, кандидат педагогических наук ***Т. С. Дорохова*** и студентка 5-го курса Института филологии и межкультурной коммуникации УрГПУ ***Е. С. Дорохова*** представили совместный доклад на тему «Значение историко-педагогического знания в профессиональной подготовке будущих педагогов». Докладчики акцентировали внимание на мероприятиях, связанных с историей педагогической мысли, жизнью и деятельностью великих педагогов прошлого и настоящего. Методическая копилка учителей пополнилась перечнем интересных форм организации внеурочной деятельности.

Пленарные доклады вызвали неподдельный интерес участников конференции. Самое активное участие в их обсуждении приняли С. Т. Погорелов (УрГПУ), Ж. В. Дородная (СОМК), Н. В. Еловских (пос. Верхние Серги, школа № 10), А. В. Рачева (Екатеринбург, школа № 215), И. А. Бердникова (Екатеринбург, школа № 178), К. В. Шушаричев (г. Заречный). Речь шла об исторической объективности при оценке событий и исторических личностей, об инструментах сохранения исторической памяти, о способности микросоциума к структурированию как необходимому условию сохранения аутентичности, о негативных последствиях цифровизации, влиянии исторической политики и политики памяти на историческое сознание и настроения молодежи, значении позиции педагога – носителя и транслятора базовых национальных ценностей.

Разговор об актуальности воспитания будущих педагогов продолжили преподаватель Свердловского областного педагогического колледжа, кандидат педагогических наук ***А. С. Огоновская*** и доцент СУНЦ УрФУ ***И. С. Огоновская*** («“Что такое хорошо и что такое плохо”: к вопросу о ценностных ориентирах будущих педагогов»). Они ознакомили коллег с результатами проведенного исследования, касающегося ценностных ориентиров студентов педагогического колледжа. В выступлении прозвучала тревога по поводу слабой мотивации будущих педагогов к личностному развитию, повышению собственного культурного уровня, равнодушия к общественной работе, отсутствия желания быть ответственными за будущее своей страны и т. д.

В качестве инструментов воспитания студентов докладчики предложили коллективные творческие дела, многообразные социальные практики (участие в студенческом самоуправлении, поисковом отряде, волонтерском движении, обществах защиты животных и др.), открытые дискуссии по наиболее острым проблемам современной жизни, приобщение молодежи к чтению и обсуждению интересных для них книг, фильмов, спектаклей, выставок, а также осмысленные, продуманные, реализованные и отрефлексированные воспитательные мероприятия, в которых студенты выступают в роли инициаторов, авторов и реализаторов актуальных проектов, самореализуются, самоактуализируются и по-настоящему самопрезентуются и т. д.

Выступления школьных учителей касались, прежде всего, опыта работы в сфере гражданско-патриотического воспитания посредством приобщения обучающихся к историческому прошлому России. Учитель истории и обществознания гимназии № 86 г. Нижнего Тагила ***Н. Е. Алендеева*** («Прошлое живет в настоящем: из опыта организации проектно-исследовательской деятельности школьников») поделилась опытом организации и сопровождения проектной деятельности гимназистов, направленной на углубление их знаний о конкретных людях – представителях определенных исторических эпох, рассказала о выборе тематики исследовательских проектов, касающихся жизни и деятельности ученых и педагогов, судьба которых так или иначе связана с городом: один из основоположников советской космонавтики Б. В. Раушенбах в 1942–1946 гг. содержался в трудовом лагере под Нижним Тагилом, а в 1947–1948 гг. жил там на поселении; химик-исследователь П. Э. Рикерт, эмигрировавший в 1934 г. из Германии, работал на Урале, в 1937 г. был арестован, в 1941 г. был направлен в трест «Тагилстрой» в качестве трудмобилизованного, после войны работал преподавателем немецкого языка в Нижнетагильском пединституте; преподаватель Нижнетагильского педагогического института В. А. Попов; учитель физики гимназии № 86, создатель и руководитель школьного музея космонавтики им. С. П. Королева А. С. Волосенцева. Учащиеся гимназии № 86, занимавшиеся изучением биографий этих людей, стали победителями многих всероссийских и региональных конкурсов.

О необходимости изучения истории родного края говорила в своем выступлении учитель истории и обществознания школы № 10 пос. Верхние Серги Нижнесергинского МО ***Н. В. Еловских*** («Краеведческий материал в учебной и внеурочной деятельности как инструмент сохранения исторической памяти»). Педагог настойчиво повторяла, что любовь к родной стране начинается с интереса к истории малой родины, с изучения названий улиц сел и поселков, жизненных перипетий земляков, с исследования процессов и событий, повлиявших на судьбу родного края. С тревогой и болью учитель отмечала сокращение часов на изучение истории Урала, отсутствие новых учебников по этой тематике, обращалась к представителям Министерства образования и молодежной политики области с просьбой обратить внимание на эту проблему.

Учитель истории и обществознания гимназии № 37 Екатеринбурга ***Ю. В. Казанцева*** акцентировала внимание участников конференции на эффективности обращения на уроках истории и во внеурочной деятельности к устной истории («Обращение к устной истории на уроке как способ сохранения исторической памяти»). Речь шла о приобщении обучающихся к созданию актуальных источников посредством одного из важнейших методов устной истории – интервью с носителями «живой памяти». Записанное на бумагу, такое интервью становится письменным источником, который можно хранить в семейном архиве, использовать в образовательном процессе. Для этого необходимо научить детей собирать информацию о респонденте, планировать время и место беседы, формулировать вопро-

сы респонденту. Важно, что под руководством учителя ребята становятся соавторами устного исторического источника, развивают собственные коммуникативные навыки и эмпатические способности, лучше понимают суть исторических процессов и событий.

Важную тему ответственности деятелей культуры, в том числе медиакультуры, поднял учитель истории и обществознания школы № 138 Екатеринбурга ***П. Ф. Морозов*** («Актуальность спора и борьбы за достоверное и правдивое отражение событий и изображение участников Великой Отечественной войны: на примере х/ф «Зоя»)». Фильм режиссеров Максима Бриуса и Леонида Пряскина вышел в прокат в январе 2021 г., вызвал многочисленные споры, но предметом тревоги учителя стал отзыв киноблогера Евгения Баженова (Bad Comedian), обзор которого получил более 11 млн просмотров, 806 тыс. лайков, 86 тыс. комментариев. По мнению Павла Федоровича, действия блогера должны оцениваться как вредоносные для исторической памяти о Великой Отечественной войне. Прежде всего, речь шла о «масках», которые надевал на себя Баженов, в том числе о «маске» Сталина, который показан плачущим, нервным, ноющим, депрессивным. Руководитель государства не был таковым, но для массы людей, благодаря блогеру, представленный образ станет аксиоматичным. Множество вопросов поставил учитель: сколько можно терпеть мат в медиапространстве? Кто отвечает за историческую правду в фильме? Почему в нашей стране появились молодые люди, присвоившие себе право безапелляционно все осмеивать?

В конце выступления учитель посоветовал блогеру принести свои извинения россиянам и уничтожить свое творение, «как это сделал Гоголь», чтобы старшеклассники, которые посмотрят этот фильм, делали собственные выводы, а не смотрели на величайшую драму отечественной истории глазами человека, превратившего трагедию в неумную комедию.

Директор научно-производственного объединения «УРАЛКИНО» ***А. В. Турчанинов*** продолжил тему Великой Отечественной войны («Мы победили!»). История выполнения наказов ветеранов 10-го гв. УДТК современными добровольцами Урала 2005–2021 гг.»), обратившись к опыту деятельности общественной организации «Добровольцы Урала» и практике создания документальных фильмов по истории Уральского добровольческого танкового корпуса. Педагоги с интересом восприняли предложение Александра Владимировича принять на своих площадках передвижную выставку «Мы победили!», провести классные часы по этой тематике, обсудить с ребятами фильмы по истории УДТК.

Опытом организации работы с детьми в рамках системы дополнительного образования поделились педагоги дополнительного образования из Полевского, представлявшие Центр развития творчества им. Н. Е. Бобровой ***А. В. Непомнящий*** и ***О. В. Непомнящая*** («Педагогический эффект социального партнерства: из опыта участия юных археологов ЦРТ им. Н. Е. Бобровой в реализации историко-культурных проектов»). Они рассказали об истории создания археологического отряда школьников и археологического музея в Центре развития творчества, поездках ребят на раскопки в различные регионы страны, опыте организации полевых лагерей и сотрудничестве археологического отряда с уральскими учеными из УрФУ, УрГПУ, ЧГУ. По инициативе полевчан на Урале уже несколько раз прошла Уральская археологическая конференция школьников, а весной 2021 г. – I Всероссийская археологическая школьная конференция. По мнению педагогов, древняя история страны и конкретного региона – Урала – достойна изучения и в полной мере может рассматриваться в качестве объекта исторической памяти.

Учитель истории и обществознания школы № 20 Екатеринбурга ***Р. В. Пятыгина*** рассказала, как можно использовать экспозиции Мультимедийного парка «Россия – Моя история. Свердловская область» в работе со школьниками («Квест по экспозиции “Александр Невский” МИП “Россия – Моя история. Свердловская область”»), предложив коллегам различные варианты заданий с использованием тестовых заданий, QR-кодов, видеоматериалов Исторического парка. Актуальный формат методической разработки педагога вызвал большой интерес у коллег. О развитии познавательного интереса детей говорила экскурсовод музея истории Екатеринбурга ***Л. А. Субботина*** («Интеллектуально-воспитательный потенциал Летнего клуба путешественников на базе музея истории Екатеринбурга»), поделившаяся опытом их вовлечения в экскурсионную деятельность, создание «пластилиновых» фильмов, разработку игр и экскурсионных троп. Учитель физики и астрономии СУНЦ УрФУ ***И. А. Членова*** представила сообщение на тему «Эпизоды биографий русских ученых как средство воспитания патриотизма на уроках физики», актуализировав проблему использования «гуманитарных сюжетов» на занятиях естественно-научной направленности.

Несколько выступлений участников конференции носили информационный характер. Так, руководитель Свердловского регионального центра Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина ***А. В. Русина*** познакомила педагогов с ресурсами Президентской библиотеки («Электронный фонд Президентской библиотеки как ресурс формирования исследовательской культуры и гражданской ответственности школьников на уроках истории и обществознания»). Ведущий научный сотрудник Центра инновационных музейных технологий Свердловского областного краеведческого музея ***Г. Л. Шубина*** обратилась к педагогам с просьбой привлечь обучающихся к участию в одном из культурно-просветительских проектов («Ценностный аспект проекта “Культурно-историческое и индустриальное наследие Среднего Урала глазами молодежи”»).

Методист Мультимедийного исторического парка «Россия – Моя история. Свердловская область» ***Н. Б. Кончаковская*** рассказала о традиции проведения конкурсов для обучающихся, посвященных событиям Великой Отечественной войны: Сталинградской битве, решающим сражениям 1944 г., военным операциям 1945 г. («Сохраняем историческую память: об итогах конкурса “Вспомним. Мои земляки в годы Великой Отечественной войны”»). В 2020/21 учебном году Мультимедийный парк провел конкурс «Вспомним. Мои земляки в годы Великой Отечественной войны», участниками которого стали 132 школьника из многих субъектов Свердловской области. У членов жюри, педагогов и самих участников конкурса, приехавших на заключительный тур, остались самые теплые воспоминания об этом интеллектуальном состязании и, конечно, о Мультимедийном парке.

Участники конференции выразили огромную благодарность руководству Мультимедийного исторического парка «Россия – Моя история. Свердловская область» за предоставленную площадку, организационную помощь, возможность посетить выставку «Николай Кузнецов – человек-легенда».

Конференция успешно состоялась. Ее участники, вдохновленные новыми идеями, готовы и дальше работать с детьми и молодежью, воспитывать в них чувство ответственности за судьбу своей страны, семьи и рода, за сохранение исторической памяти о самых важных для всех россиян и каждого гражданина нашей страны событиях и персоналиях, о родных и близких, достойных этой памяти.

Izabella Stanislavovna Ogonovskaya,
Special Advisor to the Minister of Education of the Sverdlovsk Region,
Chairperson of Sverdlovsk Regional Law Teachers Association,
associate professor at SESC (Specialized Educational Scientific Centre)
of Ural Federal University after the First Russian President B. N. Yeltsin,
Candidate of Historical sciences (Yekaterinburg)
Svetlana Igorevna Glushkova,
Head of Human Rights Chair, Professor, Liberal Arts University –
University for Humanities, Head of Russian Political Science Association
in the Sverdlovsk region, Dr. Sci. (Political Science) (Yekaterinburg)

Historical Memory of Generations: the Role of Educators' Community in Preserving and Enhancing Historic and Cultural Traditions of Russian Society (A Review of Materials of Interregional Conference)

РЕЦЕНЗИИ

В. А. Токарев*

Современный подход к сравнению юридических культур (рецензия на монографию Goltzberg S. Le droit comparé. Paris: Presses Universitaires de France, 2018. 128 p.)[1]

Аннотация. В данной рецензии на монографию Стефана Гольцберга «Сравнительное правоведение» (2018) особое внимание уделяется проблемам допустимости сравнения нормативных систем, вызывающих нарекания из-за их формальных и/или содержательных особенностей, а также критериям сравнения юридических культур. Как утверждает С. Гольцберг, объективный анализ предполагает разумную сдержанность компаративиста, что сближает сравнительное правоведение со сравнительным языкознанием. Кроме того, необходимо принимать во внимание тот контекст, в котором возникают и эволюционируют правовые феномены.

Основные направления сравнительного правоведения классифицируются С. Гольцбергом по двум группам. К первой группе относятся функционализм и экономический анализ права. Их сторонники сравнивают модели решения актуальных проблем и используют презумпцию сходства сравниваемых объектов. Ко второй группе относятся культурализм и школа критических правовых исследований. Их адепты придерживаются презумпции различий и ставят под сомнение многие классические понятия, конструкции, дихотомии догматической юриспруденции.

Ключевым в концепции С. Гольцберга является понятие источника права, рассматриваемое им в связи с проблематикой юридической аргументации и литературных жанров. Оценивая аргументы сторонников и противников правовых заимствований, он разрабатывает подход к сравнению правовых феноменов, который допускает возможность их трансплантаций (пересадок) от одной юридической культуре другой. При этом учитывается модификация объекта заимствования в новой среде.

Ключевые слова: сравнение; юридическая культура; источник права; функционализм; правовое заимствование

Необходимое взаимодействие или простое сосуществование требуют, чтобы мы открыли наши окна и посмотрели на зарубежное право…
Рене Давид

Ренессанс сравнительного правоведения, который переживала в 1960-х гг. отечественная юридическая наука, оказался связан преимущественно с французской научной традицией. В 1967 г. вышло первое издание перевода «Основных правовых систем современности» Р. Давида и состоялась первая франко-советская встреча юристов[2]. Одним из ее инициаторов выступил М. Ансель, эксперт во французском Кассационном суде и вице-президент Общества сравнительного законодательства. Под его редакцией во Франции были изданы переводы Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР, а также Закона о судоустройстве РСФСР. Не менее важная роль в развитии сотрудничества между учеными

* **Василий Алексеевич Токарев,** канд. юрид. наук, научный сотрудник факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва), докторант Университета Бордо (Франция).

E-mail: basiletok@gmail.com

[1] Гольцберг С. Сравнительное правоведение. – Париж : Presses Universitaires de France, 2018. – 128 с.

[2] Об этом периоде в истории научных контактов советских и французских правоведов см. подробнее: Туманов В. А. Памяти французских ученых-юристов // Туманов В. А. Избранное. – М., 2010. – С. 564–570.

© В. А. Токарев, 2021

двух стран принадлежала ассоциации «Франция – СССР», возглавляемой в 1960-х гг. выдающимся конституционалистом и политическим деятелем Р. Капитаном. Диалог юридических культур продолжился и в постсоветский период. Так, в 2005 г. французские юристы смогли по достоинству оценить кодификационную работу российских цивилистов благодаря переводу Гражданского кодекса, который сопровождало предисловие С. С. Алексеева[3]. Спустя несколько лет труд одного из участников данного проекта, Р. Леже, «Великие правовые системы современности» увидел свет на русском языке[4]. Поэтому неудивительно, что сегодня сравнительное правоведение ассоциируется у многих отечественных юристов прежде всего с французской юридической наукой.

Один из ярких ее представителей – С. Гольцберг, автор интересных и глубоких работ по юридической аргументации, источникам и принципам права[5]. Несмотря на то что его концепция формировалась под влиянием Брюссельской школы философии права, он активно публикуется во Франции, входя в плеяду блестящих современных *франкофонных* правоведов наряду с Р. Жакобом[6], П. Леграном[7], Ф. Остом[8] и др. Основываясь на своих исследованиях по теории юридической аргументации и трудах ученых из разных стран, включая Россию, С. Гольцберг обратился к проблематике компаративистики, чтобы представить неискушенному читателю ее сложный мир в доступной форме. Результатом стала небольшая по объему книга «Le droit comparé», изданная в знаменитой серии «Que sais-je?» (дословно: «Что я знаю?») издательства «Presses Universitaires de France»[9]. Как следует из аннотации, автор «набрасывает панораму сравнительного правоведения», освещая его историю, методы и задачи. При этом он ориентируется на более тонкие, чем положения действующего права, различия юридических культур, связанные с правовыми принципами и суждениями, а также общекультурным контекстом, включающим в себя взаимосвязь социальных норм. Признавая последствия влияния, оказываемого одними юридическими культурами на другие, С. Гольцберг в то же время «тщательно изучает те сходства, которые могут существовать между правовыми системами, никогда не вступавшими в контакт». Насколько ему удается достигнуть поставленных целей?

Книга С. Гольцберга открывается утверждением о важном значении сравнительного правоведения в современном обществе. По его мнению, к сравнению прибегают значительно чаще, и оно приносит больше пользы, чем представляется на первый взгляд. С одной стороны, многие правовые акты появились благодаря

---

[3] Code civil de la Fédération de Russie // Kitic D., Krief-Semitko C., Legeais R. Préface du professeur Sergeï Alexeev. – Poitiers, 2005.

[4] Леже Р. Великие правовые системы современности. – М., 2009. Примечательно, что в главе, посвященной российскому праву и правовым системам бывших социалистических стран, французский компаративист отмечает: «Многие из тех, кто изучали историю права древней Руси, а затем пытались понять и объяснить правовую систему СССР, подчеркивали в первую очередь “слабость правовой традиции” в России. Может быть, эта слабость является преувеличенной» (с. 200).

[5] Goltzberg S. Théorie bidimensionnelle de l’argumentation juridique: définition, présomption et argument a fortiori. – Bruxelles, 2012 ; *его же.* Les sources du droit. – Paris, 2018 ; *его же.* 100 principes juridiques. – Paris, 2018 ; *его же.* L’argumentation juridique. – Paris, 2019. Также следует отметить его перевод работы известного американского правоведа Ф. Шауэра «Думать как юрист. Новое введение в юридическую аргументацию». Переводческий комментарий представляет собой анализ специфики правовых суждений в контексте системы общего права. См.: Goltzberg S., Schauer F. F. Penser en juriste. Nouvelle introduction au raisonnement juridique. – Paris, 2018.

[6] Jacob R. La Grâce des juges. L’institution judiciaire et le sacré en Occident. – Paris, 2014 ; *его же.* Les formes premières du droit en Occident. I. La parole impérieuse. – Paris, 2020.

[7] Legrand P. Le droit comparé. – Paris, 2011 ; *его же.* Pour la relevance des droits étrangers. – Paris, 2014.

[8] Ost F. Le temps du droit. – Paris, 1999 ; *его же*. Dire le droit, faire justice. – Bruxelles, 2012 ; *его же*. Si le droit m’était conte. – Paris, 2019.

[9] Goltzberg S. Le droit comparé. – Paris, 2018.

сравнительным исследованиям. С другой стороны, сами эти акты становятся потенциальными объектами изучения компаративистов. Такое утверждение может показаться банальным, поэтому С. Гольцберг сразу предупреждает своего читателя о двух опасностях – *параллеломании* и *параллелофобии*. В первом случае поверхностный анализ преувеличивает обнаруженные сходства, возможно, действительно существующие, между нормами, институтами или целыми правовыми системами. Добросовестному исследователю необходимо сначала убедиться в том, что предполагаемые сходства на самом деле имеют место, а затем постараться объяснить причины их возникновения. Примерами параллеломании служат широкие обобщения, встречающиеся в «Закате Европы» О. Шпенглера, не заметившего различий между знатоками права в христианской, иудейской и исламской культурах. К этому же типу поверхностного анализа С. Гольцберг относит и концепцию «интуитивного параллелизма» в развитии римского права и *common law*[10].

Вторая опасность, которая подстерегает исследователя, приступающего к сравнению юридических феноменов, заключается в возникающем у него сомнении по поводу возможности, т. е. обоснованности и перспективности, проведения такого сравнения. Причины параллелофобии следует искать, как полагает С. Гольцберг, в обыденном правосознании. Достаточно вспомнить некоторые пословицы и поговорки, чтобы усомниться в успехе практически любого сравнительно-правового исследования: «comparaison n'est pas raison» (сравнение не доказательство); «on ne compare pas des pommes et des poires» (мы говорим о яблоках и грушах) и т. п. Однако можно сравнивать яблоки с грушами, если речь идет, например, о ценах на них. Следовательно, избегая двух крайностей – излишней смелости (параллеломания) и чрезмерной осторожности (параллелофобия), – компаративист проявляет ту разумную сдержанность, которая требуется для объективного анализа юридических культур. Поэтому допустимо сравнение не только родственных правовых систем, но и правовых систем, имеющих разные корни. С этой точки зрения сравнительное правоведение сближается со сравнительным языкознанием, изучающим сходства и различия родственных и неродственных языков. Более того, успешный опыт сравнительного языкознания является фактором, легитимирующим сопоставление юридических культур как самостоятельное направление научной деятельности.

Возвращаясь к вопросу о пользе сравнительного анализа, С. Гольцберг приводит любопытный пример из судебной практики. После совершения во Франции убийства двух женщин преступник, небезосновательно прозванный «мудрецом из Булле-ле-Тру», скрылся в Бельгии. По совету адвоката там он совершил еще одно убийство, чтобы избежать гильотины, продолжавшей использоваться во Франции. Очередной жертвой «мудреца» стал его бывший преподаватель, бельгийский иезуит. Подчеркнем, что прежде, чем совершить новое убийство, преступник сравнивал правовые системы, оценивая выгоды и издержки от последствий своего выбора. Иными словами, его прагматизм представляет собой образец подхода к сопоставлению юридических явлений и процессов, характерного для т. н. *рационального поведения*, изучаемого в рамках экономического анализа права[11]. Разумеется, примеры «выгодного» сравнения, осуществляемого непрофессионалами самостоятельно или, как в случае «мудреца из Булле-ле-Тру», по совету адвоката, можно привести не только из сферы уголовного права. Французским гражданам, как, впрочем, и российским, хорошо известны случаи уклонения от уплаты налогов путем регистрации компаний в других юрисдикциях и изменения домици-

[10] Goltzberg S. Le droit comparé. – Paris, 2018. – P. 8.

[11] Ibid. P. 10. См. также: *Thunis X.* L'empire de la comparaison // Fr. van der Mensbrugghe (dir.). L'utilisation de la méthode comparative en droit européen. Droit. No. 25. – Namur, 2003. – P. 5.

лия[12]. Так что профессионалы, по мнению специалиста по юридической аргументации, постепенно утрачивают монополию на сравнительно-правовые исследования.

Тем не менее современная компаративистика сохраняет свои функции и методологию, а также имеет собственную историю. В соответствии с этим работа С. Гольцберга разделена на пять глав. Первая глава, помимо анализа обозначенных выше крайностей, которых следует избегать компаративисту, посвящена предмету, функциям и методам сравнительного правоведения. В ней рассмотрен еще один вопрос, заслуживающий особого внимания. Речь идет о т. н. *литературных юридических жанрах*, обусловливающих авторитет и силу права. Во второй главе подробно рассматриваются исторические корни компаративистики как практики и академической дисциплины. При этом римскому праву отводится роль парадигмы, определяющей основную классификацию (*summa divisio*) правовых систем на романо-германское право и *common law*. К последствиям применения данной классификации автор относит появление на юридической карте мира смешанных правовых систем. Третья глава его книги – в некотором смысле центральная – знакомит читателя с дискуссией о трансплантации (пересадке)[13] от одной юридической культуры другой норм, принципов, институтов, процедур и т. д. Разделяя ее сторонников и противников на оптимистов (от И. Бентама до А. Уотсона) и пессимистов (от Ф. Отмана до П. Леграна), С. Гольцберг приходит к выводу о возможности – с определенными оговорками – трансплантации не только отдельных правил, кодексов и даже конституций, но и принципов, приемов толкования, правовых суждений и т. д. Следующая глава представляет собой экскурс в сферу «прагматики цитирования». Здесь на первый план выходят вопросы, связанные с особыми мнениями судей, ссылками высших судов на иностранные судебные и арбитражные решения, а также статусом и ролью *amicus curiae* (друг суда). Наконец, завершающая глава книги С. Гольцберга отведена сравнительной юридической логике. С позиций герменевтики автор раскрывает особенности мотивировочной части решения суда, презумпций, фикций, доказательств и пробелов в праве.

Заметим, что такая структура определяется концептуальной установкой ученого, четко изложенной им в работе «Источники права». Он полагает, что «сравнительное правоведение можно рассматривать как сравнение, с одной стороны, различных юридических онтологий, с другой стороны – различных юридических логик. Точнее: сравнительное правоведение могло бы описать органическую связь, существующую между каждой юридической онтологией и соответствующей юридической логикой. В любом случае очевидно, что понятие источника права может играть ведущую роль в сравнительном правоведении»[14]. Вместе с тем источник права понимается С. Гольцбергом прежде всего как *посылка*, структурный элемент юридической аргументации, подчиняющейся законам юридической логики. Содержание данного понятия не сводится только к формам внешнего выражения права, перечень которых остается дискуссионным и открытым[15]. Доводами, поддерживающими вывод, могут служить также утверждения, содержащиеся в общих принципах права и максимах, определяющих основания юридической культуры. Поэтому при необходимости компаративист должен выйти за узкие рамки сопоставления отдельных норм, обращаясь к исследованию отраслей права (сравнительные конституционное, уголовное, договорное право и т. д.) и

[12] Goltzberg S. Le droit comparé. P. 11.

[13] Российскому юристу более привычен термин «правовое заимствование».

[14] Goltzberg S. Les sources du droit. P. 109.

[15] Goltzberg S. Le droit comparé. P. 19 ; *его же.* Les sources du droit. P. 5. Ср.: Jestaz Ph. Les sources du droit. – Paris, 2005. – P. 2–5.

правовых систем в целом. Однако здесь снова встает вопрос о пределах сравнения, поскольку существуют нормативные системы, которые, как считается, не могут быть объектами сравнительного правоведения из-за особенностей их природы. Остановимся подробнее на специфике таких отверженных.

К их числу С. Гольцберг относит три группы нормативных систем: 1) не имеющие обязательных, по мнению ряда авторитетных ученых, признаков правовой системы; 2) соответствующие формальным требованиям, предъявляемым к правовым системам, но неприемлемые с моральной точки зрения; 3) вымышленные. Первую группу образуют системы, не отвечающие представлениям компаративистов о полноценном праве, причем критерии их оценки варьируются в зависимости от поддерживаемой ими концепции. Так, если исследователь ориентируется на работы Г. Л. А. Харта, то, скорее всего, он обойдет вниманием те нормативные системы, которым не известно ярко выраженное разделение правил на первичные (определяют субъективные права и обязанности) и вторичные (определяют установление, признание, изменение, отмену первичных правил, а также порядок судопроизводства). Концепция английского философа и теоретика права, как правильно отмечает С. Гольцберг, оказывает заметное влияние на современных компаративистов. К примеру, специалист по сравнительной истории права Ж.-Л. Альперен утверждает: «Если применять данную схему [классификацию правил на первичные и вторичные. – *В. Т.*], то возникают сомнения в том, являлись ли кодекс Хаммурапи или Гортинские законы “правом”, поскольку отсутствуют доказательства наличия правил их изменения или правил суда. Кроме того, указанные критерии позволяют разграничить религиозную нормативность и юридическую нормативность, оставляя место для “религиозных правовых систем”, таких как еврейское, каноническое, мусульманское право, которые, полностью основываясь на религиозных верованиях, включают в себя вторичные правила»[16].

Разумеется, компаративисты используют и другие критерии отнесения исследуемых ими нормативных систем к правовым, акцентируя внимание на содержании правил. Тогда отсутствие в нормативной системе какого-либо значимого концепта (института, принципа…) может стать основанием для ее исключения из предметного поля сравнительного правоведения. В пример С. Гольцберг приводит традиционное китайское право. Оно не соответствует распространенным на Западе представлениям о правовой системе по двум причинам: публичное право, особенно уголовное, доминирует над частным правом; вместо принципа верховенства права, или правления посредством законов (*rule of law*), действует принцип правления людей (*rule of men*). Следовательно, применение компаративистом подхода, лишенного гибкости, почти не оставляет традиционному китайскому праву шансов на признание в качестве правовой системы. Об ограниченности и поверхностности такого подхода пишут многие франкофонные правоведы. Так, антрополог и историк права Н. Рулан отмечает, что в Китае «не было крупных столкновений между элитой и народными массами, характерных для истории Греции и Рима и приведших к идее права, выражающего общие для всех идеалы через социальное перемирие»[17]. Напротив, китайское право носило репрессивный характер и отражало клановую организацию общества, где отсутствовала концепция деперсонифицированной власти. Тем не менее «идея права в том виде, в каком мы ее себе представляем, не была совершенно чужда историческому опыту Китая»[18]. Об этом свидетельствуют и кодификации, начиная с законов династии

[16] Halpérin J.-L. Introduction au droit en 10 thèmes. – Paris, 2017. – P. 6.

[17] Рулан Н. Историческое введение в право. – М., 2005. – С. 45.

[18] Там же. Ср.: «Традиционная китайская концепция не отрицает права, но полагает при этом, что оно для варваров, для тех, кто не заботится о морали, для неисправимых преступников, нако-

Тан, относящихся к раннему Средневековью, и учение школы легистов. Исключать китайское право из предметного поля компаративистики на том основании, что оно не соответствует принятой на Западе модели правовой системы, – значит, по справедливому замечанию С. Гольцберга, Р. Давида, Н. Рулана и других ученых[19], игнорировать одну из старейших юридических культур.

Однако еще сложнее признать правовыми такие нормативные системы, которые соответствуют всем формальным требованиям, но не выдерживают критики с моральной точки зрения. Речь идет, например, о законодательных актах нацистской Германии, отражающих положения господствовавшей в то время идеологии, и о практике их применения. Относительно допустимости сравнения с подобными нормативными системами, до сих пор вызывающей дискуссии во франкофонной юридической науке, особенно из-за печально известного режима Виши, на сторону которого встали некоторые известные юристы[20], С. Гольцберг высказывается однозначно. Он утверждает, что если отказаться от очевидно ошибочной идеи о равнозначности сравнения и отождествления, то в действительности нет никаких причин для исключения из предметного поля компаративистики нацистского права – чудовищного, но оставившего след в истории. Напротив, его исключение, как и в случае с традиционным китайским правом и иными юридическими культурами, не соответствующими представлениям тех или иных ученых о праве, обедняет науку. Решающее значение при ответе на вопрос о допустимости сравнения нормативных систем, имеющих дефекты формального и/или материального характера, с правовыми системами, не вызывающими сомнений, придается, таким образом, факту их реального существования.

Но объектами для сравнения могут служить и нормативные системы, которые полностью или частично являются плодом воображения философов, религиозных деятелей или юристов. К таким системам С. Гольцберг относит политико-правовые конструкции наподобие Утопии Т. Мора и утрированные образы чужого права, создаваемые благодаря применению демагогического приема подмены тезиса. Последний использовался, например, в контексте противостояния древнееврейских религиозно-философских школ фарисеев и саддукеев. Обязательные признаки данного приема, известного как *strawman fallacy* (соломенное чучело): 1) разделение правовых систем на «нашу» и «их»; 2) приписывание чужой правовой системе вымышленных черт для усиления контраста между ней и «нашим» правом; 3) изменение положений «нашего» права с учетом искаженного представления о соответствующих положениях «их» права. Отметим, что С. Гольцберг признает относительную практическую пользу подобных софистических сравнений, поскольку они могут послужить катализатором развития правовой системы, избавляющейся от недостатков, приписываемых «их» праву. Между тем следует помнить об обратной стороне и объективных пределах правовой реформы, основанной на искажении реальности, подмене понятий и умышленном формировании фиктивной точки зрения оппонента.

Более близкими к нам по времени примерами полного или частичного исключения чужой правовой системы из предметного поля сравнительного правоведе-

нец для иностранцев, которым чужда китайская цивилизация» (Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. – М., 1996. – С. 356–357). Другими словами, речь идет не о полном отрицании права, а только об ином восприятии его роли в обществе, отличном от привычного западноевропейскому компаративисту.

[19] Goltzberg S. Le droit comparé. P. 20 ; Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 354–355; Рулан Н. Указ. соч. С. 55. Ср.: Ruskola T. Legal Orientalism. China, the United States, and Modern Law. – Cambridge, 2013.

[20] Об истоках этой дискуссии и ее современном состоянии см. подробнее: Рулан Н. Указ. соч. С. 81–95. Ср.: Jouanjan O. Justifier l'injustifiable. L'ordre du discours juridique nazi. – Paris, 2017. – P. 15.

ния, а также применения приема *strawman fallacy* являются оценки социалистического права в зарубежной юридической литературе. Как писал в 1985 г. В. А. Туманов, «в отношении западной компаративистики к изучению социалистического права и тем самым к межтиповому сравнению можно выделить три позиции»[21]. Представители первой из них предпочитали просто не замечать, подобно английскому юристу Г. Гаттриджу, советское право («высокомерно-пренебрежительный взгляд»). Вторая позиция сводилась к его признанию объектом сравнительного анализа, но только в том случае, если обнаружится сходство между ним и западными моделями права (Ф. Лоусон, Р. Родьер и др.). Однако находились и сторонники третьего подхода, которые рассматривали советское право как полноценную правовую модель (М. Ансель, В. Батлер, Р. Давид). Впрочем, даже более объективный взгляд зарубежного ученого второй половины прошлого века на социалистическое право не гарантировал отказа от использования им приема подмены тезиса (умышленного или неосознанного), поскольку объектами его исследования оставались, как утверждал М. Ансель, «радикально различные системы»[22].

Поэтому меньше возражений вызывают конструкции, не выходящие за пределы философских трактатов и художественных произведений, прежде всего утопии и антиутопии, а также описания правовых систем в романах и священных книгах. Высоко оценивая их значение для компаративистики, С. Гольцберг садится на своего любимого конька и заявляет о необходимости различения текста и его содержания. При таком подходе «тот факт, что текст является вымышленным не означает, что объект вымысла недостоверный или несуществующий: в каком-нибудь романе может содержаться превосходное описание исторически достоверного права, и вымысел может заключать в себе правдивые утверждения»[23]. Форма выражения взглядов авторов утопий и антиутопий не меняет сути дела – они так или иначе сравнивают несколько нормативных систем, причем одна из них может быть вполне реальной, как в случае сопоставления образа жизни утопийцев и английского общественно-политического строя XVI в. Следовательно, с точки зрения С. Гольцберга, источники права как центральные звенья процесса сравнительно-правового исследования являются не только *посылками* в юридической аргументации, но и *литературными жанрами*. К ним могут применяться практически все те критерии, которые используются для сравнения художественных текстов: объем, стилистика, грамматическая специфика, наличие заимствований…

Например, рассуждая о таком критерии, как объем текста, С. Гольцберг сравнивает коммерческие договоры, заключаемые в странах *common law* и романо-германского права. То, что первые зачастую значительно объемнее, объясняется подробным изложением всех вопросов, а также использованием юридического жаргона, т. н. *legalese*. Кроме того, в окончательный вариант коммерческого договора, заключаемого по правилам *common law*, стороны стараются включить все первоначальные предложения, что не характерно для немецкой и французской правовых традиций. Еще одна причина состоит в том, что статус участников договора в Германии, как правило, однороднее, чем в США. Следовательно, им проще согласовывать позиции по ключевым вопросам и вырабатывать итоговую версию контракта. Наконец, юридическая сила принципа добросовестности, известного обеим правовым семьям, в немецком праве проявляется заметнее, избавляя стороны от необходимости прописывать в договоре каждую деталь. Примечательно, что во французском праве преддоговорные переговоры не образуют пол-

[21] См.: Туманов В. А. О сравнении разнотипных правовых систем // Туманов В. А. Избранное. – М., 2010. – С. 571–573.

[22] Там же. С. 572.

[23] Goltzberg S. Le droit comparé. P. 22–23.

ноценного соглашения, однако за недобросовестные действия сторон, в том числе злоупотребление свободой договора, предусмотрена деликтная ответственность[24]. К этому следует добавить одну важную особенность: континентальный законодатель тщательнее определил порядок толкования положений договоров. Впрочем, юридические акты могут различаться по своему объему и в пределах одной правовой системы. Так, сравнительный анализ контрактов, заключавшихся в Чехии между 1989 и 1999 гг., показывает, что их средний объем увеличился от одной страницы до двадцати. Данный факт С. Гольцберг объясняет влиянием на чешское (чехословацкое) право различных юридических культур после падения Берлинской стены[25].

Объем текста может также зависеть от поставленных целей, уровня его оригинальности и полифонии. Например, во многих правовых системах на судей возлагается обязанность мотивировать выносимые ими решения. Как утверждает С. Гольцберг, сопоставление мотивировочных частей судебных решений разных стран позволяет установить взаимосвязь между их объемом и теми функциями, которые они должны выполнять. С этой точки зрения лаконичность мотивировок французского Кассационного суда объясняется его концентрацией на двух основных вопросах: идентификации подлежащей применению нормы права и самоконтроле. Однако другие юрисдикционные органы во Франции и за ее пределами могут выполнять дополнительные функции, что отражается на объемах мотивировочных частей их решений: *педагогическую* (подробное разъяснение сторонам юридических тонкостей рассмотренного дела), *направляющую* (определение «вектора эволюции права»[26]) и т. д. При этом, разумеется, не только увеличивается количество страниц судебного решения, но и существенно меняются иные параметры, с которыми предстоит работать компаративисту. Прежде всего в пространном юридическом тексте *аподиктические суждения*, т. е. безусловно достоверные, не предполагающие ни дальнейших пояснений, ни тем более опровержений, уступают место *диалектическим суждениям*, сопровождаемым добротными обоснованиями[27]. Кроме того, в таком тексте юридическая аргументация, как правило, дополняется внеправовыми доводами, призванными придать ему дополнительную легитимность[28]. В конечном счете, текст рассматривается как *лаборато-*

---

[24] См. подробнее: Goltzberg S. Le droit comparé. P. 32–33. Для сравнения: ч. 2 ст. 434.1 ГК РФ (введена в 2015 г.) предусматривает ответственность сторон за недобросовестные действия при проведении переговоров о заключении договора, к которым законодатель относит, например, внезапное и неоправданное прекращение переговоров при таких обстоятельствах, когда другая сторона не могла разумно этого ожидать.

[25] Ibid. P. 31.

[26] Ibid. P. 113–114.

[27] Критерий типа правового суждения (аподиктическое / диалектическое) может применяться не только для сравнения текстов из разных юридических культур, но и для сопоставления текстов, относящихся к одной юридической культуре. Так, Ветхий Завет отличается диалектическим типом суждений («Почитай отца твоего и матерь твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе»), но в то же время Мишна аподиктична (Нитай из Арбеля говорит: «Сторонись плохого соседа, и не води дружбу с грешником, и не будь самоуверен, [надеясь] избежать наказания»). На этом основании С. Гольцберг делает вывод о том, что различия следует проводить как между юридическими культурами в целом, так и внутри них между источниками права в смысле литературных жанров. Ibid. P. 27–28.

[28] Например, российский Конституционный суд, признавая правомерность установленных губернатором Московской области ограничений свободы передвижения граждан в начале пандемии COVID-19, помимо юридической терминологии, использовал такие выражения, как «сокращение случаев наступления смертей», «тяжелые заболевания», «экстраординарная ситуация», «беспрецедентная угроза» и т. д. См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышен-

рия правовых суждений, несущая на себе отпечаток специфики соответствующей юридической культуры.

Следуя данным методологическим установкам, компаративист может обнаружить в сравниваемых им текстах полифонию и даже отголоски других правовых систем (эксплицитные и имплицитные заимствования, в том числе цитирования). Обычно полифония присуща судебным решениям, которые дополнены особыми мнениями, варьирующимися от явного несогласия с большинством членов суда в отношении итогового решения до предложения оригинальных аргументов в поддержку общего решения. Закономерно встает вопрос о роли особых мнений судей, если на момент вынесения решения они никак не влияют на его юридическую силу. Очевидно, что их значение – дело будущего, когда к ним обратятся при рассмотрении новых споров. Тогда, как следует из анализа С. Гольцбергом дискуссии знатоков еврейского права, возможны два варианта: особое мнение послужит образцом либо ошибочного суждения, либо правильного, но опередившего свое время[29]. Впрочем, при желании полифонию можно «услышать» и в судебных решениях, которые не сопровождаются особыми мнениями. Они вбирают в себя все прозвучавшие во время обсуждения дела аргументы, усиливая или ослабляя их, а также корректируя содержание высказываний.

Что касается полифонии, обусловленной внешними факторами, то речь идет о различных видах заимствований из других юридических культур. К самым простым относится цитирование, которое применяется чаще всего для того, чтобы придать судебному решению дополнительный авторитет, причем не только правовой, но и политический. Так, по утверждению С. Гольцберга, одними из наиболее цитируемых в мире являются решения Верховного Суда США, который, в свою очередь, редко обращается к решениям высших судов других государств. Не последнюю роль здесь играет политика, поскольку, например, израильский Верховный Суд часто ориентируется на судебные решения, вынесенные в США, Канаде и ФРГ, и редко – на решения судов мусульманских стран. Между тем отдельные элементы юрисдикционных систем Малайзии или Пакистана могут оказаться израильскому праву ближе, чем канадское право[30]. Приводимая судом цитата, заимствованная из другой юридической культуры, может играть роль дополнительного аргумента либо «за», если суды приходят к аналогичным решениям, либо «против», если суд, ссылаясь на решение зарубежных коллег, подчеркивает его ошибочность и рассуждает от противного.

Более сложными заимствованиями являются т. н. трансплантации, или пересадки. Данному вопросу посвящена обширная литература, краткий обзор которой С. Гольцберг приводит в своей работе. Подчеркнем, что до сих пор отсутствует единство мнений относительно терминологии[31], поэтому мы используем оба термина, в большей степени соответствующих одновременно переводу французского слова *greffe* (трансплантация, пересадка, прививка) и концепции франкофонного компаративиста. Разница между трансплантацией (пересадкой) в ее общепринятом понимании и юридической трансплантацией (пересадкой), по утверждению

ной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // Российская газета. – 2021. – 15 янв. (№ 6 (8357)).

[29] Goltzberg S. Le droit comparé. P. 101–102.

[30] Ibid. P. 103–104.

[31] Ibid. P. 66–68. Ср.: Agostini E. Droit comparé. – Paris, 1988. – P. 243–322. В данной работе заимствования, точнее «миграции юридических систем», разделяются на *экспорт права* и *импорт права* в зависимости от их вынужденного (британские и французские колонии) или добровольного (Турция и Япония) характера.

С. Гольцберга, заключается в том, что первую осуществляют профессионалы, действующие целенаправленно, тогда как вторая часто происходит «естественным путем» посредством молчаливого заимствования методов, концептов и дефиниций, незаметно подготавливая изменение парадигмы вплоть до правовой революции (Г. Дж. Берман)[32]. В юридической науке возможность и необходимость любых трансплантаций (пересадок) правовых норм традиционно ставится под сомнение, начиная с Ф. Отмана и отчасти Ш.-Л. Монтескье. Одним из самых заметных критиков концепций заимствования сегодня является П. Легран, который утверждает, что сравнение правовых систем не может осуществляться иначе как в рамках плюрализма культур[33]. С этой точки зрения невозможность трансплантации (пересадки) всей культуры целиком на другую почву лишает рассуждения о миграции правовых норм всякого смысла, поскольку даже если отдельные нормы оказываются заимствованными, они приобретают в новом контексте иные содержание и значение[34]. Напротив, С. Гольцберг, следуя слабой версии концепции шотландского историка права А. Уотсона, допускает возможность перемещений в юридическом мире не только отдельных норм и институтов, но и кодексов (французский Гражданский кодекс 1804 г.; тунисский Кодекс обязательственного и договорного права 1906 г., сочетающий несколько правовых традиций и послуживший моделью для Марокко и Мавритании); конституций (бельгийская Конституция 1831 г., на которую ориентировался греческий законодатель в 1844 и 1864 гг.[35]), а также способов толкования права, правовых суждений и т. д. С его точки зрения, смысл и содержание мигрирующих норм, разумеется, меняются с учетом особенностей каждой юридической культуры, но это не означает, что их трансплантации (пересадки) не происходит.

Российский юрист, воспитанный на работах советских и постсоветских ученых (М. Н. Марченко, А. Х. Саидова, А. А. Тилле, Ю. А. Тихомирова, В. А. Туманова, В. Е. Чиркина, Г. В. Швекова[36] и др.), вполне вероятно, ожидает от С. Гольцберга обстоятельного описания функций, методологии и основных направлений сравнительного правоведения. Ожидает он и ответа на вопрос: «Это наука или всего лишь метод?» Однако в данном случае автор, скорее, не оправдывает надежд своего читателя. В отличие от многих отечественных и зарубежных юри-

[32] Goltzberg S. Le droit comparé. P. 95–96. Во многие юридические культуры без особых усилий проник метод умозаключений *мигго* (в переводе с арамейского: «поскольку…», «из того, что…», «на основании того, что…»). По сути, это древняя презумпция добросовестности, основанная на предположении о том, что если бы лицо действительно совершило то, в чем его обвиняют, то оно прибегло бы к лучшим доводам в свою защиту (зачем ему придумывать такую версию событий, которую сложно поддержать в суде?!). Однако вместе с тем *мигго* выполняет и функцию доказательства в смысле логического умозаключения из фактов. В современных правовых системах такое доказательство отсутствует (оно было чуждо и римскому праву). Тем не менее, по мнению С. Гольцберга, перед нами типичный случай миграции метода умозаключений, которая происходила медленно и незаметно, без официальных заявлений о заимствованиях из чужой юридической культуры. Так что сегодня адвокаты по всему миру пользуются *мигго*, не догадываясь об этом. См.: Ibid. P. 92–94. Впрочем, такой пример может вызвать справедливые возражения, так как компаративист не принимает во внимание универсальность структуры человеческого мышления. Другими словами, *мигго* как метод умозаключений мог не «переходить» из одной культуры в другую, а возникать в них параллельно.

[33] Legrand P. Le droit comparé. – Paris, 2011. – P. 123.

[34] См. подробнее: Legrand P. The Impossibility of “Legal Transplants” // Maastricht Journal of European and Comparative Law. – 1997. – P. 111–124.

[35] Добавим, что образцом для греческой Конституции 1844 г. послужила также французская Конституция 1830 г., а для Конституции 1864 г. – датская Конституция 1849 г.

[36] См.: Марченко М. Н. Сравнительное правоведение. – М., 2017 ; Саидов А. Х. Сравнительное правоведение. – М., 2020 ; Тилле А. А., Швеков Г. В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. – М., 1973 ; Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. – М., 1996 ; Туманов В. А. Избранное. – М., 2010 ; Чиркин В. Е. Сравнительное правоведение. – М., 2019.

стов, он не останавливается подробно на определении статуса компаративистики. Так, Р. Леже после обстоятельных рассуждений о современном понятии науки вообще, а также гуманитарных и социальных наук, приходит к следующему выводу. Сегодня сравнительное правоведение «является социальной наукой, объединяющей знания и методы, которые позволяют точно проводить параллели между различными правовыми системами или некоторыми из их институтов для выявления их сходств или различий, необходимых для проведения фундаментальных исследований или совершенствования правовой политики и практики»[37]. Но С. Гольцберг более лаконичен: «Когда право становится государственным, возникает необходимость дать имя своеобразной практике, заключающейся в том, чтобы смотреть в другую сторону: тогда сравнительное правоведение появляется на свет как полноценная дисциплина»[38]. Сравнение изначально было присуще юридической деятельности, однако потребовалось разделение национальных правовых систем для того, чтобы компаративистика начала формироваться в качестве самостоятельной дисциплины, которая позволяет оценить плюсы и минусы норм и институтов чужого права в перспективе их заимствования или модификации своего права.

Относительно функций компаративистики С. Гольцберг констатирует, что их на самом деле несколько, но, не вдаваясь в подробности, называет лишь две основные: познавательную[39] и преобразовательную. Так, сравнение позволяет лучше понять «вневременную и внепространственную сущность права»[40]. Вместе с тем в процессе изучения правовых систем или отдельных отраслей права других стран и даже эпох, если речь идет об истории права, юрист может вдохновиться чужим опытом. Тогда, как полагает С. Гольцберг, при решении вопроса о судьбе конкретных правил (введение в действие или отмена) результаты сравнительно-правового исследования послужат веским аргументом. Развивая эту мысль, он допускает возможность заимствования из других правовых систем не только *правил*, но и *способов толкования* для более глубокого понимания и эффективного применения действующих норм. С его предположениями нельзя не согласиться, принимая во внимание, к примеру, ссылку Конституционного Суда РФ в Постановлении от 25 декабря 2020 г. № 49-П на опыт «более чем 90 стран мира», применявших в период распространения коронавирусной инфекции COVID-19 меры изоляции и самоизоляции граждан. Завершая краткий экскурс в проблематику функций сравнительного правоведения, зарубежный ученый отмечает, что основные функции, обозначенные им, тесно взаимосвязаны. По его мнению, «эволюция правовой системы – это одновременно *феномен*, подлежащий описанию посредством истории права, которая является не чем иным, как диахронным сравнением, и возможный *результат* применения компаративистского подхода» (курсив автора – *В. Т.*)[41].

Изложение вопроса о методологии сравнительного правоведения С. Гольцберг объединяет с рассмотрением особенностей основных направлений компаративистики, что также может показаться несколько поверхностным российскому юристу, привыкшему к академической традиции изучения каждого из этих вопросов по отдельности и во всех подробностях. Выделяя четыре ведущих направле-

[37] Леже Р. Указ. соч. С. 501.

[38] Goltzberg S. Le droit comparé. P. 121. Избегая дефиниций, он оставляет непроясненным содержание таких часто используемых им понятий, как право, юридическая культура, правило (норма) и т. д.

[39] Причем если в начале соответствующего раздела, посвященного функциям сравнительного правоведения, он называет ее познавательной (*fonction de connaisanace*), то в конце – описанием (*description*).

[40] Goltzberg S. Le droit comparé. P. 10.

[41] Ibid. P. 11.

ния сравнительно-правовых исследований, он условно распределяет их по двум группам в зависимости от отношения к рассмотрению права с позиции *problem-solving*[42]. Так, представители первой группы (функционализм и экономический анализ права) оценивают правовые нормы как инструменты решения проблем. Представители второй группы (культурализм и школа критических правовых исследований) упрекают их в игнорировании иных функций права, кроме инструментальных. Поскольку функциональный метод пользуется популярностью у компаративистов, С. Гольцберг отводит его анализу и, соответственно, функционализму больше места, чем иным методам и научным направлениям. Он выделяет пять этапов функционального сравнения: 1) идентификацию проблемы в терминологии функционализма; 2) выбор сравниваемых правовых систем; 3) их описание; 4) определение сходств и различий в предлагаемых ими решениях общей проблемы; 5) критическую оценку. Разумеется, сравниваемые инструменты решения поставленной проблемы должны выполнять в своих правовых системах одинаковую функцию, поэтому используется презумпция сходства: до тех пор, пока не обнаружатся различия между функциями, выполняемыми сопоставляемыми объектами исследования, они считаются аналогичными.

После общей характеристики функционализма и концепций некоторых его представителей (К. Цвайгерта, Х. Кетца, Р. Шлезингера и Р. Сакко – двое последних рассматриваются, соответственно, как основоположник подхода к решению проблем, свободного от абстрактных, технических терминов, и его последователь[43]) С. Гольцберг переходит к аргументам критиков. По сути, их два: презумпцию сходства следует заменить презумпцией различий; сходство выполняемых правовым инструментарием функций еще не означает, что в разных юридических культурах ставится идентичная проблема[44]. Ссылаясь на экспериментальные исследования Дж. Фодора, американского философа и психолингвиста, С. Гольцберг приводит такой пример: если для ученого не имеет принципиального значения, какой лапкой и как сильно лабораторная крыса нажмет на кнопку под воздействием стимула, тогда сам факт нажатия уже считается успешным результатом. Напротив, в лингвистике невозможно абстрагироваться от многочисленных нюансов, возникающих при сравнении высказываний, даже относящихся, казалось бы, к одному предмету.

---

[42] Решение проблем, задач (*англ.*). Понимаемый узко, данный подход предполагает рассмотрение права как инструмента, предназначенного для эффективного решения конкретных проблем. По мнению английского юриста Дж. Самюэля, его можно применять в перспективе вынесения судебных решений и осуществления юридического перевода, тем самым оправдывая занятия сравнительным правоведением. См.: Samuel G. An Introduction to Comparative Law Theory and Method. – Oxford and Portland, 2014. – P. 17. В широком смысле речь идет о процессе выполнения действий или мыслительных операций (составная часть мышления), который направлен на достижение цели, поставленной в рамках проблемной ситуации. Поскольку такой процесс является наиболее сложной функцией интеллекта, для успешного решения задачи требуется согласование и управление более элементарными навыками на всех его этапах: 1) обнаружение проблемной ситуации; 2) постановка задачи, включающая в себе структурно-функциональный, системный анализ исходных данных и постановку цели; 3) нахождение решения. Понимаемый широко, подход *problem-solving* действительно можно рассматривать как матрицу мышления – то есть формат восприятия информации, ее переработки и формирования решения – компаративиста, придерживающегося теорий функционализма и экономического анализа права.

[43] Goltzberg S. Le droit comparé. P. 13. Он оговаривается, что подход Р. Сакко является более динамичным, но проигрывает концепции Р. Шлезингера из-за искусственного приложения к юридическим феноменам теории формантов (акустическая характеристика звуков речи, которая связана с уровнем частоты голосового тона и образует тембр звука). См.: Sacco R. La comparaison juridique au service de la connaissance du droit. – Paris, 1991 ; *его же*. Legal Formants: A Dynamic Approach to Comparative Law (Instalment I of II) // American Journal of Comparative Law. – 1991. – Vol. 39. – No. 9. – P. 1–34.

[44] См.: Goltzberg S. Le droit comparé. P. 14.

Действительно, соблюдение требования соотносимости сравниваемых объектов часто сводится к констатации того факта, что решение конкретной проблемы достигается в правовых системах разными правовыми средствами. Однако, как отмечал еще в 1970-х гг. М. Ансель[45], задача компаративиста заключается в том, чтобы *объяснить*, а не просто констатировать *причины* применения этих разных средств и *степень различия* между вариантами решения одной и той же проблемы с точки зрения юридической техники (те самые «нюансы», на которые призывает обращать внимание американский психолингвист). Но даже при строгом соблюдении этих требований остается главный вопрос: как определить, идет ли речь об аналогичной проблеме, возникающей в разных юридических культурах, или о разных проблемах (их разном понимании, что еще больше усложняет задачу компаративиста)?

Поскольку С. Гольцберг уходит от ответа, ограничиваясь постановкой вопроса, приведем одну иллюстрацию. В «Структурной антропологии» К. Леви-Строс рассказывает историю о канадском туземце. Сомневавшийся в могуществе шаманов, якобы лечивших людей, и считавший их шарлатанами, он специально прошел у них обучение, но только убедился в своей правоте. Однако, когда этот туземец приступил к лечению больных соплеменников, используя те же незамысловатые приемы, что и наставники, он добился лучших результатов, чем они. Тогда у него возникли сомнения уже не в чудодейственной силе шаманских ритуалов (он знал, какой «силой» они на самом деле обладают), а в собственном статусе (вдруг он – настоящий посредник между миром живых и миром мертвых?). «Таким образом, наш герой сталкивается с проблемой, – рассуждает К. Леви-Строс, – которая, может быть, несколько аналогична проблеме, возникающей по мере развития современной науки. Имеются две системы. <…> Логика и эксперимент показывают, что их различие значимо. В какой системе отсчета их можно сравнивать? С точки зрения соотношения с фактами, где они неразличимы, или в своих собственных системах, где они имеют, теоретически и практически, различную ценность?»[46] Факты таковы: канадский туземец и другие шаманы применяли *одинаковые* способы лечения больных; в то же время он добился *больших* успехов. Следовательно, с точки зрения соотношения с фактами, их действия практически идентичны, а разница между ними заключается в количестве людей, выздоровевших после магических ритуалов. При этом за скобками остаются как причины успехов и неудач, так и отношение шаманов к своим действиям. Поэтому для полноценного сравнения необходимо учитывать не только функциональные аспекты применения конкретных инструментов и количественные показатели его эффективности, но также особенности социальной среды, в которой эти инструменты применяются, специфику менталитета применяющих их лиц и форму выражения ими своего отношения к инструментам и результатам.

Возможно, представители остальных направлений компаративистики иначе решают вопрос о критериях оценки постановки проблемы в различных правовых системах, чем это делают сторонники функционализма. Однако их концепции освещаются С. Гольцбергом в общих чертах. Так, по его мнению, в примыкающем к функционализму *экономическом анализе права* на первый план выходит критерий эффективности юридического инструментария. При этом стремление к достижению наибольшей эффективности с наименьшими затратами обусловливает оценку и сравнение юристами моделей правового регулирования в терминах рыночной экономики, т. е. как конкуренцию норм, принципов и институтов. Напротив, адепты культурологического подхода смещают акцент в сторону ис-

[45] См. подробнее: Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права : сборник. – М., 1981. – С. 37–71.

[46] Леви-Строс К. Структурная антропология. – М., 2001. – С. 182.

следования исторического, культурного и социального контекстов формирования права. Тем самым они, согласно С. Гольцбергу, перестают рассматривать правовую систему как юридический феномен и ограничивают возможность трансплантации (пересадки) норм[47].

Для школы критических правовых исследований важнейшей задачей является деконструкция официального юридического дискурса, в том числе посредством отказа от традиционных дихотомий типа «публичное право/частное право». Принимая во внимание то, что методология данной школы разрабатывается с позиций, близких к философским учениям Ж. Деррида, Ж. Делёза, Г.-Г. Гадамера, попытка С. Гольцберга взглянуть на нее глазами юриста заслуживает высокой оценки. Благодаря ему неискушенный читатель узнает о любопытной концепции Д. Кеннеди, введшего в научный оборот термин «*loopification*» (от англ. *loop* – петля, круг, зацикливание)[48]. Исследуя судебные решения с помощью методов семиотики и феноменологии, этот американский философ права подвергает критике основные понятия юридической догматики, представляющиеся ему крайне уязвимыми.

В то же время собственная позиция С. Гольцберга относительно направлений компаративистики, рассмотренных им, остается не до конца проясненной. Он констатирует, что, вопреки очевидной гетерогенности подходов к сравнению правовых систем, большинство современных юристов предпочитает скорректированный вариант функционализма, учитывающего приведенные выше критические замечания. Можно ли его самого отнести к сторонникам обновленной версии функционализма? Об этом приходится только догадываться.

К недостаткам исследования С. Гольцберга относится также то, что он обходит молчанием вопрос о роли сравнительного правоведения в процессах гармонизации и унификации права в условиях современной международной интеграции. Вообще, проблематика международного частного и публичного права остается за рамками его работы. Пожалуй, рассмотрение примеров трансплантации (пересадки) правовых принципов – тот редкий случай, когда он применяет сравнительный анализ к праву Европейского союза и Совета Европы. Итак, первый пример: немецкому публичному праву давно известен принцип пропорциональности (соразмерности), в соответствии с которым основным критерием при оценке действий органов власти и должностных лиц является необходимость принятия соответствующих мер для достижения конкретных целей. Поскольку данный принцип оказался включен в правовую систему Европейского союза и регулярно применяется Европейским судом по правам человека, он стал обязательным для Великобритании[49]. Однако в ее праве до этого действовал принцип *unreasonableness* (необоснованность, нецелесообразность), который, разумеется, имеет свои особенности. Отсюда С. Гольцберг делает следующий вывод: «…здесь происходит трансплантация (пересадка) от Германии к Соединенному Королевству через ев-

[47] См.: Goltzberg S. Le droit comparé. P. 15.

[48] См. подробнее: Kennedy D. The Stages of the Decline of the Public/Private Distinction // University of Pennsylvania Law Review. – 1982. – Vol. 130, No. 6. – P. 1349–1357. Финальный аккорд этой статьи говорит сам за себя: «Американскому фонду адвокатов следует поручить провести эмпирическое исследование упадка либеральных различений в надежде дать точное определение стадиям упадка и установить, происходит ли он в инвариантной последовательности. История упадка либерального легализма слишком важна, чтобы полагаться на догадки» (p. 1357).

[49] Интересен факт, о котором умалчивает С. Гольцберг: тест на пропорциональность (соразмерность) вмешательства органов государственной власти в сферу осуществления частными лицами своих прав был впервые применен ЕСПЧ в деле «Хендисайд против Соединенного Королевства» (1976). См. подробнее: Barak A. Proportionality. Constitutional Rights and their Limitations. – New York, 2012. – P. 184.

ропейское право – при этом принцип претерпевает столько изменений, что возникают сомнения в том, остается ли он одним и тем же»[50].

Похожая судьба у эстоппеля (запрет на противоречивое поведение). С одной стороны, этот принцип активно применяется юристами стран *common law*. С другой стороны, слово *estoppel* французского происхождения, но во французском праве рассматриваемый принцип в его полной версии появился относительно недавно[51]. Вместе с тем он известен не только англосаксонским правовым системам, но и международному праву, причем как частному, так и публичному[52]. Возникает закономерный вопрос: почему Кассационный суд Франции посчитал необходимым заимствовать принцип эстоппеля из другой юридической культуры? Отвечая на него, С. Гольцберг напоминает о том, что во французском праве существовал эквивалент данного принципа. Следовательно, трансплантация (пересадка) могла произойти исключительно для повышения репутации национальной юрисдикции, то есть по соображениям престижа[53]. Вывод любопытный, хотя и весьма спорный.

Между тем, в отличие от многих зарубежных и российских правоведов, С. Гольцберг не высказывается определенно о достоинствах и недостатках унификации права в современном мире. Напомним, что до конца 1980-х гг. за рубежом пользовалась поддержкой ряда ведущих юристов т. н. критическая теория сравнительно-правовых исследований. Она развивалась в контексте противостояния западной и социалистической моделей права, обосновывая с прагматических позиций необходимость ориентации компаративистов на постановку и решение конкретных проблем национальных правовых систем при отказе от попыток их сближения и тем более унификации права[54]. Но после заключения Маастрихтского договора и внесения в законодательство его участников соответствующих изменений, а также благодаря активному развитию европейского права критическая теория на некоторое время сдала свои позиции в зарубежной компаративистике. Однако между сторонниками и противниками унификации (гармонизации) права, а также внутри каждого лагеря продолжаются дискуссии. Анализируя аргументы обеих сторон, Дж. Самюэл указывает на их общую фундаментальную черту –

[50] Goltzberg S. Le droit comparé. P. 83.

[51] Заметим, что в правовых системах континентальной Европы параллельно принципу *эстоппель* развивался принцип *venire contra factum proprium*, который заключается в запрете противоречивого поведения лица, поскольку контрагент имеет основания полагаться на его предыдущее поведение. См. подробнее: Markesinis B. S., Unberath H., Johnston A. The German Law of Contract: a Comparative Treatise. – 2006. – P. 123. Что касается французского права, то официальное признание эстоппель получил в 2005 г., когда Кассационный суд вынес решение по делу «Гольшани против Правительства Исламской Республики Иран» (в дальнейшем он часто возвращался к этому принципу, конкретизируя его содержание и специфику применения в своих решениях). Впрочем, предложения о включении эстоппеля во французское право неоднократно высказывались, как отмечает С. Гольцберг, начиная с 1994 г. Для сравнения: в российское законодательство данный принцип включен в 2013 г. (п. 5 ст. 166 ГК РФ). Кроме того, в 2015 г. эстоппель стал универсальным принципом российского частного права (п. 3 ст. 432 ГК РФ).

[52] Позволим себе привести пример, поскольку С. Гольцберг ограничивается общим указанием на применение эстоппеля в международном праве. Так, Международный суд ООН применяет данный принцип, начиная с разрешения – как оказалось, не окончательного! – в 1962 г. спора между Камбоджей и Таиландом о принадлежности храма Преа Вихеар и территории рядом с ним. Довод Таиланда о неправильности карты, устанавливавшей границу между двумя государствами в спорном районе, был отклонен на том основании, что в течение многих лет он замалчивал этот факт в своих интересах.

[53] Goltzberg S. Le droit comparé. P. 84. Ср.: Cuniberti G. Enhancing Judicial Reputation through Legal Transplants. Estoppel Travels to France // The American Journal of Comparative Law. – 2012. – Vol. 60, No. 2. – P. 383–400.

[54] Согласно М. Анселю, «успех “критической теории” был велик, причем особенно там, где уже и раньше отрицательно относились к унификаторской миссии сравнительного права». См. подробнее: Ансель М. Указ. соч. С. 40–41. Ср.: Тилле А. А., Швеков Г. В. Указ. соч. С. 45–47.

«сохраняющуюся важность макро-мышления в сравнительном правоведении»[55]. При этом одни компаративисты, отмечая незначительность различий в правовых системах европейских стран, заявляют о возможности гармонизации гражданского или конституционного права на региональном и глобальном уровнях (например, А. Харткамп[56]), тогда как другие (П. Легран[57]) решительно возражают против такой идеи. Разумеется, предлагаются и более мягкие версии гармонизации права, допускающие ее в границах отдельных правовых семей (Р. Давид[58]). К сожалению, данная дискуссия не находит отражения в работе С. Гольцберга, акцентирующего внимание на возможности осуществления трансплантаций (пересадок) от одной правовой системе другой.

Тем не менее российского юриста приятно удивит то, что зарубежный компаративист ссылается в разделе о концепциях *эволюции правовых систем* на идеи выдающегося историка-медиевиста и правоведа П. Г. Виноградова. По мнению профессора Московского и Оксфордского университетов, право проходит в своем развитии шесть стадий: 1) период тотемического общества, где право в техническом смысле отсутствует; 2) период племенного права, не создаваемого целенаправленно, а провозглашаемого; 3) период городского (полисного) права античных Греции и Рима, причем только римское право перешло на следующий этап эволюции; 4) период средневекового права, сочетающего в себе элементы феодального и канонического права; 5) период индивидуалистического права, постепенно вытеснявшего средневековое и достигшего своего апогея к середине XIX в.; 6) период социалистического права. В целом относящийся скептически к концепциям эволюционизма из-за предпочтения их авторами стройных систем в ущерб фактам (упрощенные, схематичные представления о социальном регулировании в первобытном обществе; установление коммунистического режима в бывшей Российской империи сразу за феодализмом, а не капитализмом), С. Гольцберг критикует и данный подход.

Современный компаративист обращает внимание на то, что в модели эволюции права, предложенной П. Г. Виноградовым, отсутствует единство критериев: «переходы между первыми стадиями объясняются с позиции социологии, тогда как смена завершающих стадий связывается с развитием философских идей»[59]. На наш взгляд, этот упрек особенно справедлив в отношении последней стадии. Если понимать под социалистическим правом законодательство РСФСР, то очевидно, что на момент изложения российско-британским ученым своей оригинальной концепции (1920–1922) оно только начинало создаваться и отличалось от т. н. индивидуалистического права в большей степени идеологической составляющей, чем собственно формально-юридическими аспектами. Достаточно вспомнить, что в первые годы советской власти были приняты такие типичные для буржуазного права нормативные акты, как Конституции и кодексы. Но, учитывая отрицательное отношение П. Г. Виноградова к большевикам, следует признать, что он имел в виду совершенно иное, а именно тот новый тип правового регулирования, о котором писали Л. Дюги, А. Г. Гойхбарг, Г. Д. Гурвич. Тогда, действительно, речь идет скорее о философских идеях, чем о реальном праве.

Подводя итог, можно с уверенностью предположить, что исследование С. Гольцберга привлечет к себе пристальное внимание российских юристов, ин-

[55] Samuel G. Указ. соч. P. 52–53.

[56] Hartkamp A. European Law and National Private Law. Effect of EU Law and European Human Rights Law on Legal Relationships between Individuals. – Cambridge, 2016. – P. 3–28.

[57] Legrand P. Against a European Civil Code // Modern Law Review. – 1997. – Vol. 60, No. 1. – P. 44–63.

[58] Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 7–28.

[59] Goltzberg S. Le droit comparé. P. 62.

тересующихся современным состоянием компаративистики. Не претендуя на всестороннее освещение проблематики этой дисциплины, он определяет свою задачу одновременно более скромно и амбициозно: познакомить широкий круг читателей с миром сравнительного правоведения. Возможно, иногда С. Гольцберг теряет равновесие, балансируя между *функционализмом* и *культурологическим подходом* к анализу правовых систем. Однако в чем точно нельзя его упрекнуть, так это в свойственном многим теоретикам права пренебрежении практическими примерами. Красной нитью через его книгу проходит мысль о том, что интерес к сравнению, свойственный человеческому мышлению, актуализируется, когда возникает потребность что-то изменить. Именно тогда сравнительное правоведение зарождается как полноценная дисциплина, поскольку беглого взгляда «по ту сторону», замечающего лишь внешние сходства и отличия между «нашим» и «чужим», оказывается недостаточно. Более того, принимая видимость за реальность, можно поспешно осудить иной образ жизни или сформировать удобное, но искаженное представление о нем. Если право – это язык, посредством которого кристаллизируются и сохраняются ценности общества, то сравнительное правоведение – постоянный диалог юридических культур, требующий уважительного отношения к собеседнику.

Литература

1. Agostini E. Droit comparé. – Paris : Presses Universitaires de France, 1988. – 352 p.
2. Barak A. Proportionality. Constitutional Rights and their Limitations. – New York : Cambridge University Press, 2012. – 611 p.
3. Cuniberti G. Enhancing Judicial Reputation through Legal Transplants. Estoppel Travels to France // The American Journal of Comparative Law. – 2012. – Vol. 60, No. 2. – P. 383–400.
4. Goltzberg S. 100 principes juridiques. – Paris : Presses Universitaires de France, 2018. – 166 p.
5. Goltzberg S. L'argumentation juridique. – Paris : Dalloz, 2019. – 138 p.
6. Goltzberg S. Le droit comparé. – Paris : Presses Universitaires de France, 2018. – 128 p.
7. Goltzberg S. Les sources du droit. – Paris : Presses Universitaires de France, 2018. – 128 p.
8. Goltzberg S. Théorie bidimensionnelle de l'argumentation juridique: définition, présomption et argument a fortiori. – Bruxelles : Bruylant, 2012. – 132 p.
9. Goltzberg S., Schauer F. F. Penser en juriste. Nouvelle introduction au raisonnement juridique. – Paris : Dalloz, 2018. – 234 p.
10. Halpérin J.-L. Introduction au droit en 10 thèmes. – Paris : Dalloz, 2017. – 347 p.
11. Hartkamp A. European Law and National Private Law. Effect of EU Law and European Human Rights Law on Legal Relationships between Individuals. – Cambridge : Intersentia, 2016. – 286 p.
12. Jacob R. La Grâce des juges. L'institution judiciaire et le sacré en Occident. – Paris : Presses Universitaires de France, 2014. – 515 p.
13. Jacob R. Les formes premières du droit en Occident. I. La parole impérieuse. – Paris : Presses Universitaires de France, 2020. – 532 p.
14. Jestaz Ph. Les sources du droit. – Paris : Dalloz, 2005. – 158 p.
15. Jouanjan O. Justifier l'injustifiable. L'ordre du discours juridique nazi. – Paris : Presses Universitaires de France, 2017. – 328 p.
16. Kennedy D. The Stages of the Decline of the Public/Private Distinction // University of Pennsylvania Law Review. – 1982. – Vol. 130, No. 6. – P. 1349–1357.
17. Legrand P. Against a European Civil Code // Modern Law Review. – 1997. – Vol. 60, No. 1. – P. 44–63.
18. Legrand P. Le droit comparé. – Paris : Presses Universitaires de France, 2011. – 128 p.
19. Legrand P. Pour la relevance des droits étrangers. – Paris : IRJS Editions, 2014. – 454 p.
20. Legrand P. The Impossibility of "Legal Transplants" // Maastricht Journal of European and Comparative Law. – 1997. – No. 4. – P. 111–124.
21. Markesinis B. S., Unberath H., Johnston A. The German Law of Contract: a Comparative Treatise. – Oxford and Portland : Hart Publishing, 2006. – 1040 p.

22. Ost F. Dire le droit, faire justice. – Bruxelles : Bruylant, 2012. – 224 p.
23. Ost F. Le temps du droit. – Paris : Odile Jacob, 1999. – 376 p.
24. Ost F. Si le droit m'était conte. – Paris : Dalloz, 2019. – 214 p.
25. Ruskola T. Legal Orientalism. China, the United States, and Modern Law. – Cambridge : Harvard University Press, 2013. – 352 p.
26. Sacco R. La Comparaison juridique au service de la connaissance du droit. – Paris : Economica, 1991. – 176 p.
27. Sacco R. Legal Formants: A Dynamic Approach to Comparative Law (Instalment I of II) // American Journal of Comparative Law. – 1991. – Vol. 39, Nº 9. – P. 1–34.
28. Samuel G. An Introduction to Comparative Law Theory and Method. – Oxford and Portland : Hart Publishing, 2014. – 232 p.
29. Thunis X. L'empire de la comparaison // L'utilisation de la méthode comparative en droit européen. Droit. No. 25 / Fr. van der Mensbrugghe (dir.). – Namur : Presses Universitaires de Namur, 2003. – P. 5–15.
30. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права : сборник / сост., вступ. ст., пер. В. А. Туманов. – М. : Прогресс, 1981. – С. 37–71.
31. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. – М. : Международные отношения, 1996. – 400 с.
32. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М. : Эксмо-пресс, 2001. – 512 с.
33. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 584 с.
34. Марченко М. Н. Сравнительное правоведение. – М. : Проспект, 2017. – 784 с.
35. Рулан Н. Историческое введение в право. – М. : NOTA BENE, 2005. – 672 с.
36. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение. – М. : Норма, 2020. – 320 с.
37. Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. – М. : Норма, 1996. – 432 с.
38. Тилле А. А., Швеков Г. В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. – М. : Высшая школа, 1973. – 192 с.
39. Туманов В. А. Избранное. – М. : Норма : Инфра-М, 2010. – 736 с.
40. Чиркин В. Е. Сравнительное правоведение. – М. : Норма : Инфра-М, 2019. – 320 с.

Vasilii Alekseevich Tokarev,
Cand. Sci. (Law), Research Fellow at National Research University
Higher School of Economics (Moscow); a Doctoral Candidate
at the University of Bordeaux (France)

A Modern Approach to Comparing Legal Cultures
(A Book Review of Stefan Goltzberg's "Le Droit Comparé".
Paris: Presses Universitaires de France, 2018. 128 p.)

Abstract. This review of Stefan Goltzberg's "Le Droit comparé" (2018) focuses on the problems of the admissibility of comparing normative systems that have endured much criticism due to their formal and/or substantive features, as well as the criteria for comparing legal cultures. According to S. Goltzberg, objective analysis presupposes reasonable restraint of the comparativist, which brings comparative jurisprudence closer to comparative linguistics. In addition, it is necessary to take into account the context in which legal phenomena arise and develop.
S. Goltzberg classified the main directions of comparative law into two groups. The first group includes functionalism and economic analysis of law. Their proponents compare models for solving actual problems and use the presumption of similarity of the compared objects. The second group includes culturalism and the school of critical legal studies. Their followers adhere to the presumption of differences and question many classical concepts, constructions, and dichotomies of dogmatic jurisprudence.
The key concept for S. Goltzberg's approach to comparing legal cultures is the source of law, which he considers in connection with legal argumentation and theory of literary genres. Evaluating the arguments of supporters and opponents of legal borrowing, he develops an approach to

comparing legal phenomena, which allows for the possibility of legal transplants, but at the same time takes into account the modification of the object of transplantation in a new culture.
Keywords: comparison; legal culture; source of law; functionalism; legal transplant

С. И. Глушкова*

Рецензия на монографию О. Ф. Русаковой и В. М. Русакова «Травелог: Теоретико-методологический анализ» (Екатеринбург, 2021)

Новая научная монография известных уральских и российских ученых, членов РАПН О. Ф. Русаковой (Институт философии и права УрО РАН) и В. М. Русакова (УрФУ) «Травелог: Теоретико-методологический анализ» (Екатеринбург, Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2021) посвящена изучению весьма актуальной темы – разработке и применению теоретико-методологического инструментария для исследования сложного, многослойного онтологического и ментального образования, разновидности социокультурной и научной коммуникативной практики, каковым является травелог. Ключевой методологией исследования выступает методология дискурс-анализа.

Как отмечают авторы монографии, «даже самый беглый обзор видов и жанров травелога свидетельствует о чрезвычайном их многообразии. Ведь это – и описания реальных и мнимых (вымышленных) путешествий, и представления о всевозможных путях и путниках, о странствиях мифологических героев в поисках подвигов и приключений. К травелогам относятся также различные странствия души в поисках жизненных смыслов и ценностей. Нарратив травелога включает и сухие отчеты научных экспедиций, и теоретико-методологические изыскания в процессе разрешения философских и политических проблем, и составление методик проведения школьного урока, и наставления по подготовке публичной речи. Наконец, век нынешний рождает такой вид травелога как “travel-blog”» (с. 5).

Авторы монографии, опираясь на новейшие исследования в области изучения новейших форм познания, подвергают специальному теоретико-методологическому анализу дискурс травелога, выделяя в нем специфическую концептосферу, представленную такими базовыми понятиями, как Путник, Путь, Приключение и др.

При этом показано, что в дискурсе многочисленных видов и жанров травелога просматривается единство фундаментальных схематизмов, лежащих в основании произведений, текстов и практик мировой культуры.

В монографии авторами впервые освещаются следующие аспекты:

1) дается структурный анализ травелога как креативно-практической деятельности субъекта (актора), направленной на организацию и проведение работ по сбору, изучению и репрезентации новых данных об объектах действительности, состоящий из четырех основных частей (с. 41–43);

2) рассматриваются диахроннный и синхронические аспекты концептуальной структуры травелога, что позволяет представить травелог как многослойную сложноорганизованную концептосферу, подразумевающую анализ таких его составляющих, как «архетип», «концепт», «архетипический концепт», «мифологемы», «схематизмы» (к примеру, устойчивые связи концептов Путь, Путник, Дорога, Судьба, Начало, Вызов, Врата, Граница, Переводчик, Проводник, Трикстер, Возвращение, Завершение, Конец, Смерть и др.) (с. 43–76);

* **Светлана Игоревна Глушкова,** д-р полит. наук, завкафедрой прав человека, профессор Гуманитарного университета, председатель Свердловского регионального отделения РАПН (г. Екатеринбург).

© С. И. Глушкова, 2021

3) производится хронотопный анализ травелога (на примере «Писем из Донбасса» Захара Прилепина, представляющих собой документальный травелог), на основании которого делаются следующие методологические выводы относительно способов хронотопных репрезентаций: соконтинуальный характер разновидностей хронотопа в травелоге; контрапунктное противостояние одного хронотопа другому (с. 103);

4) раскрыты семиотический, перформативный, кратологический и институциональный аспекты дискурса травелога, проведен его многоаспектный дискурс-анализ на конкретных примерах (так, семиотический аспект раскрывается на примере рассматриваемого А. В. Оляничем дискурса тюркоязычного города) (с. 115–118);

5) анализируются современные виды и жанры травелога: впервые рассматривается структура политического травелога, научного травелога, антропоцентрического травелога, на конкретных примерах раскрываются особенности фотодокументального травелога (с. 231–239).

Интересны размышления и выводы авторов о том, что «в дискурсе политического травелога важное место занимают повествования о различных *походах, маршах и штурмах*, обладающие ярко выраженными перформативными свойствами:

- *марши* (например, марш женщин-парижанок 5 октября 1789 г. на Версаль; марш «чернорубашечников» Б. Муссолини на Рим в 1922 г., марш «За труд и свободу» на Вашингтон, где Мартин Лютер Кинг произнес знаменитую речь «У меня есть мечта» и т. п.);

- *военные походы* («Ледяной поход» (1918); Великий Сибирский ледяной поход белой армии (1920), Великий поход армий китайских коммунистов (1934–1936), Северный поход 1926–1928; Поход революционной колонны К. Престеса в Бразилии; поход колонн революционных партизан-барбудос под руководством Ф. Кастро и Э. Че Гевары на Гавану в 1958 г.);

- *штурмы* (штурм Бастилии (1789), штурм Зимнего дворца (1917), штурм казармы Монкада (1956));

- *парады, уличные шествия и демонстрации* (знаменитая демонстрация 1 мая в Чикаго, знаменитый военный парад 7 ноября 1941 г. в Москве на Красной площади и парад Победы в Москве в июне 1945 г., антифашистская демонстрация левых сил в Париже в феврале 1934 г., факельные шествия нацистов в Германии (1934–1945), демонстрации движения за независимость Индии под руководством М. Ганди (1940–1947), антивоенные демонстрации в Вашингтоне (против войны во Вьетнаме в 60-х гг.));

- *политические празднества и юбилеи* (торжества в честь революционных событий – День международной солидарности трудящихся (1 мая), 70-летний юбилей Великой китайской социалистической революции и провозглашения КНР 1 октября (1949–2019) и т. п.)» (с. 182–183).

Особенно важными являются новые идеи и актуальные выводы авторов о научном травелоге. Так, в частности, они отмечают следующее: «Научный травелог – это способ творческого освоения человеком новых областей действительности в форме продуцирования рационального и инновационного знания о них в соответствии с принятыми принципами и методами его получения и построения. Общеизвестно, что данный жанр травелога по своей занимательности, силе воздействия на публику вполне может поспорить с художественной литературой приключений» (с. 197).

Анализируя особенности научного травелога, авторы делают важный вывод о том, что именно в нем «меняется содержательная часть главных концептов травелога – Пути, Путника, Приключения/Испытания/Инициации, Проводника/Пере-

водчика и других смежных концептов, при помощи которых совершается аналитическая работа по разработке и осуществлению увлекательного пути познания (с. 198).

Авторы монографии существенно расширяют понимание образа Путника в научном травелоге, и справедливо разграничивают не только разные возрастные группы ученых, но и ученых с различными методологическими подходами, полярными представлениями о сути научного знания, содержании научного исследования, назначении результатов научных изысканий в современном обществе и государстве. Так, они выделяют в научном травелоге следующих, по их мнению, «персонажей»: ученый, ученик, молодой ученый, классик, открыватель, изобретатель, авантюрист (с. 198).

Исследуя особенности образовательного процесса по подготовке будущих ученых, научно-исследовательской работы опытных и молодых ученых, авторы монографии считают важным вариантом концепта Путник – концепт *Учителя/Наставника*, как своеобразного Проводника. Размышляя о назначении такого учителя/наставника, они отмечают, что «Учитель не только сообщает базовые знания в определенной области познания ученику, руководит выработкой необходимых умений и навыков, но передает ему этос науки (это – не «гуру»,не «Мастер», владеющий эзотерическими тайнами, которые он «унесет с собой в могилу», а проводник и воспитатель своих учеников)» (с. 200).

Большую роль, по мнению авторов, в научном травелоге также имеют так называемые «Переводчик/Толмач/Проводник», которых они считают популяризаторами науки: «Как известно, А. Эйнштейн заметил по данному поводу, что он почтет действительно гениальным всякого человека, который первому встречному солдату сумеет объяснить, что такое дифференциальное счисление. Научно-популярная литература (аудио-, видеопродукция) выполняет исключительно важные функции, раскрывая обществу (и в особенности молодежи) не только увлекательный мир интеллектуального творчества, но и значительную роль продуктов познания, кардинально изменяющих наш образ жизни, а также предостерегает от опасности бесконтрольной деятельности авантюристов, мошенников, корыстолюбивых личностей и корпораций» (с. 200).

Монография в определенной мере подводит итог многолетним исследованиям авторов в области дискурс-анализа травелога, которые вылились в серию статей для научного журнала «Дискурс-Пи», для проекта энциклопедии «Дискурсология», вошли в содержание ряда конференций и конгрессов.

Текст монографии представляет значительный интерес для научной общественности в силу своего ярко выраженного инновационного характера. Она представляет собой комплексное, междисциплинарное исследование, направленное на изучение травелога как многопланового социкультурного явления, как особой коммуникативной и репрезентационной практики, как креативной формы освоения действительности.

Svetlana Igorevna Glushkova,
Dr. Sci. (Political Science), Professor, Head of Human Rights Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities, Head of Russian
Political Science Association in the Sverdlovsk region (Yekaterinburg)

A Review on the O.F. Rusakova and V.M. Rusakov's Monograph "Travelogue: Theoretical and Methodological Analysis" (Yekaterinburg, 2021)

◈

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс научного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки постатейно **(полные тексты в открытом доступе).**

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- **Экономика**
- **Юриспруденция**
- **Философия**

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья создана на основе какого-либо научного исследования (диссертации), это необходимо указать в ссылке.

Требования к оформлению материалов

- Текстовый редактор Word 2003–2007, шрифт Times New Roman,
  размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5,
  абзацный отступ – 0,7 см;
  поля: сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Объем статьи до 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- Ссылки на литературу помещаются в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2, с. 15]); список литературы (в алфавитном порядке) – в конце статьи, оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- **На русском и английском языках** приводятся:
  - **название статьи;**
  - **сведения об авторах**:
    фамилия, имя, отчество ***полностью;***
    ученая степень, ученое звание, должность;
    место работы – ***полное название организации;***
    контактная информация: адрес электронной почты *(укажите, согласны ли Вы опубликовать его)*, телефон;
  - **аннотация** (150–250 слов);
  - **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Все материалы проверяются на наличие заимствований через систему «Антиплагиат». Текст рукописи должен содержать более 70 % оригинального текста. Автор может представить рецензию на статью специалиста в данной области знания (доктора или кандидата наук), что не исключает дополнительного рецензирования. **Для магистрантов и аспирантов** необходим отзыв-рекомендация научного руководителя или представление профильной кафедры.

Рецензию, рекомендацию или представление необходимо заверить подписью и печатью организации и представить в редакцию (лично либо отсканированный вариант по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

К изданию принимаются материалы, подлежащие открытой публикации. Автор(ы) должны письменно выразить согласие на размещение материалов в открытом доступе (на сайте журнала, в системе РИНЦ и других базах данных), указывая «согласен(на) на размещение материалов в открытом доступе» в письме либо в конце текста статьи.

Приветствуются работы, в которых содержатся ссылки на материалы, опубликованные в «Вестнике Гуманитарного университета».

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru **с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук»**, например «Вестник ГУ, экономика». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Периодичность издания – 4 номера в год.

Сроки представления материалов к публикации:
№ 1 – до 1 февраля
№ 2 – до 1 мая
№ 3 – до 1 августа
№ 4 – до 1 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207,
тел. (343) 305-50-71.

Приглашаем Вас опубликовать свои работы
в «Вестнике Гуманитарного университета»!

Туризм в культурной географии Уральского региона : монография / Л. А. Мясникова, С. А. Рамзина, О. Ю. Зотова [и др.] ; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 362 с.

ISBN 978-5-7741-0269-3

В монографии представлены две основные линии анализа: культурная география Урала как «методологическая сетка» и «питающая среда», в которой развивается региональный туризм; виды и направления туризма, наиболее характерные для региона и способные влиять на его культурно-географические образы.

Рекомендуется специалистам – практикам и теоретикам туризма, гостеприимства, краеведам, регионоведам, культурологам, культурным антропологам.

Мясникова Л. А., Шайгарданова Н. Л.

Советский Эдем : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 209 с.

ISBN 978-5-7741-0264-8

В монографии осуществляется анализ советского парка культуры и отдыха. Советский парк представлен как культурный феномен, являющийся вариацией городского публичного парка, как звено культурно-исторической трансформации садов и парков. Вместе с тем парк культуры и отдыха является воплощением советского идеологического проекта по формированию нового человека и нового общества. Для авторов парк – идеальное место человека, попытка вернуться в утерянный рай, но понятый по-советски. Изменение советской культуры, идеологии, общества соотносятся с пространственно-смысловыми изменениями парка. История парка предстает как зеркало истории страны. Монография будет интересна философам, культурологам, историкам, а также специалистам по социально-культурным практикам организации досуга, туризма, арт-проектирования и др.

Либер Е.

Букварь начинающего арт-критика : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-7741-0231-0

Учебное пособие «Букварь начинающего арт-критика» охватывает основные формы профессиональной деятельности историка искусства и арт-критика: визуальное исследование, анализ, интерпретацию и оценку произведения искусства. Пособие учит понимать визуальные искусства, писать о них эссе, обзоры и исследовательские работы; знакомит с современными теориями искусства и методологией анализа произведений искусства. Пособие обращено к студентам высшим учебных заведений, изучающим визуальные искусства, а также к студентам-журналистам, специализирующимся в области культурной журналистики. Оно также содержит полезные рекомендации для преподавателей-инструкторов, в том числе рабочую программу практикума «Как писать об искусстве?»

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстетику А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысляется трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антеверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философовкоммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионоведам, культурологам.

Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов/натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.
E-mail: ektbriogu@mail.ru

МАГИСТРАТУРА

Прием на обучение по программам магистратуры на 2021/2022 год
проводится **по следующим направлениям:**

- **Психология (37.04.01)**
- **Экономика. Управленческая экономика и стратегия бизнеса (38.04.01)**
- **Экономика. Финансы и кредит (38.04.01)**
- **Юриспруденция (40.04.01)**

Срок обучения в магистратуре составляет:
2 года на очной форме;
2,6 года на очно-заочной и заочной форме
(2,5 года по очно-заочной и заочной форме (Юриспруденция))

Подготовка магистров осуществляется:
- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе

Количество бюджетных мест на 2021/2022 учебный год:

- **Психология (37.04.01)**
  очно-заочная форма – 6 мест
- **Экономика:**
  профиль **Управленческая экономика и стратегия бизнеса (38.04.01)**
  профиль **Экономика. Финансы и кредит (38.04.01)**
  очная форма – 5 мест;
  заочная форма – 4 места
- **Юриспруденция (40.04.01)**
  очно-заочная форма – 11 мест

Прием документов
(паспорт, документ о высшем образовании, 4 фото 3×4)
проводится в следующие сроки:

бюджет
- все формы обучения – с 1 июня по 16 августа 2021 года

внебюджет
- очная форма – с 1 июня по 26 августа 2021 года
- очно-заочная и заочная форма – с 1 июня по 25 октября 2021 года

Вступительные испытания для поступления в магистратуру:
тестирование профильной направленности

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе, на обучение по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре, принимаются граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра.

Прием в аспирантуру Гуманитарного университета в 2021/2022 учебном году ведется по следующим направлениям:

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)
- Политические науки и регионоведение (41.06.01)
- Социологические науки (39.06.01)

Срок обучения в аспирантуре составляет:
3 года на очной форме;
4 года на заочной форме

Подготовка аспирантов осуществляется на платной основе

Прием документов
(паспорт, документ о высшем образовании, 4 фото 3×4)
проводится в следующие сроки:

- очная форма – с 1 июня по 17 сентября 2021 года;
- заочная форма – с 1 июня по 19 октября 2021 года

Вступительные испытания *(проводятся на русском языке)*:

- очная форма – 20–22 сентября 2021 года (23 сентября – резервный день);
- заочная форма – 20–22 сентября 2021 года, 20–22 октября 2021 года (23 октября – резервный день)

Экзамены на все направления, кроме «Юриспруденции» (компьютерное тестирование), проводятся в устной форме

ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ
г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3, к. 111а,
тел.: (343) 305-50-74
Часы работы: пн.–пт. с 10.30 до 18.00

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.
Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е и з д а н и е

Вестник Гуманитарного университета
2021. № 3 (34)

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Н. Н. Шабалова
Оригинал-макет Ю. Л. Ракульцева

Знак информационной продукции
(в соответствии с Федеральным
законом № 436-ФЗ от 29.12.2010)

16+

Подписано в печать 24.09.2021.
Дата выхода в свет 27.09.2021.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 12,43. Усл. печ. л. 18,4.
Тираж 100 экз. Заказ № 473

Гуманитарный университет
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3.
Лицензия № 2114 от 26.04.2016

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «ИРА УТК»
620089, г. Екатеринбург,
ул. Луганская, 59/4